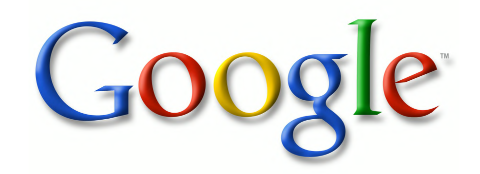
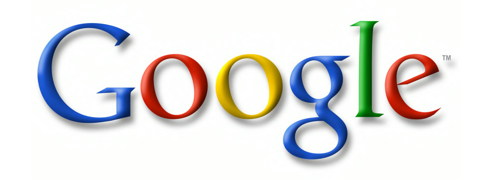
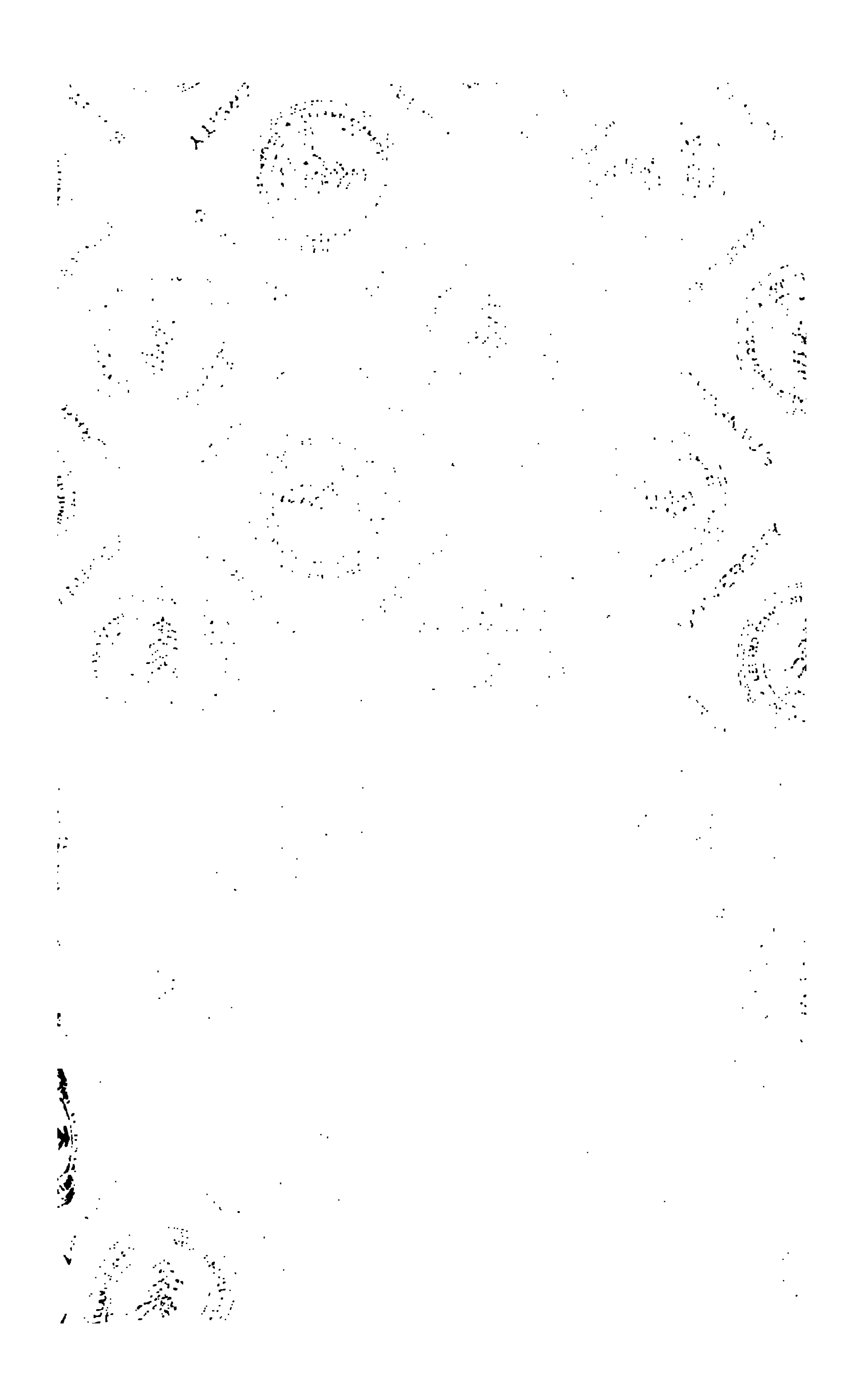
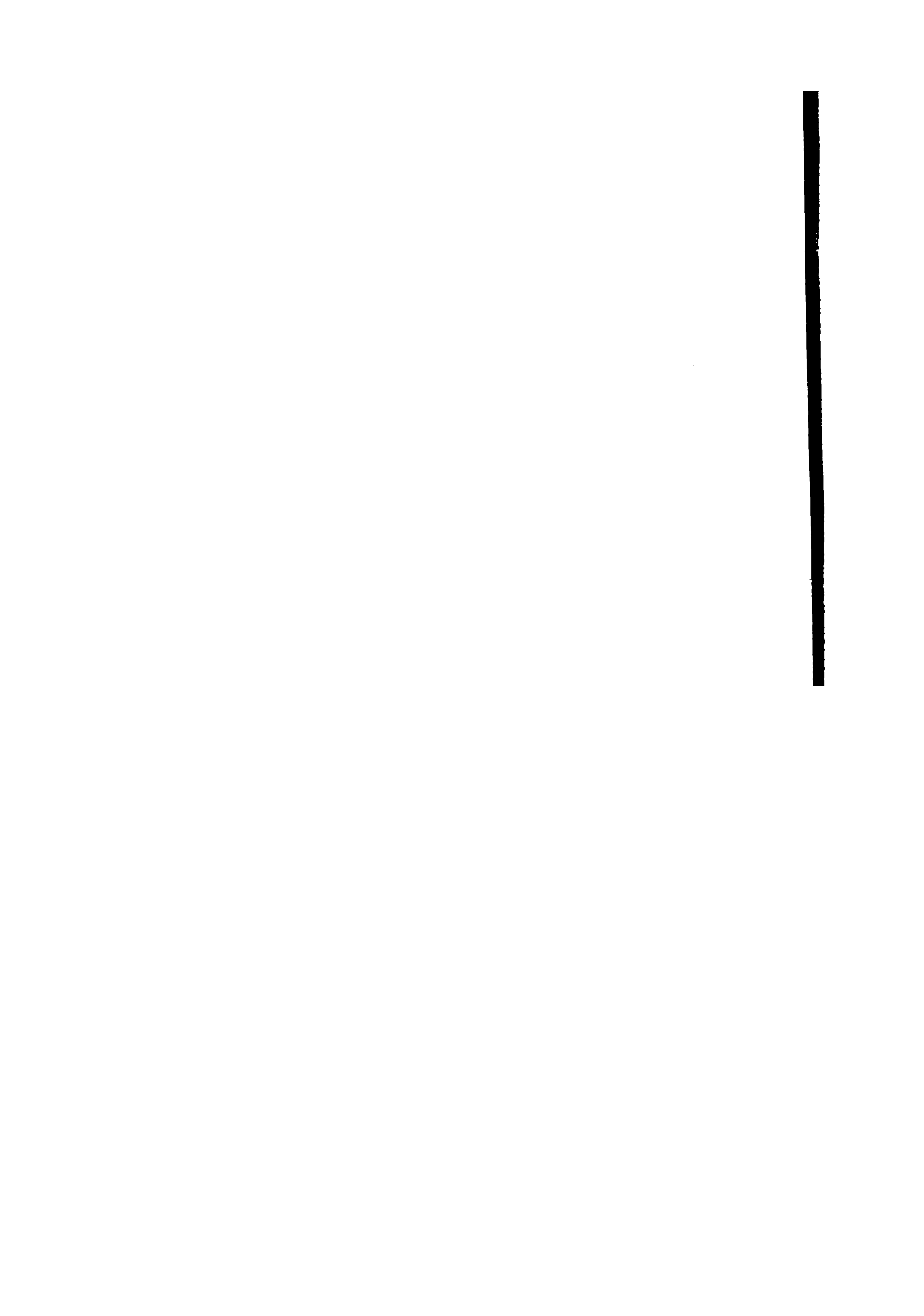

А. С. ШИШКОВЪ

СОБРАНІЕ

ДѢТСКИХЪ ПОВѢСТЕЙ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1818.

ПЕЧАТАНО:

По опредѣленію Императорской Россійской Академіи.

Маія 12 дня 1817 года.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ (*).

Книга сія на Россійскомъ языкѣ давно уже извѣстна подъ названіемъ *дѣтской библіотеки*. Оная есть отчасти переводъ, отчасти же подражаніе изданной отъ господина *Камле* на Нѣмецкомъ языкѣ книги, называемой *kleine kinder-bibliothek*. Я преложилъ оную еще въ молодости моей, по прозбѣ бывшаго тогда Президента Академіи Сергѣя Герасимовича Домашнева. Потомъ отдалъ оную заступившему мѣсто его Президенту Ея Сіятельству Княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, по приказанію которой и была оная напечатана. Я намѣренъ былъ надъ преложеніемъ сей полезной для дѣтей книжки трудиться далѣе, ибо на Россійскомъ языкѣ едва ли составляла она третью долю противъ Нѣмецкаго подлинника, но какъ я по службѣ моей неоднократно отлучался изъ Россіи, и притомъ главную часть жизни моей посвятилъ на сочиненія и переводы морскихъ книгъ, то сіи обстоятельства и отвлекли меня отъ упражненія въ Россійской словесности, а особливо отъ стихотворенія. Между тѣмъ вышеупомянутая книжка моя простымъ своимъ слогомъ увеселяла дѣтей и наставляла ихъ въ благонравіи; они многіе изъ ней сти-

(*) Сіе предувѣдомленіе написано было къ прежнему сей книги изданію, съ картинками.

шки наизусть читали, и родители ихъ принимали оную благосклонно, такъ что въ теченіи шестнатцати или семнатцати лѣтъ была она троекратно издана, токмо не мною; ибо я о послѣднихъ двухъ изданіяхъ не имѣлъ уже ни какова свѣдѣнія. Также къ двумъ моего перевода частямъ прибавлены въ прозѣ еще двѣ части, не знаю кѣмъ переведенныя. Наконецъ видя, что всѣ сіи изданія не весьма исправны, и разсуждая, что таковое сочиненіе не старѣется, поелику всегда ново и полезно для возрастающихъ вновь дѣтей, вздумалось мнѣ въ первый еще разъ издать оную самому, перемѣня чужеязычное названіе ея въ Руское, исправя недостатки, и прибавя къ прежнимъ сказочкамъ многія новыя, въ стихахъ и въ прозѣ, и все сіе украся картинками, изображающими содержаніе басенокъ; ибо извѣстно уже изъ опытовъ, что картинки возбуждаютъ въ дѣтяхъ любопытство и приманиваютъ ихъ къ разсматриванію и чтенію сочиненій насаждающихъ въ младые умы ихъ сѣмена добродѣтелей. Такимъ образомъ издаваемая нынѣ книга сія, хотя, также какъ и прежняя, состоять будетъ въ двухъ частяхъ, однакожъ можетъ почесться за совершенно новую, первое по причинѣ тщательнаго изданія и присовокупленныхъ къ ней украшеній,

а второе потому, что сіи двѣ части съ прибавленіемъ новыхъ басенокъ почти вдвое больше двухъ прежнихъ частей. Я почту себя весьма щастливымъ, когда принесу чрезъ то нѣкоторую отечеству моему услугу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ
Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.
1818.

Стран.

С О Б Р А Н І Е

ДѢТСКИХЪ ПОВѢСТЕЙ.

Колыбельная пѣсенка, которую поетъ Анюта, качая свою куклу.

На дворѣ овечка спитъ,
Хорошохонько лежитъ,
Баю баюшки, баю.
Не упрямится она,
Но послушна и смирна,
Баю баюшки баю.
Не сердита, не лиха,
Но спокойна и тиха,
Баю баюшки баю.
Щиплетъ ходючи траву
На зеленомъ на лугу,
Баю баюшки баю.
Весела почти всегда,
И не плачетъ никогда,
Баю баюшки баю.
Ласки къ ней отмѣнной въ знакъ,
Гладитъ ту овечку всякъ,
Баю баюшки баю.

Такъ и ты моя душа,
Будь умна и хороша,
Ба́ю ба́юшки баю.
Естьли хочешь, чтобъ любя
Всѣ лелѣяли тебя.
Ба́ю ба́юшки баю

БРАТЪ и СЕСТРА.

Сестра: Мнѣ моя куколка всево на свѣтѣ дороже.

Братъ: Не повѣришь какъ я свою лошадушку люблю.

Сестра: О ты моя дорогая куколка!

Братъ: О ты моя золотая лошадушка!

Сестра: Тебя мнѣ матушка подарила.

Братъ: Тебя мнѣ батюшка пожаловалъ.

Оба: О любезные родители! мы васъ еще больше любимъ, нежели подарки, которыми вы насъ такъ охотно увеселяете; мы васъ больше всево любимъ.

ПѢСЕНКА.

При спеленаніи дитяти:

Хоть матушка тебя,
Анюта пеленаетъ;
Не плачь, она любя
Добра тебѣ желаетъ.

Пеленка хошь и жметъ,
Какъ бышь: она полезна,
Покой швой бережетъ,
Анюшушка любезна.
Въ дни зрѣлой красошы
Уже не пеленою
Хранима будешь шы,
Но машерней рукою.

Не сѣшуй, коль она
Покажешся сурова;
То шакже пелена
Для сердца молодова.

ДВѢ СОБАКИ.

Змѣйка завистливая и Соколка добросердечная.

У одного господина были двѣ собаки разныхъ нравовъ.

Соколка, вѣрная и доброхошная собака, сшерегла дворъ: а Змѣйка злая и зависшливая, любима будучи имъ, находилась всегда при немъ въ горницѣ.

Соколка сердечно радовалась, когда господинъ ея ласкалъ Змѣйку; а Змѣйка всегда начинала ворчашь, когда бѣдной ея шоварищъ осмѣливался приползашь къ ногамъ господина своего, чшобъ шакже получишь ошъ него маленькую ласку.

Когда бывало Змѣйкѣ дадутъ кусокъ мяса, то Соколка помахиваетъ хвостомъ, и такъ радуется, какъ бы она сама его получила.

Естьли же напротивъ того Соколкѣ бросятъ кость, то Змѣйка подниметъ такой лай, какъ будтобы домъ горѣлъ: тогда добросердечная Соколка, чтобъ избѣжать ссоры, обыкновенно уступитъ ей недоглоданную кость и побредетъ въ свою канурку.

Господинъ, примѣтя это, сталъ не любить Змѣйку.

Въ одинъ день сидя за столомъ кинулъ онъ имъ обѣимъ вдругъ, Змѣйкѣ кусокъ мяса, а Соколкѣ кость.

Лишь только увидѣла завистливая Змѣйка, что товарищъ ея также нѣчто получилъ, кинула съ серцовъ свое мясо и бросилась на Соколку, чтобъ отнять у нея кость.

Та, по доброму сердцу своему, уступила ей и хотѣла итти опять въ свою канурку.

Однако господинъ кликнулъ ее назадъ, и давъ ей кусокъ мяса, которой Змѣйка бросила, сказалъ:

,,Ѣшь, добрая собака! справедливость требуетъ, чтобъ ты этотъ кусокъ имѣла, потому что у тебя отняли твою кость.,,

Змѣйка вытаращила глаза.

,,И какъ ты, продолжалъ господинъ, добросердечна и уступчива, а та завистлива и нахальна; то будь напредки у меня всегда

въ горницѣ, а она вмѣсто тебя пускай стережетъ дворъ.

,,Возмите, привяжите ее на цѣпь.,,

Сказано, сдѣлано. Змѣйку привязали на цѣпь, а Соколка осталась въ домѣ.

Тогда-то можно было прямо видѣть какое великое различіе между добрымъ сердцемъ и злымъ.

Какъ скоро доброхотная Соколка получала себѣ лакомой кусочикъ, то никогда одна не съѣдала его, а относила всегда часть въ кануру къ Змѣйкѣ, и махая хвостомъ давала ей знать, чтобъ она ѣла.

Также часто ночью добровольно приходила она къ ней въ канурку, чтобъ сдѣлать ей товарищество, и нѣсколько ее на морозѣ посогрѣть.

Но злая и завистливая Змѣйка, вмѣсто благодарности за такія дружескія услуги, всегда на нее ворчала и огрызалась.

Чтожъ напослѣдокъ сдѣлалось?—Зависть и досада на Соколкино щастіе такъ ее измучили, что она скоро издохла.

ПѢСЕНКА КЪ ДОЖДИКУ.

Вася.

Кань на землю, дождикъ, кань!
Хлѣбъ на нивахъ пропадаетъ,

Вянутъ, вянутъ всѣ цвѣты.

Мишюша.

Кань на землю, дождикъ, кань!
Древеса стоятъ уныло,
Сохнетъ, сохнетъ зелень вся.

Вася.

Въ полѣ скотъ ослабѣвая
Томно на небо глядитъ.

Мишюша.

Червь на травкѣ истлѣвая
Безъ движенія лежитъ.

Оба.

Ахъ! не дай цвѣткамъ увянуть,
Червячку въ травѣ истлѣть,
И деревьямъ всѣмъ засохнуть.
Кань на землю дождикъ, кань!

Продолженіе:

Вася.

Вотъ и дождикъ, вотъ и онъ!
Пьютъ цвѣточки увядавши,
Пьютъ сухія сѣмена!

Мишюша.

Дождикъ льется, посмотри!
Пыль съ листочковъ омываетъ,
Оживляются древа.

Вася.

Скотъ отъ зноя утомленный
Къ нему радостно рычитъ.

Мишюша.

Червь на травкѣ изнемогшій
Насыщается и пьетъ!

Оба

Ты сего создавшій червя,
Всяку травку, весь сей скотъ,
Всѣ древа и всѣ цвѣточки,
Будь благословенъ Творецъ!

Три златоперыя рыбки.

Нѣкто доброй человѣкъ имѣлъ у себя три маленькія рыбки, пригожія собою, и чешуйка на нихъ была будто золотая.

Онъ пустилъ ихъ въ чистой прудокъ, и будучи до нихъ добръ, любовался смотря на ихъ свободу.

Часто садился онъ на берегу сего прудка, и бросалъ имъ хлѣбной мякишъ въ воду: тогда сіи прекрасныя рыбки приплывали и ѣли этотъ мякишъ.

Въ это время онъ имъ всегда говаривалъ: ,,Рыбки, рыбки! берегитесь двухъ вещей, естьли хотите жить всегда такъ щастливо, какъ вы теперь живете.

„Не ходите сквозь рѣшетку изъ этова маленькаго въ большой смежной съ нимъ прудъ, и не плаваите поверхъ воды, когда меня здѣсь нѣтъ.„

Но рыбки словъ его не разумѣли. Тогда этотъ доброй человѣкъ самъ въ себѣ подумалъ: ужъ я имъ это какъ нибудь растолкую, и сталъ подлѣ рѣшетки.

Какъ скоро которая нибудь изъ нихъ приходила туда и хотѣла проплыть сквозь рѣшетку, то онъ хлопалъ по водѣ палочкою, чтобъ она испугалась и ушла назадъ.

Тоже самое дѣлалъ онъ, когда которая нибудь изъ нихъ всплывала поверхъ воды, чтобъ она опять ушла на дно.

Теперь чаю онѣ меня поняли, думалъ онъ, и пошелъ домой.

Тогда сіи три пригоженькія рыбки сплылися вмѣстѣ и качаютъ головками, и не могутъ понять, для чего этотъ доброй человѣкъ не хочетъ, чтобъ онѣ сквозь рѣшетку въ большой прудъ и поверхъ воды плавали.

„Самъ онъ ходитъ по верху, сказала изъ нихъ одна, для чегожъ намъ не всплывать иногда къ верху?

„И для чего быть здѣсь въ заперти? сказала другая; что намъ сдѣлается, естьли мы на часокъ въ большой прудъ погулять выдемъ?

Конечно эшо злой человѣкъ, повшорила первая; онъ насъ не любишъ, и не хочешъ, чшобъ мы жили весело.

,,Я на него не посмошрю, примолвила вшорая, и пойду себѣ погуляю въ большомъ пруду.

,,А я, сказала опяшь первая, всплыву между шѣмъ на верхъ и шамъ на солнышкѣ поиграю.,,

,,Но шрешья злашоперая рыбка была благоразумнѣе ихъ и шакъ размышляла.

,,Доброй эшошъ человѣкъ конечно имѣешъ какія нибудь причины намъ шо запрещашь.

,,По всему видно, чшо онъ насъ любишъ.

,,За чѣмъ бы ему приносишь къ намъ шакъ часшо хлѣбной мякишъ, и ушѣшашься смошря какъ мы его ѣдимъ?

,,Нѣшъ, онъ конечно не злой человѣкъ, и я все шо буду дѣлашь, чшо ему угодно, не взирая на мое незнаніе, для чего онъ эшова хочешъ.,,

Такимъ образомъ добринькая эша рыбка осшалась на днѣ пруда, а другія пошли и исполнили чшо сказали.

Одна переплыла сквозь рѣшешку въ большой прудъ, а другая всплывъ поверхъ воды играла на солнышкѣ, и обѣ онѣ смѣялись надъ шрешьею сесшрою своей, чшо она къ нимъ присшашь не хошѣла.

Но чшо сдѣлалось?

Лишь только первая рыбка вышла въ большой прудъ, то бросилась на нее щука и ее проглотила.

А другую увидѣла чайка, пустилась внизъ, схватила ее въ когти, и понесла клевать.

Осталась только третья благоразумная рыбка.

Добродушной хозяинъ радовался нашедъ ее такъ послушною, и приносилъ ей каждое утро самой лучшій кормъ.

Такимъ образомъ жила она всегда въ удовольствіи и достигла до глубокой старости.

ПРЕКРАСНЫЯ ПЛАТЬЯ.

Маленькая Аннушка доселѣ носила полотняное платьице и кожеными башмачки, а волосы у нея сами собою были кудрявы.

Однажды была она вмѣстѣ съ другими дѣтьми, которыя какъ большія госпожи наряжены были, и это ей очень понравилось.

Батюшка сударь, сказала она возвратясь домой, подарите мнѣ шолковое платьице и шитыя башмачки, такъ какъ я у другихъ дѣтей видѣла, и прикажите мнѣ также причесать волосы.

Пожалуй изволь, сказалъ ей отецъ, ежели это тебѣ нравится, только, я думаю, ты этимъ скоро наскучишь.

„Для чего, башюшка сударь? спросила Аннушка.

Для шого, сказалъ ошецъ, чшо шы всегда должна будешь опасашься, чшобъ не изодрашь и не замарашь швоего прекраснаго плашья.

А оно вѣшь много денегъ будешъ сшоишь, и не льзя его вымышь, ежели однажды замараешся

„О я уже буду беречься!

Очень хорошо, инъ пускай шакъ, сказалъ ошецъ: и велѣлъ ей все сдѣлашь, чшо принадлежишъ къ наряду.

Какъ малюшка ошъ радосши прыгала, когда всѣ сіи разноцвѣшныя вещи на нее надѣли!

Послѣ обѣда назначено было ишши гулять и Аннушка въ шомъ числѣ.

Пришли на одинъ лугъ, гдѣ было премножесшво цвѣшовъ, вкругъ кошорыхъ песшрые бабочки лешали.

Мальчики и дѣвочки побѣжали всѣ шуда рвашь цвѣшки и ловишь бабочекъ.

Аннушкѣ хошѣлось шакже съ ними побѣгашь, однакожъ ей показали, чшо шрава была нѣсколько мокра, и чшо она свое плашье замочишъ, ежели шуда побѣжишъ.

Ишакъ должно ей было осшашься одной и дожидашься, покуда другіе нарвавъ довольное число цвѣшковъ возврашились назадъ.

Потомъ надобно имъ было итти черезъ маленькіе кустики.

Аннушка, идучи всегда осторожно, чтобъ не зацѣпиться за терновникъ и не изодрать своего прекраснаго платья, принуждена была оставаться нѣсколько позади, между тѣмъ какъ прочіе дѣти бѣгали и прыгали по кустамъ.

Вдругъ услышали превеликой крикъ.

Прибѣжали назадъ и нашли, что Аннушка высокимъ своимъ головнымъ уборомъ зацѣпилась за низинькой сучокъ и не могла никакъ освободиться.

Помогли ей въ томъ; но какъ она волосами очень запуталась, то въ распутываніи не прошло безъ боли, и уборъ ея весь былъ смятъ.

Недалеко отошли еще, какъ стала она жаловаться, что шнуровка ее весьма жметъ.

Она бы желала возвратиться домой, чтобъ разшнуроваться; но несправедливо было хотѣть, чтобъ всѣ дѣти оставили для нея свои забавы.

Итакъ не могши далѣе итти, она принуждена была остаться на одномъ мѣстѣ и дожидаться, покуда всѣ дѣти возвратятся назадъ.

Тутъ-то ей было скучно! и она часто думала: ахъ! батюшка мой говорилъ мнѣ правду.

Спустя нѣсколько времени прибѣжали всѣ назадъ и кричали ей: поскорѣй, поскорѣй, Аннушка! дождь будетъ, большая туча поднимается.

Такимъ образомъ бѣдняшка, не смотря на то, что шнуровки и узкіе башмаки великую боль ей дѣлали, принуждена была бѣжать изъ всей мочи.

Но при всемъ ея стараніи не могла поспѣть за другими, которыя легко были одѣты.

Всякую минуту зацѣплялась она то платьемъ, то рукавами, то растрепаннымъ своимъ головнымъ уборомъ.

Между тѣмъ нашла туча и полился сильный дождь въ самое то время, какъ другія дѣти прибѣжали уже домой.

Аннушку замочило всю; она потеряла одинъ башмакъ въ грязи, и насилу могла дотащиться до дому.

Надобно ей было переодѣться, и она увидѣла, что наряды ея никуды болѣе не годятся.

Сдѣлать ли тебѣ завтра другое шолковое платьице? спросилъ у нея отецъ, видя, что она неутѣшно плакала.

Нѣтъ, нѣтъ, батюшка сударь! отвѣчала она.

Я вижу теперь, что дѣти худо дѣлаютъ, когда думаютъ быть умнѣе отца и

матери: позвольте мнѣ носить мое прежнее платьице и простите мнѣ мою глупость.

ПѢСЕНКА НА КУПАНЬЕ.

Ребята, намъ въ полѣ
Отъ солнца сгорѣть,
Дня жарка мнѣ болѣ
Нѣтъ мочи терпѣть.
Мы можемъ собраться
Въ другой разъ сюда.
Купаться, купаться,
Теперь череда.

Вонъ мягкой травою
Покрытъ бережокъ,
И тамъ надъ водою
Я вижу кустокъ;
Туда раздѣваться
Скорѣе пойдемъ,
Плескаться, плескаться
Водою начнемъ.

Кто далѣ не смѣетъ,
У краишка стой;
А кто не робѣетъ,
Ступай тотъ за мной.
Не бойтесь идите,
Здѣсь омутовъ нѣтъ:

Смотрите, смотрите,
Какъ Миша плыветъ.
По самыя груди
Иду въ глубину.
Эй! добрые люди
Прощайте: нырну!
Какое приволье
Купаться въ рѣкѣ!
Раздолье, раздолье,
Въ какомъ холодкѣ!

Смотрите, Петруша
Плыветъ на спинѣ;
А тамъ вонъ Андрюша
Верхомъ на бревнѣ.
Эй братъ! не свалися
Съ коня своего:
Держися, держися,
Прилягъ на него.

Взгляните, кружками
Здѣсь въ кучкѣ стоятъ,
И воду руками
Полощутъ, мутятъ:
Какіе же визги
У нихъ и содомъ!
А брызги, а брызги
Летаютъ кругомъ!
Ахъ! вонъ тамъ двѣ утки
Близъ кустика ждутъ,

За ними малютки
Ихъ дѣти плывутъ:
Равняется съ крошкой,
А быстро глядитъ;
За мошкой, за мошкой,
Смотри какъ бѣжитъ.

А тамъ, гдѣ песочикъ,
Овечки лежатъ,
Составя вѣночикъ
Вкругъ малыхъ ягнятъ.
И звѣрю и птицѣ,
По жаркимъ толь днямъ,
Въ водицѣ, въ водицѣ,
Пріятно, какъ намъ.

Ну полно купаться,
Я бѣлъ и легокъ.
Пора одѣваться,
Пора на лужокъ.
На милой муравкѣ
Хочу полежать;
По травкѣ, по травкѣ
Хочу пробѣжать.

КЪ МАШѢ НА ЕЯ ГОЛУБКУ.

Видишь, Маша, какъ голубка
Любитъ дѣтушекъ своихъ:

Для спасенія ихъ жизни
Не щадишъ себя самой;
Пищей ихъ своей пишаешъ,
Ошдаешъ изъ зоба имъ . . . .
Машь горящая любовью
Не похожаль на нее,
Какъ младенца умиленно
Держишъ на своихъ рукахъ,
И при малой самой боли
Сострадаешъ купно съ нимъ?
День и вечеръ весь въ забошѣ,
Часто по ночамъ не спишъ,
И лишается покою,
Чтобъ дишяшѣ дашь покой.
Такъ-що за шобою, Маша,
Ходишъ машушка швоя:
Ты любя ее сердечно
Богу благодарна будь.

БОЖІЯ ЛЮБОВЬ.

Дишя.

Ошъ чего это, башюшка, чшо вы меня шакъ любише?

Ошецъ.

Богъ въ сердце мое вложилъ къ шебѣ любовь.

Дишя.

По эшому Богъ шакъ милосердъ, чшо

онъ меня столько же какъ вы, или еще и больше любитъ.

Злодѣйствующій котъ и невинно страдающая Шавка.

Злой котъ, по имени *Урчало*, находилъ гнусное удовольствіе въ томъ, чтобъ досаждать всегда простосердечной Шавкѣ.

Какъ скоро принесутъ кушанье, то вспрыгнетъ онъ на столъ, утащитъ все, что ему попадется въ лапы, и уронивъ нарочно кусокъ подлѣ Шавки, выскочитъ въ окошко.

Служители вошедъ и увидя лежащей подлѣ Шавки кусокъ кушанья, считали ее всегда за вора и безъ всякой вины бѣдную сѣкли.

Иногда *Урчало*, бывши съ нею одинъ въ горницѣ, столкнетъ рюмку, или чашку, или другой какой ломкой сосудъ, и самъ убѣжитъ по обыкновенному.

Тогда Шавку снова сѣкутъ, считая ее въ томъ виновницею.

Она съ терпѣніемъ сносила побои, помышляя сама въ себѣ: когда нибудь невинность моя откроется.

Однажды лежала она въ сараѣ близъ курятника.

Не подалеку отшуда поставлена была пасть на лисицу, задушившую двухъ курицъ на канунѣ шого дня.

Къ пасти привязана была мершвая курица для приману лисицы.

Ургало, помышляя всегда о новыхъ плутовствахъ, увидѣлъ эту курицу и вздумалъ подвести Шавку опять подъ побои.

„Я унесу эту курицу, думалъ онъ, и подброшу ее къ глупой Шавкѣ, чтобъ ей за это вздули спину.„

Такимъ образомъ крался онъ тихо для исполненія своего намѣренія.

Но лишь дотронулся воровскими своими лапами до курицы, какъ крышка упавъ переломила ему крестецъ.

На крикъ прибѣжали къ нему люди; но уже нашли его мершвымъ.

Изъ сего всякъ легко догадаться могъ, что и прежнія всѣ шалости отъ этова кота происходили, и что бѣдная Шавка невинно за него терпѣла.

И какъ послѣ въ самомъ дѣлѣ нашлось, что по смерти его ничего уже подобнаго не случалось, то и наградили Шавку за всѣ претерпѣнныя ею неправедно муки.

ДОБРОСЕРДЕЧНАЯ НАТАША.

Наташа смирная не хочетъ
Съ Петрушей начинать игру,
И какъ о томъ онъ ни хлопочетъ,
Не можетъ преклонить сестру:
Въ великую его досаду
Приводитъ щаковой отказъ,
И хочется ему хоть разъ
Съ ней вмѣстѣ пробѣжать по саду;
Но зря ее упорну въ томъ,
Угрозы къ просьбамъ пріобщаетъ,
Дубинку толстую хватаетъ,
На коей ѣздилъ онъ верьхомъ;
И къ бо̀льшему Наташѣ страху
Ударить бѣдную съ размаху
Грозитъ по головѣ - - - - - И ахъ!
Что только въ шутку затѣваетъ,
То, будучи въ такихъ сердцахъ,
На самомъ дѣлѣ исполняетъ!
Свершился жалостный ударъ:
Наташинъ крикъ въ саду раздался:
Петруша смертно испугался,
Простылъ тотчасъ въ немъ прежній жаръ,
И вмѣсто гнѣвнаго движенья,
Явились слезы сожалѣнья.
Упалъ онъ къ сестринымъ ногамъ,
Словами нѣжными ласкаетъ,
Цѣлуетъ ту, и плача самъ,
Ее онъ плакать унимаетъ:

„Сестрица, душинька, прости!
„Виновенъ я передъ тобою;
„Возьми дубинку и отмсти,
„Ударь меня два раза тою.„
Въ слезахъ Наташа вопіетъ:
„Ахъ нѣтъ, голубчикъ братецъ, нѣтъ!
„Раскаянья твово довольно.
„Тому не льзя ужъ пособить,
„А вѣдая, какъ это больно,
„Я не могу тебя такъ бить!

~~~~~~~~~~

ВЕЛИКОДУШІЕ ОСМИЛѢТНЯГО ОТРОКА.

Бѣдной работникъ Данила имѣлъ у себя шестерыхъ дѣтей, и трудно было ему доставать для нихъ пищу.

Къ нещастію время настало худое и хлѣбъ сдѣлался вдвое дороже прежняго.

Данила день и ночь препровождалъ въ трудахъ, однако не могъ столько получать денегъ, сколько потребно ему было для прокормленія сухимъ хлѣбомъ голодныхъ дѣтей.

Онъ созвалъ малютокъ своихъ и со слезами говорилъ имъ:

„Дѣтушки, хлѣбъ такъ вздорожалъ, что со всею моею прилѣжностью не могу я вырабатывать столько, сколько вамъ надобно для насыщенія вашего.
~~~~~~~~~~

„Посмотрите, вотъ за какой хлѣбецъ долженъ я отдавать всѣ деньги, которыя въ цѣлой день выработаю.

„Не подасадуйте, естьли я впередъ по немногу вамъ удѣлять стану.

„Этова конечно будетъ мало, и вы не можете быть сыты,. но покрайней мѣрѣ никто изъ васъ не умретъ съ голоду.„

Бѣдной отецъ не могъ болѣе говорить, смотрѣлъ на небо и проливалъ горькія слезы.

Дѣти его вмѣстѣ съ нимъ плакали, и каждой изъ нихъ мыслилъ: о боже нашъ! помоги намъ бѣднымъ ребятишкамъ, помоги бѣдному нашему отцу и не дай намъ умереть съ голоду.

Потомъ отецъ, раздѣля малый хлѣбецъ на шесть равныхъ частей, далъ каждому изъ дѣтей своихъ по частицѣ.

Одинъ изъ нихъ по имени Мишюта, не хотѣлъ своего кусочка взять, говоря:

„Я не могу ѣсть, батюшка; я нездоровъ. Скушайте вы мою долю, или раздѣлите ее братцамъ.„

Бѣдное дитя! говорилъ отецъ, обнимая его, да что тебѣ сдѣлалось?

Не знаю, сказалъ Мишюта, только я очень боленъ; я пойду лягу на свою солому. Пошелъ и легъ.

Отецъ тужа о немъ побѣжалъ на другое

утро къ лѣкарю и просилъ, чтобъ онъ сжалялся помогъ больному его сыну.

Лѣкарь этотъ былъ доброй человѣкъ, тотчасъ прозбу его исполнилъ, хотя и зналъ, что ничего за труды свои не получитъ.

Онъ пришелъ къ больному отроку, пощупалъ у него пульсъ; но не могъ ни мало дознаться о его болѣзни.

Однакожъ хотѣлъ ему нѣчто прописать: „Не дѣлайте, сударь, этова, сказалъ Мишюша; я ничего не приму.

Не примешь? а для чего? спросилъ лѣкарь.

Мишюша.

Не спрашивайте у меня, я вамъ не могу этова сказать.

Лѣкарь.

Не можешь сказать? А! Мишюша, Мишюша! мнѣ кажется ты не доброй малой.

Мишюша.

Я право, сударь, не для худова чево это дѣлаю.

Лѣкарь.

Хорошо, я не буду тебя принуждать; да только скажу это твоему отцу.

Мишюша.

Ахъ! ради бога, сударь, прошу васъ, не давайте знать объ этомъ батюшкѣ.

Лѣкарь.

Ты чудной малой! но мнѣ надобно непремѣнно увѣдомить твоего отца, ежели ты самъ не скажешь мнѣ, для чего не хочешь принять лѣкарства.

Мишюша.

Ахъ Боже мой! такъ нельзя мнѣ объ этомъ умолчать. Покрайней мѣрѣ прикажите братцамъ моимъ и сестрицамъ выйти отселѣ вонъ.

Лѣкарь велѣлъ дѣтямъ выйти, и тогда Мишюша говорилъ ему:

,,Видите, сударь, въ это сдорожалое время бѣдной мой отецъ не можетъ вырабатывать въ сутки болѣе одного хлѣбца.

,,Онъ всегда его раздѣляетъ намъ; мы получаемъ по маленькому кусочку, а самому себѣ онъ и совсѣмъ ничего не оставляетъ.

,,Мнѣ такъ было жаль видѣть бѣднаго батюшку, братцевъ и сестрицъ, претерпѣвающихъ голодъ, что я хотѣлъ лучше самъ ничего не ѣсть, дабы они могли кусочикъ мой раздѣлять между собою.

,,Вотъ для чего притворился я больнымъ и сказалъ, что ничего ѣсть не могу.

,,Но ради бога не сказывайте объ этомъ батюшкѣ.,,

Лѣкарь отерши слезы свои сказалъ:

,,Да развѣ тебѣ ѣсть не хочется, мой другъ?

Мишюша.

Ахъ, какъ не хочется; я очень голоденъ, да лучше я хочу быть самъ безъ пищи, нежели видѣть батюшку и братцевъ голодными.

Лѣкарь.

Но ты умрешь, ежели ничего кушать не станешь.

Мишюша.

Знаю, сударь: да я и желаю умереть: у батюшки однимъ сыномъ будетъ насъ меньше, такъ и заботы у него убавится, а я у Бога просить стану, чтобъ онъ ему и братцамъ моимъ ниспослалъ хлѣбъ насущный.

Добросердечной лѣкарь былъ внѣ себя отъ сожалѣнія и радости, слыша сего великодушнаго отрока.

Онъ обнялъ его и прижавъ крѣпко къ своей груди сказалъ:

„Нѣтъ мой другъ, тебѣ умереть не дол„жно; всеобщій нашъ отецъ, всемогущій „будетъ пещися о тебѣ и о твоихъ.

„Благодари его, пославшаго меня къ вамъ: „я скоро возвращусь.

Сказавъ сіе побѣжалъ домой, откуда велѣлъ человѣку нести за собою различной пищи, и поспѣшалъ итти обратно къ голодной сей семьѣ.

Посадилъ ихъ всѣхъ съ Мишюшею за столъ и накормилъ до сыша.

Коль пріяшно было благодѣшельному лѣкарю на сіе смошрѣшь!

Ошходя ошъ нихъ сказалъ онъ Мишюшѣ, чшобъ онъ не печалился; что онъ будешъ о нихъ имѣшь попеченіе.

Въ самомъ дѣлѣ добродушной лѣкарь эшо сдѣлалъ: онъ присылалъ къ нимъ каждой день сшолько пищи, чшо всѣ они могли бышь довольны.

Другіе добрые люди услышавъ о шомъ шоже дѣлали.

Иной посылалъ къ нимъ пищу, другой деньги, шрешій плашья, шакъ чшо въ корошкое время они больше имѣли, нежели имъ было надобно.

Напослѣдокъ самъ Государь провѣдалъ, какое великодушное намѣреніе Мишюша имѣлъ прошивъ ошца своего и брашьевъ, и былъ шѣмъ весьма доволенъ.

Онъ велѣлъ сшарика Данилу къ себѣ позвашь и сказалъ ему:

„Ты имѣешь у себя добраго сына.

„Пошому думаю я, чшо шы и самъ доб-„рой ошецъ.

„И для шого велѣлъ я шебѣ ежегодно „давашь по сшу рублей.

„Дѣши шwои, особливо Мишюша, будушъ „во всѣхъ полезныхъ наукахъ и художе-

,,стахъ наставлены; и когда они что либо ,,доброе выучатъ, то обѣщаюсь я имѣть о ,,нихъ попеченіе.,,

Данила восхищенный радостію пошелъ домой, палъ на колѣни и благодарилъ Бога, давшаго ему толь добронравнаго сына.

СТРАХЪ ВЪ ПОТЕМКАХЪ.

Вонъ облаки идутъ!—Катюшинька! Катюша!
Куда ты дѣлася?—кричалъ бѣднякъ Павлуша,
И робко вкругъ себя, луною освѣщонъ,
Одинъ въ густомъ саду оглядывался онъ.
Малютка ихъ сестрица,
Пребойкая изъ всѣхъ ихъ птица,
Умѣла обольстить его:
,,Не бойся, братецъ, ничего,
Пойдемъ въ садъ къ дядюшкѣ. (Они такъ называли Сосѣда своего, имъ дальнюю родню)
Мы тамъ бы поиграли:
Смотри-какая ночь! не уступаетъ дню:
На чистомъ небѣ нѣтъ ниже малѣйшихъ пятенъ;
Вода какъ зеркало, и воздухъ такъ пріятенъ!
Побѣгали бы мы, повеселилисъ тамъ:
Что дома дѣлать намъ?
Гдѣ взять игрушекъ бѣднякамъ?
А дядюшка богатъ ужасно;
Въ саду его прекрасно;

Спасибо, что гулять не запрещають въ немъ.
Пойдемъ, Павлушинька, пожалуйста пойдемъ!„
Такою ласкою къ нему впилася въ душу,
Взманила робкаго Павлушу;
Пошелъ гулять онъ съ ней.
Катюша непужлива,
Смѣла, рѣзва, шутлива;
Послѣдуя веселости своей,
Надъ братомъ пошутить вдругъ вздумалося
ей:
Межъ тѣмъ, какъ онъ на свѣтъ луны поза-
зѣвался,
Она тихонько скокъ,
Ушла и спряталась въ кустокъ.
Павлуша мой одинъ остался,
Кольнулъ его сердчишко страхъ:
Всѣ вещи у него въ глазахъ
Съ большими кажутся носами;
Къ томужъ луна покрылась облаками,
И у! какъ стало вдругъ темно!
Не льзя не испугаться:
Повсюду тишь, вездѣ черно,
Садъ густъ, листочки шевелятся.
Павлушу ужасъ взялъ, Павлуша мой,
Не знаетъ какъ уйти домой;
То ухо протянувъ онъ слушаетъ, робѣетъ,
То вдругъ сестрѣ кричитъ;
Но та въ кусту сидитъ, молчитъ;
То хочетъ побѣжать—но тамо кустъ чер-
нѣетъ,

На самомъ томъ пути,
Куда ему итти.
Межъ тѣмъ изъ облаковъ луна проглянетъ
паки,
Проглянетъ и опять за нихъ уйдетъ:
Тутъ въ страхѣ новые являются призраки,
То флюгеръ на бесѣдкѣ тамъ скрыпнетъ,
То мышь летучая въ глаза пырнетъ,
То вдругъ покажется чего и нѣтъ.
Павлуша мой трясется, воетъ,
Въ немъ сердце ноетъ.
Катюша сжалясь наконецъ,
Выходитъ изъ куста, хахочетъ изъ всей мочи,
И брату говоритъ! хорошъ ты молодецъ!
А тотъ отвѣтствуетъ: ты очень хороша!
Оставила меня средь этой темной ночи;
Тебѣ смѣшно, а у меня дрожитъ душа.
Ахъ, братецъ, ты какой! кто этакъ трруситъ?
Съ дубинкой стоя ты
Пустой пугаешься мечты,
Неужъ-то тѣнь тебя укуситъ?
,,Ахъ, Катинька, голубушка моя!
Вонъ тамъ—ну право я—
Я вижу—ахъ!—,,что видитъ ты такое?—
Не знаю что-то вонъ большое!
Сестрица, душинька, ей ей,
Тамъ что-то шевелится,
Вонъ и рога торчатъ, и съ зади хвостъ та-
щится!
Уйдемъ отсель скорѣй,, —

И! братецъ, это кустъ малины,
И тѣнь качающихся липъ густыхъ;
Пойдемъ, я покажу тебѣ причины
Твоихъ боязней всѣхъ пустыхъ.
Туда, насильно взявъ его волочитъ,
Сама хахочитъ,
И говоритъ ему: ну видишь ли теперь,
Что твой съ рогами звѣрь,
Котораго ты такъ пугался и страшился,
Не звѣрь, не домовой, не лѣшаго лицо,
Одно простое деревцо?
Павлуша устыдился,
И долженъ былъ ей слово дать,
Въ потемкахъ не бояться,
Но бѣгать съ ней, смѣяться,
Рѣзвиться и играть.
Условились, уговорились,
И только лишь бѣжать пустились,
Какъ нѣчто тамъ въ прудѣ,
Вдругъ хряснуло, упало,
Заохало, забормотало,
И плещется въ водѣ:
Съ деревъ оттоль стадами
Вороны поднялись, летятъ, шумятъ крилами.
Прошелъ Павлушинъ смѣхъ;
Кто хочетъ, тотъ имѣй отвагу;
Ему не до утѣхъ,
А какъ бы дать скорѣе тягу.
Но Катя говоритъ ему: куда?
Чу! слышишь? нѣчто стонетъ,

Тамъ человѣкъ конечно тонетъ,
Пойдемъ, пойдемъ туда.
,,Сестрица, душинька, нѣтъ право, я не смѣю:
Ну есть ли это волкъ, или еще медвѣдь?
Отъ страха одного мы можемъ умереть.,,—
Какой ты трусъ! дай палку мнѣ свою, я съ нею
Пойду одна.
Березъ, и какъ стрѣла летитъ она,
Летитъ и робости не знаетъ:
Самъ Богъ ее сопровождаетъ
И свѣтитъ ей луна.
Не долго безъ нее Павлуша колебался,
Сжалъ сердце и домой, какъ заяцъ, убирался:
Она пришла къ пруду: глаза ея тамъ зрятъ,
Что чьи-то ноги лишь торчатъ,
А голова сокрыта подъ водою.
Какими средствами спасать?
У краишка пруда находитъ мѣсто стать,
Хватается за кустъ рукою,
Цѣпляетъ за сапогъ клюкою,
И надсѣдаяся влечетъ,
Ручьями потъ съ нее течетъ,
Трудится, силится, въ послѣдокъ успѣваетъ,
И на берегъ его щастливо извлекаетъ.
То былъ Николушка, единородный сынъ
Ихъ дяди богача, пригожій какъ павлинъ.
Катюша взявъ его качаетъ,
Цалуетъ, тормашитъ, зоветъ;
Онъ вскорѣ чувства получаетъ,

Глаза вскрываешъ, возстаешъ.
Веселой, радостной ногою,
Соединенно шушъ,
Рука съ рукою,
Къ ошцу они идушъ.
Съ восторгомъ сей, обнявъ Кашюшу,
Гошовъ свою опдашь ей душу:
Тобою, говоришъ, я вижу свѣтъ,
Смертельну безъ шебя я чувствовалъ бы муку:
Проси что хочешь ты, шебѣ ошказу нѣтъ.
Кашюша покраснѣвъ цалуетъ дядю въ руку.
Три раза онъ велитъ
Ей смѣло объявишь, чего она желаетъ;
Три раза Кашинька глазенки потупляетъ,
И наконецъ едва губами шевелитъ:
„Мой брашецъ ужъ великъ день отъ дня ста-
новишся,
Пора ему учиться."— —
Изрядно, мы ему учишеля наймемъ;
(А шошъ дрожа, какъ листъ опъ грома,
Сидѣлъ на печкѣ съ носомъ дома);
Но ты заботишься о брашѣ лишь своемъ,
А дочери моей себѣ не прочишь мѣста.
Тебя, какъ дочь свою, велю я воспитать;
Когда же выростешь и будешь ты невѣста,
Тогда потщусь тебѣ приданое я дать.—
Нѣтъ, башюшка сударь! шушъ вскрикнулъ
Николаша,
Когда мы доживемъ до этихъ дней,
Кашюша будетъ наша:
Я самъ женюсь на ней.

ЯГНЕНОКЪ.

Ягненокъ былъ рѣзовъ,
Ягненка машь журила
И говорила:
Не будь, мой сынъ, шаковъ;
Когда ни есшь во время грозно
Бѣды шебѣ не миновашь;
Тогда шы вспомнищь машь,
Да вспомнишь позно.
Ягненокъ былъ упрямъ,
Не вѣря симъ словамъ,
И шамъ и сямъ,
По камнямъ, по кусшамъ,
Онъ прыгалъ и скакалъ дошолѣ,
Покуда съ горемъ и сшыдомъ,
Бѣдняжка сшавши хромъ
Усѣлся поневолѣ.

О дѣши! помнише, чшо скорби и бѣды
Сушь часшо лишняго веселія плоды.

ВѢРНАЯ СОБАКА.

Послушайше дѣши, даже и звѣри благодарны бываюшъ своимъ благодѣшелямъ, шо кольми паче намъ шаковыми бышь надлежишъ.

Они любятъ своихъ господъ и бываютъ имъ преданы и вѣрны, токмо одинъ родъ болѣе другаго.

Изъ оныхъ собаки паче всѣхъ себя отмѣняютъ: сіе изъ слѣдующей печальной повѣсти увидите:

Нѣкоторому купцу надлежало съѣздить въ одно мѣстечко, для полученія тамъ немалаго числа денегъ, которыми долженъ ему былъ одинъ тамошней купецъ.

Онъ поѣхалъ верьхомъ и вѣрная собака (она прозывалась Стрѣлка) по обыкновенію за нимъ бѣжала.

Получа деньги возвращался онъ съ великимъ удовольствіемъ домой.

Въ пути отвязалась у него киса, въ которой былъ мѣшокъ съ деньгами, и упала на земь.

Купецъ будучи въ глубокихъ мысляхъ того не примѣтилъ, но увидѣла это его собака.

Она попытала сперва, не подниметъ ли зубами кисы, чтобъ нести ее за своимъ господиномъ; однако нашла, что она для нея тяжела.

Для того погналась она опять за нимъ; и стала бросаться на лошадь, такъ громко и неотступно лая, что купецъ не зналъ чему то приписать.

Онъ закричалъ на нее, но безполезно; онъ ударилъ ее плѣтью, но и тѣмъ не унялъ.

Вѣрная Стрѣлка продолжала выть, лаять и бросаться, словно какъ бы насильно хотѣла господина своего стащить долой; и какъ сей отгонялъ ее плѣтью, то напала она на лошадь, и кусаньемъ и лаяньемъ хотѣла ее принудить возвратиться назадъ.

Купецъ испугался и подумалъ, что она взбѣсилась: онъ любилъ Стрѣлку, и жаль было дойти до необходимости ее застрѣлить.

Долго старался онъ подкликать ее къ себѣ и усмирить, но видя, что ни мало въ томъ не успѣваетъ, схватилъ напослѣдокъ пистолетъ и отворотясь отъ нея по ней выстрѣлилъ.

Бѣдная собака упала сперва, потомъ очнувшись съ великимъ страхомъ и визгомъ поползла къ нему.

Сей не могши отъ жалости на нее смотрѣть ударилъ по лошади и ускакалъ.

Отскакавъ нѣсколько не могъ онъ стерпѣть, чтобъ не оглянуться и не посмотрѣть на бѣдную собаку, жива ли она еще. И какъ обернулся назадъ, то и примѣтилъ тотчасъ, что не достаетъ у него его кисы.

Тутъ уже не трудно было ему догадаться для чего Стрѣлка лаяла на него такъ неотступно. Жестокосердой я! вскричалъ онъ, и оборотя лошадь свою поскакалъ назадъ, бо-

лѣе для бѣдной застрѣленной имъ собаки, нежели для потерянныхъ денегъ.

Онъ уже не нашелъ ее на томъ мѣстѣ, на которомъ застрѣлилъ; но по кровавому слѣду ея увидѣлъ, что она уползла далѣе: съ великимъ сожалѣніемъ ѣхалъ онъ по сему слѣду, и наконецъ къ неописанной печали своей нашелъ вѣрную Стрѣлку лежащую при той кисѣ, которую онъ потерялъ, и до которой она съ истощеніемъ послѣднихъ силъ своихъ едва доползти могла.

Онъ скочилъ тотчасъ съ лошади долой, съ тѣмъ намѣреніемъ, что не можетъ ли ей еще помочь.

Но ахъ! . . умирающая собака, въ знакъ любви своей къ нему, только смогла полизать у него руку . . . . и издохла.

БѢЛИНЬКОЙ ГОРНОСТАЙКО.

Изъ стада многихъ горностаевъ,
Одинъ былъ бѣлинькой такой,
Такой пригожей горностайко,
Что всѣхъ превосходилъ другихъ.
Собою очень онъ маленекъ,
Притомъ и нѣженъ былъ весьма;
А кожица на немъ такая,
Какъ мягкой бархатецъ была.
Однажды мать ему сказала:
Послушай дитятко мое,

Еще ты молодъ, неискусенъ,
Не знаешь въ свѣтѣ никово;
Въ немъ твари есть весьма лихія,
Тебѣ беречься должно ихъ.
Намъ кошка первая злодѣйка,
Злодѣйка также намъ Сова;
Онѣ всегда насъ надзираютъ;
Смотри, не попадися имъ!
Но этотъ бѣлой горностайко,
Щитая умненькимъ себя,
Пожалуйте не опасайтесь,
Съ усмѣшкой матери сказалъ,
Я бѣгать право ужъ умѣю!
Изрядно, дорогой сынокъ.
Но чтоже вскорѣ съ нимъ случилось?
Пошелъ онъ какъ то ввечеру
Безъ матушки своей покушать,
И прыгалъ и рѣзвился тамъ.
А какъ оттолѣ возвращался,
Откуда ни взялась Сова,
И горностайку цапъ когтями,
Схватила, сжала, понесла.
Какое сдѣлалъ я безумство,
Пищалъ бѣдняжичка въ когтяхъ,
Когда бы матушки послушалъ,
Не умиралъ бы я теперь!
Но сколько онъ ни плакалъ горько,
Не могъ слезами пособить;
Сова безъ жалости клевала
И съѣла наконецъ ево.

НАБОЖНЫЯ ДѢТИ.

Аннушка и Андрюша любили горячо своихъ родителей, и отъ нихъ также горячо были любимы.

Съ нѣкотораго времени повадились оба они, какъ скоро позавтракаютъ, бѣгать въ садъ, и не прежде, какъ по пробытіи тамъ нѣскольнихъ минутъ, возвращались назадъ для начинанія своихъ упражненій.

Отецъ и мать ихъ не мало тому удивлялись.

Прежъ сего обое дѣти весьма были прилѣжны, и часто въ половинѣ завтрака уходили, чтобъ тѣмъ скорѣе поспѣть къ трудамъ и ученію.

А теперь, кажется, будто не имѣютъ они большой охоты ни за дѣломъ сидѣть, ни учиться, потому что всегда напередъ въ садъ бѣгаютъ.

Сіе добрыхъ родителей ихъ весьма печалило: ибо, говорили они, ежели дѣти наши полюбятъ праздность, то изъ нихъ ничего добраго не выдетъ.

Отецъ иногда спрашивалъ ихъ: зачѣмъ вы, дѣти, такъ рано всегда уходите? это бы можно было и тогда сдѣлать, когда перестанете учиться.

Однакожъ дѣти молчали и ничего не сказывали, что они въ саду дѣлаютъ.

Напослѣдокъ машь вознамѣрилась ишши за ними въ слѣдъ, чтобъ узнашь, за чѣмъ они шуда бѣгаюшъ.

На другое ушро увидѣла она, что Аннушка и Андрюша побѣжали въ гусшую бесѣдку, кошорая на концѣ сада сшояла.

Она пошла за ними.

И какъ она подошедъ шихо къ бесѣдкѣ сшала къ сшоронѣ, ошкуда сквозь зеленую чащу могла нѣсколько видѣшь во внушренносшь оной, Боже мой! что почувсшвовало шогда машернее сердце ея, когда она дѣшей своихъ съ воздѣшыми къ небу руками сшоящихъ колѣнопреклонно на землѣ увидѣли!

Она ошъ радосши не могла опомнишься, услыша, что Аннушка повшоряла шихонько молишву, кошорую Андрюша шакимъ образомъ говорилъ:

„Господи, господи, дай нашимъ родишелямъ долгую жизнь.

„Мы ихъ очень любимъ, и хошимъ, чтобъ они глядя на насъ радовались, когда мы выросшемъ велики.

„Ахъ, господи! насшавь насъ бышь смирными и добропорядочными, чтобъ башюшка и машушка каждой день нами ушѣшались.

„Услышь насъ, милосшивой боже! а мы охошно сшанемъ исполняшь, что въ швоихъ заповѣдяхъ написано.„

Послѣ сей молишвы оба они вскочили,

поцаловались и побѣжали скоро и съ великимъ удовольствіемъ домой.

Мать ихъ радостными слезами облилася.

Она спѣшила придти къ своему супругу, и прижавъ его съ горячностію къ сердцу, расказала ему все, что видѣла и слышала; и тогда оба они такое чувствовали удовольствіе и блаженство, какъ будто бы они были въ раю.

РѢЗВАЯ КОЗА.

Охотница была коза
Великая рѣзвиться,
На мѣстѣ никогда
Козѣ не посидится.
Лишь выбѣжитъ на дворъ,
Скакать и прыгать рада;
Тынъ, яма, ровъ, заборъ,
Ничто ей не преграда.
Рѣзвушку эту мать
Частехонько журила,
Но не могла унять,
Чтобъ дочка не шалила.
Одиножды коза
Дорогу взявши пряму
И выпуча глаза
Прыгнула черезъ яму:
Нещастливой скачокъ!

Бѣдняжка получила
Такой себѣ толчокъ,
Что ногу изломила.
На крикъ ея къ ней мать
Не медля прибѣжала,
И такъ увѣщавать
Ее въ печали стала.
Когда бы мой совѣтъ
Не презрѣнъ былъ тобою,
Дочушечка мой свѣтъ,
Была бы ты съ ногою.
А дочка говоритъ:
Когда бы я то знала,
Какъ ножинька болитъ,
Во вѣки бъ не скакала.
Брегись доколь бѣда
Тебя не постигаетъ,
Раскаянье тогда
Уже не помогаетъ.
Коль разъ узнавъ напасть
Кому случится снова
Идти въ такуюжъ пасть,
Простушка онъ такова,
Вкусивъ того весь вредъ,
Не сдѣлаетъ впередъ.

КЪ МАЛЕНЬКОЙ ДѢВУШКѢ.

Скачи, Анюшушка, играй,
Всегда въ забавахъ упражняйся,
Младыя лѣша провождай,
Рѣзвись, пляши и ушѣшайся.
Пусшь радосши въ груди швоей
И всѣ веселья обишаюшъ,
Тебѣ пусшь свищешъ соловей,
Тебѣ цвѣшки благоухаюшъ.
Гдѣ сшупишъ ножка лишь шво я,
Вездѣ шамъ пусшь расшушъ цвѣшочки;
Ты пѣсенки всегда поя
Плеши изъ нихъ себѣ вѣночки.
Не вѣчно будешь шы играшь;
Съ весною дней шв оихъ прощися . . . . .
Доколѣ время есшь скакашь,
Скачи, малюшка, веселися!

БЛАГОДѢТЕЛЬНОЙ МИТЮША.

Сшарикъ Благонравъ при захожденіи солнца сидѣлъ подлѣ своей хижины.

Маленькой его сынокъ Мишюша выбѣжавъ изъ лѣску осшановился вдали, и уширая себѣ глаза взглядывалъ часшо на небо.

Ошецъ эшому удивился.

Кликнулъ его къ себѣ. Мишюша услышавъ голосъ своего родишеля шошчасъ послушал-

ся и прибѣжалъ къ нему, а Благонравъ съ ласкою посадилъ его къ себѣ на колѣни.

Что тебѣ сдѣлалось, моя душинька? спросилъ у него старикъ, глядя ему въ глаза, которые отъ слезъ покраснѣли. Не ушибся ли ты?

Мит: Нѣтъ.

Благ: Да о чемъ же ты плакалъ?

Мит: Такъ.

Благ: Не льзя такъ плакать; кто нибудь тебѣ досадилъ.

Мит: Не спрашивайте меня объ этомъ, батюшка.

Благ: Для чегожъ не спрашивать; развѣ у тебя есть что нибудь такое, чего ты отцу сказать не хочешь?

Мит: Нѣтъ, сударь . . . . . да я не отъ досады плакалъ.

Благ: Такъ по этому отъ радости; чтожъ тебя такъ обрадовало?

Мит: Вотъ батюшка, вы меня теперь принуждаете вамъ сказать, а сами анагдась говорили, что естьли удастся сдѣлать какое нибудь добро, то не надобно тѣмъ хвастать.

Благ: Такъ, мой другъ; однакожъ отъ меня тебѣ таиться не хорошо, а должно мнѣ сказывать все, что съ тобою ни случится, дабы я могъ порадоваться,

естьли ты впрямъ что нибудь доброе сдѣлалъ.

Мит: Коли вы тово хотите, батюшка, такъ я долженъ васъ послушаться.

Часъ тому назадъ, какъ пошелъ я къ братцу на пасство и понесъ ему ужинать. Идучи сквозь лѣсокъ услышалъ я, что въ кусту нѣкто ворошится: я подошелъ тихонько, чтобъ посмотрѣть, кто тутъ такой.

Анъ это былъ бѣдненькой старичокъ; онъ сидѣлъ на землѣ опершись рукою на беремя дровъ, которое подлѣ него лежало. Лице у него было сухощаво и блѣдно, а глаза отъ слезъ покраснѣли.

Стоя за кустомъ услышалъ я, что онъ печально самъ съ собою разговариваетъ.

„Боже мой! говорилъ онъ, умилосердись „надъ моею скудостію!—бѣдная жена! бѣд„ныя ребятишки! — но я не могу больше, „силъ моихъ нѣтъ!„

Сказавъ сіе сунулся онъ головою на дрова.

Я постоялъ тутъ еще немного, и какъ увидѣлъ, что онъ заснулъ, то подкрался помелегоньку и положилъ ему въ головы всю пищу, которую я несъ къ братцу.

Послѣ того побѣжалъ я къ матушкѣ, выпросилъ свою пищу и отнесъ ее къ братцу.

Проходя назадъ мимо тово куста, гдѣ

лежалъ старикъ, разбудилъ я его своимъ шумомъ.

Что я вижу! вскричалъ онъ, увидя передъ собою хлѣбъ, яицы и молоко. Не ангелъ ли божій былъ здѣсь и захотѣлъ спасти меня и ребятишекъ моихъ, отъ смерти!

Но кто бы ты таковъ ни былъ, добродѣтельная душа! которой оставилъ мнѣ сію пищу, Богъ благослови, Богъ награди тебя!— Слезы при сихъ словахъ катились у него по лицу.

Ахъ нещастный! продолжалъ онъ, какъ найду я теперь дорогу изъ лѣсу? Богъ пошлетъ ко мнѣ проводника, чтобъ я дѣтей своихъ насытилъ.

Говоря сіе всталъ онъ, поднялъ ношу свою съ великимъ трудомъ, и побрелъ согнувшись и охая домой.

Я забѣжалъ нарочно впередъ и воротился къ нему на встрѣчу.

Здорово, дѣдушка! сказалъ я идучи мимо его; чаю тяжело тебѣ нести такое беремя? дай мнѣ свою корзиночку съ хлѣбомъ и съ яицами и положи на плечо ко мнѣ руку, я тебя поведу.

Старикъ съ радостнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и положа ко мнѣ на плечо руку сказалъ: Богъ послалъ тебя, дитя мое, вывесть меня изъ сего лѣсу, въ которомъ я заблудился.

Я спросилъ у него, куда идти ему надобно, и вывелъ его изъ лѣсу.

Идучи дорогою расказывалъ онъ мнѣ со слезами, какъ, во время сна его, Богъ нечаянно показалъ надъ нимъ свое милосердіе, и какъ онъ сожалѣетъ, что не вѣдаетъ, кто таковъ былъ его благодѣтель.

Денно и нощно, говорилъ онъ, дѣти мои будутъ за него молить Бога; онъ ихъ отъ голодной смерти избавилъ.

Также и тебя, дитя мое, примолвилъ онъ, станутъ они воспоминать всегда съ благодареніемъ, что ты помогъ мнѣ выдти изъ лѣсу и придти къ нимъ прежде, нежели они померли съ голоду.

Я довелъ его почти до самой хижины.

А теперь представилъ я себѣ радость бѣдныхъ этихъ ребятишекъ; какъ чаю они прыгали, когда увидѣли, что отецъ ихъ возвратился домой и принесъ имъ нѣчто покушать! Размышленіе о семъ привело меня въ такую жалость, что я заплакалъ.—

Я изъ послушанія къ вамъ расказалъ это, батюшка; а то бы отъ меня ни одинъ человѣкъ о томъ не услышалъ.

Тутъ онъ умолкъ, а Благонравъ прижалъ его съ горячностію къ своей груди.

Теперь умру я спокойно, сказалъ онъ, ибо знаю: что оставляю по себѣ сына, которой добродѣтеленъ будетъ и щастливъ.

ДИТЯ РАЗСУЖДАЮЩЕЕ ЗДРАВО.

Мы ребятишки
Любимъ играть;
Наши умишки
Мягки какъ воскъ:
Много надъ нами
Можетъ примѣръ:
Что ни увидимъ
Мы у большихъ,
Тоже за ними
Дѣлать хотимъ,
Лишь соразмѣрно
Силѣ своей.
Вмѣсто сердитыхъ,
Рѣзвыхъ коней,
Мы на дубинкахъ
Ѣздимъ верьхомъ;
Домы огромны
Строимъ изъ картъ;
Малой прудочикъ
Море для насъ;
Сложимъ бумажку,
Вотъ и корабль!
Весело правда
Такъ намъ играть,
Лучше однакожъ
Естьли бы насъ
То веселило,
Польза въ чемъ есть;

Естьлибъ увидя
Книги въ рукахъ,
Мы ребятишки
Сами читать
Маленьки книжки
Стали всегда.
Вишь какъ велики
Выростемъ мы,
Наши дубинки
Въ печь полетятъ,
Домы огромны
Всѣ упадутъ,
Прудъ ужъ не моремъ
Будетъ прудомъ;
Вмѣсто тяжелыхъ,
Грозныхъ судовъ,
Будутъ бумажки
Плавать однѣ:
Такъ все исчезнетъ,
Все пропадетъ;
Лишъ не исчезнетъ,
Не пропадетъ,
Что мы читали
Въ книжкахъ своихъ.

НЕ СКОРО ДА ЗДОРОВО.

Два мальчика побѣжали къ яблоку, которое издалека увидѣли они на землѣ.

Мое оно будешъ, сказалъ Федюша, я прытче шебя бѣгаю; и говоря сіе уже дѣйствительно нѣсколькими шагами опередилъ своего шоварища.

Но что сдѣлалось?

Какъ онъ отъ великаго спѣху не смотрѣлъ передъ собою, то спотикнувшись на колошекъ, которой лежалъ на дорогѣ, упалъ и ушибся больно.

Ктожъ получилъ яблоко?

Не скорой, да осторожной.

ДИТЯ,

добрымъ наказаніемъ исправленное.

Имѣя на спинѣ велику ношу дровъ,
Согбенъ подъ оною бѣдняга Добросердъ,
Дорогой идучи печально размышляетъ:
Севодни изъ лѣсу я поздо возвращаюсь,
Позднѣе нежели во всѣ другіе дни;
Жена моя теперь я думаю въ слезахъ,
И съ нею можетъ быть Петруша вмѣстѣ [illegible] плачетъ,
Н [illegible] ченію причины.
О [illegible] ь родился въ маш[illegible]
Ч [illegible]

И естьли милость Богъ надъ нимъ свою
продлитъ,
Подобно будетъ ей онъ тихъ и добронравенъ;
Я всю мою лишь въ немъ надежду полагаю.
Теперь они меня я чаю оба ждутъ.
Когда я съ ношею предъ ними появлюсь,
Съ какою радостью и чувствіемъ сердечнымъ
Ласкать они меня мнѣ бросятся на шею!
Такъ мыслитъ Добросердъ и въ свой шалашъ
пришелъ.
Жена его тогда рукой облокотясь
Въ слезахъ и горести сидѣла на постѣлѣ,
Петруша передъ ней тутъ стоя на колѣнахъ,
Вздыхая у нее бралъ руку цаловать,
Которую она стараяся отнять
Казалося ему на то не позволяла.
Не плачьте, Добросердъ пришедши имъ вѣ-
щаетъ,
Вотъ сколько я вамъ дровъ севодня нарубилъ.
Но вы не скажите мнѣ оба ничего?
Петруша, ты меня никакъ не обласкаешь?
За трудъ не получу себѣ я поцалуя?
Не ужъ то наказать за поздной мой приходъ
Хотите вы меня? но я невиноватъ,
Изъ лѣсу выходя вотъ что со мной случилось:
Лишь только я дрова связавши поднимаю,
Пришелъ туда старикъ; бѣдняшка чуть до-
брелъ,
Изъ той деревни вонъ, что внизъ рѣки лежитъ.
Здорово, старичокъ, сказалъ я поклонившись,

Мнѣ кажется ужъ ты гораздо утомился.
Ахъ Боже мой! . . . . онъ мнѣ симъ вздохомъ
отвѣчалъ,
И больше говорить отъ слабости не могъ.
Безсильному помочь кто въ нуждѣ отречется,
Тотъ въ Богѣ своего помощника лишится.
Я сжаляся надъ нимъ свое беремя свергъ,
Схватилъ скорѣй топоръ и дровъ ему насѣкъ,
Межъ тѣмъ онъ отдохнувъ немного укрѣпился;
Тогда связавъ я ихъ взвалилъ къ нему на плечи:
О какъ меня старикъ за то благодарилъ,
Въ душѣ своей мой домъ стократъ благословя!
Потомъ идти домой я съ ношей торопился,
Но снѣгъ мнѣ помѣшалъ. . . . о чемъ же ты
вздыхаешь?
Не ужъ-то я еще передъ тобой неправъ,
Любезная жена?
,,Нещастливой отецъ!
Какова родила тебѣ я злова сына!,,
Петруша золъ? . . . . . Ахъ нѣтъ онъ такъ
добросердеченъ!
Онъ нѣсколько рѣзовъ, то съ лѣтами пройдетъ;
Какъ выраститъ великъ. . . . .
,,Онъ будетъ лютъ какъ звѣрь!,,
Не будетъ онъ таковъ, я за это ручаюсь...
Но ты молчишь, сынокъ, не взглянешь и
робѣешь?
Конечно сдѣлалъ ты худое что нибудь?
,,Худое самое.,,
Въ немъ есть однакожъ стыдъ,

Хошь єшо хорошо при дѣлѣ нехорошемъ.
Чшожъ сдѣлалъ онъ?

Ябъ лучше умолчала:
Печальнымъ и шебя я сдѣлаю сказавъ.,,
Я знашь хочу, скажи.

,,Смошря не йдешь ли шы
Я часшо на верьху окошко ошкрывала;
Въ него влешѣла вдругъ пригоженькая пшичка,
Озябши бѣдная чушь чушь могла порхашь;
Тихонько подошедъ поймала я ее
И въ пазуху къ себѣ согрѣшься посадила.
Гляжу, бѣжишъ къ мнѣ Параша со слезами;
Она спошкнулася и палецъ у себя
Упавши занозила. Я бросилася къ ней,
А пшичку подержашь Пешрушѣ поручила.
Межъ шѣмъ какъ я у ней занозу вынимаю
И плачущу ее сшараюсь ушѣшашь,
Пешруша съ пшичкою укрылся въ уголокъ
И шамъ. . . . . . ,,

Чшо сдѣлалъ онъ?

,,У бѣдной єшой пшички
Всѣ перья ощипалъ.,,

Всѣ перья ощипалъ?

,,Да!
Осшавилъ у нее лишь крылышки одни.
И выбросилъ ее на сшужу изъ окна.
О есшьлибъ видѣлъ шы какъ бѣдная порхала,
Какъ мучилась она и какъ она сшонала!
Я вспомнишь не могу безъ жалосши о шомъ.
Думай шы себѣ, какъ выросшешъ великъ,

Какую будешъ онъ имѣшь злонравну душу!
Вошъ что меня крушишъ. . . . Какъ шы въ его быль лѣша,
Ты не быль сшолько золъ: я часшо говорила:
Пешруша мой въ ошца и жалосшливъ и добръ,
Но вошъ онъ сшалъ каковъ, о Боже, Боже мой!,,
Любезная жена, не плачь и успокойся,
Господь на небесахъ молишвы добрыхъ внемлешъ;
Когда нашъ сынъ злодѣй, Онъ будешъ милосердъ;
Возьмешъ его ошъ насъ.. Поди сюда, мой сынъ,
Смошри, какъ шы ошца и машь свою печалишь!
Ты плачешь? плачь со мной. . . Подай свою мнѣ руку,
Приложь къ груди моей: шы прежъ сего въ ней жилъ,
Ты въ сердцѣ былъ моемъ и я шебя любилъ;
А нынѣ, нынѣ я. . . . о сынъ неблагодарный,
И ошческой любви ни мало недосшойный,
Еще шебя люблю, и въ горесшной душѣ,
Кошору шы крушишь, жалѣю о шебѣ!
Пойдемъ, жена, сберемъ ощипанныя перья,
И здѣсь передъ собой на сшѣнкѣ ихъ повѣсимъ:
Когда мы горячо любишь его начнемъ.
На перья взглянемъ мы и скажемъ межъ собой:
Жесшокія сердца любови недосшойны.

Ты чаешь, сынъ! . . . . . Сиди, сиди въ моихъ колѣняхъ. . . . .
Ты чаешь, что морозъ ту птичку къ намъ загналъ?
Нѣтъ, Богъ ее послалъ, чтобъ мы ее спасли,
Онъ тварей всѣхъ щадитъ равно какъ человѣковъ,
А ты былъ такъ жестокъ! . . . ну естьли безъ одежды
На цѣлу ночь тебя поставлю я на снѣгъ?
Ты это заслужилъ, но былъ бы я тогда
Жестокосердъ какъ ты... Поди ко мнѣ, поди,
Ты весь дрожишь, не бось; не плачь и успокойся;
Еще любовь моя къ тебѣ не охладѣла,
Поступокъ только твой противенъ мнѣ весьма.
О сынъ, любезный сынъ! я съ матерью твоей
При старости тобой ласкался утѣшаться,
А ты. . . . . ты гонишь насъ во гробъ! . . . .
,,Ахъ, ахъ простите!
,,Прости мнѣ, папинька! ахъ маминька, прости!
,,Не буду ужъ таковъ, не буду я впередъ.
,,Все дѣлать доброе, все доброе я стану,
,,И право, право ужъ я васъ не опечалю!,,
Легко смягчаются родительски сердца:
Петруша былъ прощенъ, Петруша сталъ хорошъ;
Не притворялся онъ родителямъ въ угодность,

Но въ самомъ дѣлѣ сталъ и тихъ и добро-
нравенъ.
Однажды онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ печально
вверьхъ,
Гдѣ перышекъ пучокъ на ниточкѣ висѣлъ:
Мать видя то пошла и лѣсницу сыскала,
,,Взойди, Петрушинька, она ему сказала,
Взойди по лѣсницѣ и перышки сними;
Брось ихъ скорѣй въ огонь, ты скученъ видя
ихъ.
Отецъ твой на сіе конечно согласится:
Не правдаль Добросердъ?,,
Съ охотой позволяю.
,,Брось, душинька, ихъ въ печь; пускай они
горятъ
Проклятыя въ огнѣ!,,
,,Нѣтъ, матушка, нѣтъ, нѣтъ!
,,Пускай они мнѣ то всегда напоминаютъ,
,,И естьли Богъ велитъ мнѣ вырости велику,
,,И буду я когда своихъ имѣть дѣтей,
,,Тогда съ слезами я на перья показавъ,
,,Смотрите, имъ скажу, я нѣкогда былъ
злобенъ,
,,Имѣлъ жестокой нравъ, нежалостливу душу,
,,А что исправился, за то благодарю
,,Я Бога и честныхъ родителей совѣтъ.

ДЕРЗКАЯ МОЛОДАЯ МУХА.

Эта молодая муха съ машерью своей сидѣла неподалеку отъ горшка, въ которомъ была горячая похлебка.

Старой мухѣ надлежало отлучиться, и для того отлетая сказала она своей дочкѣ:

,,Сиди на мѣстѣ, покуда я не возвращусь.

Для чего, матушка? спросила у нее остринькая дочка.

,,Я опасаюсь, отвѣчала старушка, чтобъ ты не подлетѣла близко къ этому кипячему колодезю. (Она чрезъ сіе разумѣла горшокъ).

Молодая.

А для чего бы не могла я къ нему близко подлетать?

Старая.

Для того, что ты туда упасть и утонуть можешь.

Молодая.

Для чего упасть?

Старая.

Причины я тебѣ сказать не могу, но повѣрь моему свѣденію: всякой разъ когда бывало случалось мухѣ летѣть через такой колодезь, изъ котораго паръ идетъ, видала

я, что она туда упадетъ и никогда уже изъ него не выдетъ.

Старушка думала, что она довольно сказала въ предосторожность своей дочкѣ, и полетѣла.

Но дочка подергивая носикомъ сама съ собою разсуждала:

„Куда право старухи всѣ какія хлопо-
шуньи!

„Не льзя будто мнѣ сей невинной имѣть
„забавы, чтобъ перелетѣть черезъ этотъ
„парной колодезь!

„Словно какъ бы я была безкрылая, или
„бы не довольно имѣла у себя смысла,
„чтобъ остерегаться!

„Словомъ, матушка сударыня, что бы
„ты ни изволила мнѣ проповѣдывать о
„твоемъ свѣдѣніи, однакожъ я для забавы
„вкругъ этова колодезя полетаю.

„Посмотримъ, кто меня туда втянетъ!

Сказавъ сіе вострушка моя была такова.

Но едва стала она пролетать поверхъ горшка, какъ исходящій изъ него паръ отнялъ у нея всѣ чувства.

Она упала въ кипятокъ и только лишь сіе сказать успѣла:

„Нещастливы тѣ дѣти, которыя почитаютъ себя разумнѣе старыхъ людей.

ЖЕЛАНІЕ ЧТОБЪ ПРИШЛА ВЕСНА.

Приди, любезный Май, приди,
Одѣнь листочками древа,
Вели на берегу рѣки
Фіялкамъ маленькимъ цвѣсти!

О какъ мнѣ хочется опять
Фіялочку въ поляхъ узрѣть!
О какъ мнѣ хочется теперь
На мягкой травкѣ погулять!

Хоть можно множество забавъ
И въ зимнемъ времени найти:
Снѣжки по вечерамъ катать,
Бросать комочками изъ рукъ,

Класть разны домики изъ картъ.
Кататься въ санкахъ, выѣзжать,
Въ гулючки, въ фанты иногда
И въ жмурки также поиграть;

Однако же когда весной
На вѣтвяхъ птички запоютъ
И станемъ въ полѣ прыгать мы;
Забавы ужъ не тѣ пойдутъ!

Анютина печаль меня
Всего жесточѣе крушитъ;
Какъ хочется бѣдняжкѣ ей
Дождаться полевыхъ цвѣтковъ!

Игрушекъ сколько ни давай
Не льзя ее развеселить;
Сидитъ на креслицахъ своихъ,
Какъ словно птичка на гнѣздѣ!

Ахъ, естьлибъ стало вдругъ тепло,
И выросла въ лугахъ трава! —
Приди нашъ Маюшка драгой,
Приди, ребяткокъ насъ утѣшь.

Приди и принеси съ собой
Фіялочекъ побольше къ намъ,
Побольше также соловьевъ
И рябиньнихъ кукушечекъ!

МАЛЕНЬКОЙ САДОВНИКЪ.

Николаша часто слыхалъ отъ своего батюшки, что дѣти не могутъ знать, что для нихъ полезно или вредно, и что для того надлежитъ имъ всегда совѣтываться съ тѣми, которые ихъ старѣе.

Но онъ сего или не разумѣлъ хорошенько или забывалъ.

Дали имъ съ братомъ его Андрюшею по грядочкѣ, чтобъ каждой изъ нихъ имѣя свой маленькой садикъ, сѣялъ въ немъ и садилъ чтò ему угодно.

Андрюша вспомнивъ тогда слова своего

отца сказалъ садовнику: Яковушка! присовѣтуй мнѣ, что посадить въ мой садикъ.

Яковъ далъ ему кустики, которые никакой въ себѣ пріятности не имѣли и походили на худую траву и на хворостъ. Андрюша по его слову посадилъ ихъ на своей грядочкѣ.

А вамъ, Николай Петровичъ, сказалъ садовникъ, дать ли также что нибудь въ вашъ садикъ?

Не надобна мнѣ такая дрянь, отвѣчалъ Николаша, и усадилъ весь свой садикъ нарванными цвѣтами.

Яковъ далъ ему волю дѣлать что хочетъ.

На другой день увидѣлъ Николаша, что всѣ его цвѣтки завяли, и посадилъ туда другіе, которые онъ снова нарвалъ.

Однакожъ и сіи скоро завяли. Напослѣдокъ наскучило ему сажать всегда свѣжіе цвѣты на мѣсто завялыхъ.

И такъ маленькой садикъ его заросъ весь травою.

Спустя нѣсколько времени увидѣлъ онъ, что у брата его въ садикѣ на кустикахъ нѣчто краснѣется: братецъ, братецъ! закричалъ онъ, что такое это у тебя на кустикахъ?

Тутъ прибѣжали они оба и увидѣли, что это была самая вкусная земляница.

Ахъ! сказалъ Николаша, для чего я не велѣлъ этой травы посадить въ моемъ садикѣ!

Потомъ спустя еще нѣсколько времени увидѣлъ онъ у своего брата въ садикѣ на хворостахъ нѣчто подобное прежнему; а какъ они съ нимъ отвѣдали, то нашли, что это была самая сладкая малина.

Ахъ! сказалъ опять Николаша, для чего я также и хворостовъ этихъ не велѣлъ посадить у себя въ садикѣ!

Ѣшь! сказалъ ему братъ, какъ бы они твои были. Но—примолвилъ Яковъ—не презирайте, сударь, впредь совѣтовъ людей старыхъ и знающихъ.

ОСЕЛЪ И ВЕРБЛЮДЪ.

Оселъ.

Здорово братъ, верблюдъ!

Верблюдъ.

Я братъ тебѣ? прямой ты шутъ!

Оселъ.

А для чегожъ тебѣ я братомъ быть не смѣю:
Я спину какъ и ты навьюченну имѣю.

Верблюдъ.

Пусть такъ; но можетъ ли твоя спина
Быть равнымъ бременемъ съ моей отягчена?

Оселъ.

Я съ ношею твоей тушя пойду чрезъ гору!

Верблюдъ.

Безумецъ! но она и мнѣ лишь только въ пору.

Оселъ.

Пожалуй перестань пустое лепетать;
Подай ее сюда, я съ ней могу плясать.

Верблюдъ.

Изрядно, господинъ оселъ, возмите.
Вотъ вамъ она!

Оселъ.

Ой, ой! пропалъ я! помогите!

Верблюдъ.

Кто за достоинствомъ гоняется большихъ,
Тотъ чувствуй, какова при томъ и тягость
их.

КАРТОШНЫЕ ДОМИКИ.

Поди братецъ сказалъ Петрушѣ бѣлокурой Ѳединька, поди помоги мнѣ мой домъ построить, а тамъ я тебѣ твой построить помогу.

Что мнѣ нужды до твоего дому, отвѣчалъ Петруша; я строю свой, а ты съ своимъ какъ хочешь дѣлайся.

Өединька строилъ. Но какъ они оба за однимъ столомъ сидѣли, и часто его толкали, то всегда домики ихъ рушались.

Не толкай столъ! говорилъ съ досадою Петруша.

Да какъ же мнѣ быть? отвѣчалъ Өединька: вить я тебѣ сказывалъ, складемъ сперва одинъ домикъ; вольно тебѣ было этова не хотѣть.

Въ спорѣ они нѣсколько разгорячилися; всякой желалъ свою работу скорѣе окончить, и столъ шатался еще больше.

Вдругъ Петрушинъ почти уже готовой домикъ обрушился и упалъ.

Онъ хотѣлъ ево подхватить, и толкнулъ нечаянно столъ, отъ чего и Өединькинъ домикъ также повалился.

Сестрицы ихъ сидя въ углу хохотали. Они всѣ четверо принялись за работу на похвалу, кто изъ нихъ по признанію матушкину поставитъ лучшей домикъ. Не простячки ли вы, кричали онѣ имъ; сами вы похвалу свою упустили.

Вонъ идетъ матушка: у насъ уже все сдѣлано, для того, что мы другъ другу помогали; а у васъ еще ничего нѣтъ, потому что вы между собою были несогласны.

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА.

Въ восторгѣ радостномъ вскричала
Елена дочерямъ своимъ:
Подите, дѣти, посмотрите,
Какое утро Богъ намъ далъ!
Какъ солнечны лучи прекрасны!
Помолимся Творцу небесъ.
Тогда съ весельемъ прибѣжали
Четыре маленькія къ ней
Ея всѣ дочки сиротинки,
Которыя лишась отца,
Безъ помощи и безъ покрова,
Въ великой жили нищетѣ:
Такую участь добродѣтель
Имѣетъ часто на землѣ.
Сія любезная семейка
Кругомъ обстала мать свою,
Она молитву имъ читаетъ,
Онѣ безмолвіе храня
Словамъ благочестивымъ внемлютъ,
И купно съ нею изъ очей
Ліютъ богопріятны слезы.
Молитва кончилась. Ихъ мать
Объемлетъ кажду сердолюбно
И говоритъ намъ Богъ отецъ:
Вы помня то смиренны будьте,—
Приближился полудня часъ,
Голодны дѣтки закричали:
Любезна маминька, пора,

Дай намъ чево нибудь покушать!
Печально возстаетъ она,
Идетъ задумчиво къ поставцу
И ищетъ пищи для дѣтей. . . .
О Боже! пусто все! ни хлѣба,
Ни чорствой даже корки нѣтъ!
Смущенна, горестна, безмолвна,
Недвижимо стоитъ она
И взоры обратить не смѣетъ;
А сердце, сердце страждетъ въ ней
И томна грудъ ея трепещетъ!
Приходитъ старшая тутъ дочь,
И слезы матерни ліются
На бѣдное сіе дитя!

,,О чемъ, ахъ маминька, ты плачешь?
,,Знать пищи нѣтъ у насъ. Не плачь!
,,Сама читала ты недавно,
,,Что Богъ спаситель нашъ сказалъ:
,,Тебя въ бѣдахъ я не оставлю;
,,Отецъ небесный нашъ сказалъ!
,,Тебя я въ скорби не покину.

Съ горячностью объемлетъ мать
Сію любезную сиротку:
Такъ, жизнь моя, конечно такъ,
Господь терпѣнье испытуетъ,
Онъ сирыхъ не оставитъ насъ.
Сказала такъ, и такъ то было.
О естьлибъ не былъ въ мірѣ Богъ.

Коль страшно былобъ человѣку
На свѣтѣ человѣкомъ быть!

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ НАТАШИ, МАТЕРИ ЕЯ И СОПРОВОЖДАТЕЛЬНИЦЫ НАТАШИНОЙ.

МАТЬ.

Куда ты деньги свои дѣвала?

НАТАША.

Я ихъ отдала, матушка.

МАТЬ.

Кому?

НАТАША.

Одному мальчику.

МАТЬ.

Развѣ онъ тебѣ какую услугу показалъ, или ты сжалилась надъ бѣднымъ его состояніемъ?

НАТАША.

Нѣтъ, сударыня.

МАТЬ.

Такъ по этому наградила его за какое нибудь доброе дѣло?

НАТАША.

Напрошивъ, матушка; я для того отдала ему ихъ, чтобъ онъ впредь худова не дѣлалъ. Вишь всѣ пшички принадлежатъ Богу?

МАТЬ.

Конечно, равно какъ и всѣ прочія твари, Имъ созданныя.

НАТАША.

Ну, такъ этотъ мальчикъ унесъ у Бога пшичку и мнѣ ее продать хотѣлъ. Бѣдная эта пшичка билась у него въ рукахъ и кричала, а онъ зажималъ ей носокъ, видно опасаясь, чтобъ Богъ не услышалъ и на него за то не разгнѣвался.

МАТЬ.

Что же ты сдѣлала?

НАТАША.

Я отдала этому мальчику всѣ свои деньги, а пшичку пустила на волю. То-то чаю она теперь радуется! (*Прыгаетъ сама отъ радости*).

МАТЬ.

Такъ душа моя; и тебѣ одолжена она за свою свободу.

НАТАША.

Можетъ быть мальчикъ этотъ принужденъ былъ отъ недостатка это сдѣлать.

МАТЬ.

Можетъ быть.

НАТАША (*сопровождательницѣ своей*).

Такъ я и хорошо сдѣлала, что всѣ деньги ему отдала.

СОПРОВОЖДАТЕЛЬНИЦА (*матери*).

Мы между собою споримъ. Наташа безъ счету всѣ свои деньги отдала мальчику, не спросивъ что онъ за птичку хочетъ, а я говорю, что ей сего дѣлать не надлежало.

НАТАША.

Кто изъ насъ правъ матушка?

МАТЬ.

Ты не совсѣмъ права, душа моя; ну естьлибъ послѣ того попался тебѣ другой мальчикъ съ такою же птичкою, а у тебя бы денегъ уже больше не было?

НАТАША.

Тогда бы я къ вамъ пришла, матушка.

МАТЬ.

А естьлибъ у меня не было?

НАТАША.

Ну—тогда—

МАТЬ.

Надобно и для того иногда беречь, чтобъ

больше можно было сдѣлать добра. Впрочемъ вотъ тебѣ твои деньги назадъ.

НАТАША.

Благодарствую, матушка.

МАТЬ.

И вотъ тебѣ еще поцалуй за то, что ты такъ жалостлива.

АННУШКА И ПЕТРУША.

Петруша съ Аннушкой осталися одни:
Родители пошли къ обѣдни помолиться.
Межъ тѣмъ какъ дружески бесѣдуютъ они,
Вдругъ стало на дворѣ темненько становиться
И туча поднялась Послушай какъ гремитъ!
Петруша Аннушкѣ со страхомъ говоритъ.
Чего боишься ты, Анюта отвѣчаетъ,
Вишь громъ по Божьему велѣнію бываетъ.
Межъ тѣмъ вдругъ молніи простерся быстрый блескъ,
За онымъ слѣдовалъ громовый страшный трескъ:
Петруша поблѣднѣлъ и говоритъ съ боязнью:
Конечно гнѣвенъ Богъ и угрожаетъ казнью! (*)

(*) Въ прежнихъ изданіяхъ сіи два стиха сказаны были слѣдующимъ образомъ:

,,Богъ гнѣвенъ? Богъ? и неба и земли шворецъ?
Какой робенокъ шы! онъ нашъ прямой ошецъ.
Мнѣ эшо сказывалъ сегодня мой родишель;
Неправды вишь не скажешъ онъ, шы знаешь самъ.
,,Конечно шакъ; но мнѣ мой сказывалъ учишель,
Что есшьли по его не йдемъ заповѣдямъ,
То онъ, хошь какъ ни милосердъ, но гнѣвъ покажешъ,
И всякаго за преступленіе накажешъ.
,Пусшь шакъ; не сдѣлавши худова ничего
Конечно ужъ не я прогнѣвала его,
Севодня машушка меня разцаловала,
За шо что заповѣдь я эшу шведро знала:
Чши машерь шы свою и своего ошца,
Да будешь благодашь имѣши ошъ Творца.—
Лишь шолько Аннушка сіе проговорила,
Пешруша плакашь сшалъ.—Что сдѣлалось съ шобой?

Пешруша поблѣднѣлъ и говоришъ *сквозь слевы:*
Конечно гнѣвенъ богъ и *дѣлаетъ угрозы.*
Сочинишель написалъ ихъ въ молодосши, увлеченный худыми примѣрами. Чрезъ упражненіе и опышы почувсшвовалъ онъ пошомъ, что шаковыя рифмы (*слезы и угрозы*) не совмѣсшны съ чисшошою языка, въ кошоромъ есшь слова: *слезы*, *слеза*, *слезливъ*, но не *сліозы*, *сліоза*, *сліозливъ*. Заражашь симъ просшонароднымъ выговоромъ книги весьма нехорошо. (См. разсужденіе о семъ въ *разговорахъ о словесносши*). — Къ сему признанію сочинишель шѣмъ больше почишаешъ себя обязаннымъ, что книгу его чишаюшъ дѣши, кошорыя ошъ худаго примѣра легко могушъ получишь худой навыкъ.

Скажи мнѣ: съ ласкою Анютушка спросила.
Конечно я тебя прогнѣвалъ, Боже мой!
Сегодня по утру я бранными словами,
Ахъ! дядьку огорчилъ: сказалъ онъ со слезами.
Тогда и Аннушка ну вмѣстѣ съ нимъ рыдать.
А молнія межъ тѣмъ сверкнула вдругъ опять,
И громъ ударилъ такъ, что стѣны задрожали
Петруша съ Аннушкой на землю оба пали.
И Богу молятся. Анюта говоритъ:
Молись, Петрушинька, Богъ милостивъ, про-
стишъ,
Лишь только передъ нимъ ты искренно
признайся,
И дѣлать то впередъ уже остерегайся.
Усердная сія молитва обоихъ
Взошла на небеса и Богъ услышалъ ихъ.

РОЗОВОЙ КУСТЪ.

Кто подаритъ мнѣ деревцо въ мой садикъ? говорилъ Миша братцамъ своимъ и сестрицамъ.

Отецъ каждому изъ нихъ далъ по грядочкѣ, чтобъ они садили на ней что хотѣли.

Я не дамъ! я не дамъ! закричали изъ нихъ двое. Я, я тебѣ дамъ, сказала добросердечная Лизанька: какое тебѣ надобно?

Розовой кустъ, отвѣтствовалъ онъ: ты видишь, что мой уже совсѣмъ засохъ.

Хорошо, сказала Лизанька, и взявъ лопатку стала его выкапывать.

Какъ? вскричалъ Миша, у тебя ихъ только два и есть, да и то одинъ маленькой! по крайней мѣрѣ дай мнѣ вонъ этотъ, которой поменьше.

Нѣтъ, нѣтъ, сказала Лизанька; тотъ также завянетъ; а мнѣ все равно, я и у тебя въ садикѣ могу его видѣть, какъ онъ разцвѣтать станетъ.

Миша взялъ кустикъ и былъ очень радъ.

Тогда шелъ мимо ихъ садовникъ и несъ Гишпанскую сирену.

Посадить ли тебѣ ее на мѣсто твоего розоваго кустика? спросилъ онъ у Лизаньки.

,,Естьли она вамъ не надобно,,,

,,Нѣтъ, сказалъ садовникъ, я хотѣлъ ее бросить, для того что садъ и такъ отъ множества деревьевъ загустѣлъ. Выговоривъ сіе посадилъ сирену.

Пришелъ Май: Мишинъ кусточикъ принесъ множество прекрасныхъ розъ.

Лиза получала отъ нихъ себѣ каждое утро по свѣжему цвѣтку на голову и на грудь.

А сирена распустясь такую отъ себя дала тѣнь, что Лизанька въ сильнѣйшій полуденной зной могла подъ нею укрываться— и даже самъ родитель ея приходилъ часто

подъ сіе дерево и въ прохладной онаго тѣни расказывалъ имъ нравоучительныя повѣсти.

КАКЪ НУЖНО БЫТЬ ПОСЛУШНЫМЪ.

Иванушка и братъ его Петруша просили въ одинъ вечеръ у отца своего позволенія идти поиграть въ саду.

Подите, сказалъ имъ отецъ, только никуда оттуда не уходите.

Они пошли и играли нѣсколько времени съ великимъ удовольствіемъ.

Напослѣдокъ Иванушка увидя, что калитка позади сада отворена, сталъ брата своего звать туда,

А батюшка приказывалъ, чтобъ мы ни куда не уходили, сказалъ ему братъ.

О! говорилъ Иванушка, онъ приказывалъ только въ большія ворота на улицу не бѣгать; а сюда идти прогуляться въ кустахъ можно и ничего намъ не сдѣлается

Пойдемъ, братецъ, посмотри какъ здѣсь хорошо! говоря сіе вышелъ онъ за калитку и братъ за нимъ.

Долго бѣгали они взадъ и впередъ по кустамъ, покуда не примѣтили, что уже темно стало.

Тогда хотѣли они воротиться назадъ,

но не знали дороги найши : шушъ начали они жесшоко плакашь и кричашь.

По щасшью ошецъ ихъ, услышалъ крикъ, прибѣжалъ и ихъ сыскалъ.

Видише, сказалъ онъ имъ, каково бываешъ съ шѣми, которые совѣшовъ разумныхъ людей не слушаюшъ.

Я зналъ, чшо есшьли вы изъ саду выдише, шо назадъ не сыщеше дороги, и для шого не велѣлъ вамъ изъ него выходишь.

Шеперь ужъ я не пущу вась въ садъ играшь, опасаясь, чшо вы и въ другой разъ шожъ сдѣлаеше.

ДѢТСКІЯ ЗАБАВЫ.

У насъ всѣ ушѣхи
У малыхъ дѣшей,
Игрушки и смѣхи,
И много зашѣй;
Мы бродимъ и ходимъ
Въ лѣсу по кусшамъ,
Шалимъ, колобродимъ,
И рѣзвимся шамъ.

Кшо сидя кропочешъ
На мѣсшѣ одномъ,
Тошъ развѣ бышь хочешъ
Сѣдымъ сшарикомъ?

Какъ весело въ полѣ,
Гдѣ пшички поюшъ,
Лешаюшъ по волѣ,
Пшеничку клююшъ.

Теперь насъ ребяшокъ,
Когда сосчишашь,
Здѣсь будешъ десяшокъ,
Намъ любо играшь.
Покуда маленьки
Поскачемъ дружки,
Какъ будемъ сшареньки
Повѣсимъ носки.

Эй брашцы смошрише,
Вошъ бабочка спишъ,
Тихонько ловише,
Она улешишъ;
Вошъ эшо вершишся
Дружокъ ея знашь
Онъ сшанешъ крушишься,
Пусшише опяшь.

Какъ громко въ долинѣ
Поешъ соловей!
Ахъ вонъ на вершинѣ
Сидишъ онъ ей ей!
Тихонько бѣгише,
Чшобъ онъ не слешѣлъ,
И пѣсни хвалише,
Чшобъ долѣе пѣлъ.

Спустись къ намъ пониже,
Любезной дружокъ,
Дай видѣть поближе
Себя на часокъ.
О какъ ты любезенъ,
Сударчикъ ты мой!
Пожалуйста пѣсенъ
Побольше намъ спой!

Куда онъ дѣвался
Куда вдругъ пропалъ?
Знать онъ испугался:
Зачѣмъ ты свисталъ?
Ахъ вонъ онъ мелькаетъ,
Не хочетъ ужъ къ намъ. . . .
Пускай инъ летаетъ,
Не тронь ево тамъ.

Какіе цвѣточки
Здѣсь миленьки есть,
Мы станемъ вѣночки
Изъ нихъ себѣ плѣсть.
Кто сыщетъ фіялку,
Тотъ будь Генералъ,
Дадимъ ему палку. . . .
Ахъ вотъ я сыскалъ!

Ужъ солнце садится,
Насъ гонитъ домой;
Ахъ дай порѣзвиться,
О солнце, постой!

Пришло разставаться,
Пора ужъ и спать;
Чуръ завтра сбираться
Опять здѣсь играть.

ПЛАЧЕВНАЯ СУДЬБА ДВУХЪ МАЛЬЧИКОВЪ.

Во Франціи въ Парижѣ живетъ купецъ, который предъ недавнымъ временемъ имѣлъ у себя двухъ сыновей.

Оба они родителями своими чрезмѣрно были любимы?

Отцу ихъ, по своимъ дѣламъ, надобно было часто и далеко иногда ѣздить верхомъ.

Для того важивалъ онъ всегда съ собою пару заряженыхъ пистолетъ.

Возвращаясь домой обыкновенно выстрѣливалъ онъ ихъ, или дома разряживалъ, дабы оными не сдѣлалъ кто самому себѣ или кому другому вреда.

Сверьхъ сего дѣтямъ своимъ запретилъ онъ накрѣпко, чтобъ никто изъ нихъ ни пистолетовъ, ни другова какова огнестрѣльнаго оружія отнюдь въ руки не бралъ, потому что дѣти не умѣютъ съ ними обходиться бережно, и легко могутъ самихъ себя или кого другаго застрѣлить.

А главное правило предписалъ онъ имъ, чтобъ они и велики вырасши подобными оружіями никогда не шушили; ибо изъ шого уже часшо выходили нещасшія.

Въ одно время купецъ сей возврашился изъ своего пушешесшвія домой, и какъ надобно ему было вскорѣ опяшь ѣхашь, шо онъ на эшошъ разъ писшолешовъ своихъ не высшрѣлилъ и положилъ ихъ въ горницѣ.

Онъ ни малаго не имѣлъ подозрѣнія, чтобъ дѣши сшали ихъ шрогашь, понеже онъ имъ шо накрѣпко запрешилъ.

Но что сдѣлалось? на другой день по ушру, какъ ошецъ ихъ вышелъ, Николаша съ Фединькой (шакъ назывались оба сыновья.) вошедъ въ эшу горницу сшали рѣзвишься.

Писшолешы лежали на сшолѣ.

,,Сшанемъ солдашами играшь, сказалъ ,,Николаша меньшому своему брашу, взявъ ,,одинъ писшолешъ себѣ, а другой подавая ему.

,,Эй брашецъ! ошвѣчалъ Фединька, развѣ ,,шы забылъ, что намъ запрещено брашь въ ,,руки писшолешы.

,,Эшо правда, сказалъ Николаша, но вишь ,,мы знаемъ, что они не заряжены; башюшка ,,недавно говорилъ, что онъ ихъ всегда вы- ,,сшрѣливаешъ, когда возвращаешся домой.

,,А испоршишь мы ихъ шакже не можемъ. ,,Посмошри какъ уже я хорошо умѣю взво-

,,дишь курокъ.,,—И взвелъ курки у обоихъ ,,пистолетъ.

,,Батюшка чаю съ тѣмъ говорилъ, чтобъ ,,мы заряженныхъ пистолетъ не трогали.—

,,Ну! стань ты тамъ и слушай, какъ я ,,буду повелѣвать; когда я закричу: пали! ,,то ты за это желѣзцо потяни къ себѣ.,,

Такимъ образомъ стали они другъ противъ друга и Николаша повелѣвалъ:

,,Слушай!——къ заряду!——прикладывай-,,ся! пали!,,

Съ симъ словомъ оба вдругъ спустили курки, и оба въ крови своей залившись упали.

На сей сугубой выстрѣлъ прибѣжала къ нимъ смущенная мать; и какое, о Боже, представилось ей зрѣлище!

Безчувственна упала она подлѣ своихъ дѣтей, которые въ то время уже послѣднее дыханіе испускали.

А когда отъ прибѣжавшихъ служителей она приведена была паки въ память, тогда дѣти ея были уже мертвы.

Послѣдовавшій за симъ ужасной вопль материнъ, и безмолвное оцѣпѣненіе прискорбнаго отца, познавшаго, возвратясь домой всю повѣсть изъ единаго на окровавленныхъ сыновъ своихъ воззрѣнія, не можетъ описать никакое перо.

НАСТЮША И НИКОЛАША.

Ник: Скажи, Настинька, такъ ли тебѣ скучно какъ мнѣ. . . . . я чуть не плачу.

Нас: О чемъ?

Ник: Видишь мы сколько батюшка и матушка пожаловали намъ опять подарковъ, а мы такъ малы и слабы, что не можемъ имъ за то отплатить.

Нас: Ежели мы всегда будемъ вести себя порядочно, такъ они и довольны будутъ.

Ник: То то меня и печалитъ, что мы еще не такъ тихи и хороши, какъ бы они того хотѣли.

Нас: Богъ намъ поможетъ сдѣлаться лучшими.

Ник: Пойдемъ же помолимся ему и попросимъ, чтобъ онъ ниспослалъ намъ свою святую помощь.
(Становятся на колѣна)

Нас: Боже милостивой! мы бы весьма хотѣли добрымъ своимъ поведеніемъ утѣшать нашихъ родителей.

Ник: Господи! однакожъ мы иногда дѣлаемъ худо.

Нас: Мы объ этомъ тужимъ.

Ник: Весьма тужимъ.

Нас: Для того просимъ тебя, Бога нашего; ты все можешь, всѣмъ помогаешь, помоги намъ вести себя порядочно и не дѣлать худова.

Ник: Помоги намъ, Боже; ты всесиленъ!
Нак: Помоги Господи!
Ник: Помоги намъ. Аминь.

БАБОЧКА.

Нѣгдѣ малая пичуга
Пестра бабочка жила
Середи зелена луга,
И прекрасная была.

У ней крылья голубыя
Въ красныхъ искрахъ всѣ блестятъ
На нихъ краишки злат**ы**я
Будто въ яхонтахъ горятъ.

Всякой часъ она летаетъ
Со цвѣточка на цвѣтокъ,
То гвоздику посѣщаетъ,
То ясминовой кустокъ.

Шепчетъ въ уши всѣмъ летая:
Какъ уборъ прелестенъ мой!
Естьли птичка здѣсь такая,
Чтобъ сравнилася со мной?

Хвастовства сего во время
Вдругъ на встрѣчу ей пчела,
Сладкое имѣя бремя
Въ улій медъ она несла.

Бабочка кричитъ гордяся:
Прочь замаранная дрянь!
Пчелка ей на то смѣяся
Въ домъ мой, говоритъ, заглянь,

Естьли знать меня желаешь,
И суди о мнѣ потомъ. . . .
Ты красою щеголяешь;
Я искуствомъ и трудомъ.

~~~~~~~~

ОПАМЯТОВАНІЕ.

Я не хочу безъ тебя идти въ садъ, сказала Параша своему братцу, и для чего не хочешь ты мнѣ сдѣлать удовольствія, когда я тебя о томъ прошу?

Для того, что мнѣ не хочется, отвѣчалъ Николаша, и сѣлъ облокотясь въ кресла.

Параша пошла въ уголокъ и стала плакать.

О чемъ ты плачешь? спросила у нее вошедши мать. Не досадила ль ты ч   ъ нибудь брату, нѣчто онъ сидитъ не весел?

„Да какъ же матушка сударыня, онъ не „хотѣлъ идти со мною въ садъ!„

Правда ли это, Николаша? спросила мать; да не сдѣлала ль она тебѣ чего?

Нѣтъ, сударыня, я передъ нею виноватъ, отвѣчалъ Николаша, и взявъ Парашу
~~~~~~~~

за руку, сказалъ: пойдемъ сестрица, я съ тобой пойду.

Параша отерла тотчасъ слезы и спросила у него съ ласкою: да хочешсяль тебѣ?

~~~~~~~~~~

ПЕТРУША,

который спать не могъ.

Въ маленькой своей постелькѣ малютка, Петруша лежа плакалъ, сперва тихонько, а потомъ громче, такъ что отецъ его и мать, спавшіе подлѣ него, то услышали.

„Что тебѣ сдѣлалось, Петрушинька, спросилъ отецъ; мнѣ кажется ты плачешь?

Петр: Ахъ батюшка!

От: Что такое душа моя, скажи намъ.

Петр: Ахъ я боюсь, чтобъ вы эту ночь не умерли!

От: Не дай Богъ — да что тебѣ это вздумалось?

Петр: Ахъ! развѣ вы не знаете —

От: Что такое?

Петр: Ахъ! что я севодня —

От: Ну!

Петр: Былъ непорядоченъ.

От: Такъ чтожъ?

Петр: Вы мнѣ давичь сказали, что я васъ огорчилъ. Я теперь объ этомъ вспомнилъ, и мнѣ подумалось: ну ежели батюшка

*
~~~~~~~~~~

въ эту ночь умреть, а я его такъ огорчилъ; и ежели ужъ не удастся мнѣ хорошимъ поведеніемъ опять его утѣшить—Ахъ, батюшка сударь, не умрите!

От: Развѣ бы тебѣ жаль было; естьлибъ я теперь къ общему нашему отцу взять былъ на небо?

Вмѣсто отвѣта полились у дитяти горячія по лицу слезы.

Тогда преисполненный жалостію отецъ, поднявъ его съ маленькой постельки и обласкавъ съ горячностію, положилъ подлѣ себя и его матери, а потомъ оба они поцалуями своими осушили лице его омоченное слезами.

РАЗМЫШЛЕНІЕ,

во время зимней стужи.

Среди зимы жестокой сей,
Мнѣ любо, въ теплый мѣхъ одѣту,
Подъ кровлей въ горницѣ моей,
Быть сыту, веселу, согрѣту,
И день препроводя въ игрѣ
На мягкомъ сладко спать одрѣ.

Но горе бѣдному, который,
Насущной пищи бывъ лишенъ,
Одинъ на голой лавкѣ хворый

Валяется отягощенъ,
На стужѣ, въ нуждѣ, безъ одежды,
Безъ помощи, и безъ надежды!

Духъ братолюбія! воспрянь,
Спѣши, возчувствуй чужду муку;
И щедрую отверзя длань,
Дай помощи ему ты руку:
Кто медлитъ брату пособить,
Тотъ не достоинъ щастливъ быть.

ЩАСТЛИВОЙ МУЖИКЪ.

Пожалуйте, бояре, вы не байте
Съ насмѣшкою о мужикахъ такой,
И что по больше васъ, вы это знайте,
Живемъ довольны сами мы собой.

Въ трудахъ безъ всякихъ прихотей жизнь
наша,
Безъ зависти и безъ хлопотъ течетъ;
Ломтъ хлѣба чорнова, да щи, да каша,
Какъ есть у насъ, тамъ намъ и горя нѣтъ.

Намъ ваши всяки лакомства несладки,
Отъ жиру нашъ животъ не заболитъ;
До вашихъ слизкихъ устрицъ мы непадки,
Мужикъ безъ кислаго лимона сытъ.

Перинъ мы мягкихъ съ скукой и заботой
Слезами ночью, право, не кропимъ;
Но утомленные дневной работой
Въ избѣ своей раскинувшись храпимъ.

Хоть хлѣбъ свой въ потѣ мы лица снѣдаемъ,
Но по трудахъ пріятенъ намъ покой;
Забавны пѣсни громко воспѣваемъ,
Какъ съ поля веселясь идемъ домой.

УДАЛИСЯ ОТЪ ЗЛА И СОТВОРИ БЛАГО, ХОТЯ БЫ ТО БЫЛО ВТАЙНѢ.

Старикъ Честнодумъ съ младшимъ сыномъ своимъ Тимошею пошелъ далеко въ поле гулять. Тогда былъ прекрасный осенній день, но еще нѣсколько жарокъ.

Батюшка, сказалъ Тимоша, идучи мимо одного сада, которой стоялъ середи поля, мнѣ очень пить хочется!

И мнѣ также, душа моя, отвѣчалъ отецъ, да надобно потерпѣть покудова придемъ домой.

Тимоша.

Вонъ стоитъ груша и на ней висятъ множество грушъ.

Честнодумъ.

Вижу, да она въ саду.

Тимоша.

Тынъ не высокъ, можно перелѣзть.

Честнодумъ.

А что бы намъ сказалъ тотъ, чей это садъ, естьли бы онъ здѣсь былъ?

Тимоша.

О! его здѣсь нѣту; да и никово нѣтъ, кто бы ему пересказать могъ.

Честнодумъ.

Ты ошибаешься мой другъ; есть нѣкто, который точно это увидитъ и долженъ будетъ наказать насъ за худыя наши дѣла.

Тимоша.

И! да кто это такой?

Честнодумъ.

Тотъ, которой вездѣ присутственъ, всегда насъ видитъ, всегда знаетъ, что мы дѣлаемъ — Богъ!

Тимоша.

Ахъ! да! я объ этомъ не подумалъ.

Въ самое сіе время всталъ человѣкъ, которой до того лежалъ за тыномъ въ травѣ. Это былъ самъ хозяинъ сада, и онъ сказалъ Тимошѣ:

„Благодари Бога, дитя, что благоче-

стивой отецъ твой не допустилъ тебя идти въ чужой садъ за овощами.

Знай, что у меня подъ этою грушею поставленъ для воровъ клепецъ, въ которой бы ты конечно попался и цѣлой вѣкъ свой былъ безъ ноги.

Но что напоминаніе отца твоего о невидимомъ Богѣ тебя устрашило, и что отсталъ ты отъ несправедливаго своего желанія, за то пойду и принесу я тебѣ лучшихъ плодовъ съ дерева.,,

Сказавъ сіе пошелъ онъ, потрясъ дерево, и принесъ Тимошѣ цѣлую шляпу хорошихъ грушъ.

Честнодумъ хотѣлъ ему заплатить за нихъ деньги, но онъ не бралъ.

Для чего? спросилъ Честнодумъ.

Для того, отвѣчалъ хозяинъ сада, что томужъ самому Богу, которому не угодно, чтобъ мы дѣлали злое, благоугодно, чтобъ мы дѣлали доброе и помогали ближнему своему всѣмъ, чѣмъ только можемъ.

Честнодумъ пожалъ у него дружески руку, поблагодарилъ его, и пошелъ съ Тимошею далѣе.

Тимоша.

Какой это доброй человѣкъ?

Честнодумъ.

Доброй конечно, да и всѣ тѣ таковы,

которые съ примѣчаніемъ смотря на вседневныя свои приключенія изъ оныхъ научаются знать, что правосудный Богъ не оставляетъ ничего добраго безъ награжденія и ничего худаго безъ наказанія.

Тимоша.

Не ужъ то бы Богъ наказалъ насъ, естьли бы мы стали рвать груши?

Честнодумъ.

Развѣ ты не слыхалъ, чтобы съ нами случилось.

Тимоша.

Да вить не Богъ поставилъ туда клепецъ.

Честнодумъ.

Не онъ самъ, да безъ его воли и вѣденія ничто не можетъ сдѣлаться.

Господь управляетъ всѣми дѣлами на свѣтѣ, и онъ такъ устрояетъ ихъ, чтобъ они доброму человѣку служили къ награжденію, а худому къ наказанію. Послушай, я раскажу тебѣ одну быль, которая случилась на моей памяти.

Я былъ такъ малъ еще, какъ ты, и жилъ въ домѣ у своего отца, а твоего дѣдушки. Подлѣ насъ жили два сосѣда, одинъ по правую, а другой по лѣвую сторону; одинъ прозывался Кузнецовъ, а другой Мѣльниковъ.

У Кузнецова былъ сынъ по имени Трофимъ, а у Мѣльникова шакже сынъ по имени Сидоръ.

Позади нашего дому и домовъ нашихъ сосѣдей находились небольшіе садики, которые одинъ ошъ другаго ошдѣлены были изгородою.

Кузнецова сынъ Трофимъ имѣлъ весьма дурную повадку бросашь всегда каменьями, не осшерегаясь, чшобъ не ушибишь кого нибудь.

Часшо дѣлывалъ онъ эшо бывъ у ошца своего въ саду, и бросалъ каменьями шо къ намъ въ садъ, шо къ сосѣду нашему, шакъ чшо ошъ его бросанья не было намъ почши проходу.

Ошецъ его примѣшилъ эшо однажды и запрешилъ ему шо дѣлашь накрѣпко.

Но по нещасшію эшошъ робенокъ или не вслушивался или забывалъ, чшо худова дѣлашь не надобно, хошя бы никого при шомъ свидѣшелемъ не было; ему или не сказывали, или онъ не хошѣлъ шого помнишь, чшо Богъ вездѣ присушсшвуешъ и видишъ все, чшо мы ни дѣлаемъ.

Однажды былъ онъ въ саду одинъ, и захошѣлось ему опяшь пошвыряшь каменьями: и какъ онъ зналъ, чшо ошца его нѣшъ дома, шо и думалъ, чшо ему эшо дѣлашь можно.

Въ самое шо время другой сосѣдъ нашъ Мѣльниковъ былъ съ сыномъ своимъ Сидоромъ у себя въ саду.

Этотъ Сидоръ имѣлъ за собою тотъ порокъ, что онъ думалъ: довольно коли при людяхъ не дѣлаешь худова, а коли никово нѣтъ, такъ все можно дѣлать, что ни захочешь.

Отецъ его принесъ съ собою заряженное ружье, чтобъ стрѣлять воробьевъ, которые у него всѣ вишни поклевали. Они стояли въ бесѣдкѣ и дожидались, какъ воробьи налетятъ; но вдругъ пришли къ Сидорову отцу сказать, что къ нему гость пришолъ.

Онъ оставилъ ружье въ бесѣдкѣ и сказалъ отходя Сидору: смотри ты не тронь ружья!

Сидоръ остался одинъ. Что мнѣ сдѣлается, думалъ онъ, хотя бы я и поигралъ немного ружьемъ? вить я никово не застрѣлю, да и батюшка же теперь ушелъ домой.

Подумавъ сіе схватилъ онъ ружье и сталъ имъ дѣлать на караулъ. Потомъ захотѣлось ему попробовать, можетъ ли онъ взвести курокъ.

Онъ положилъ на изгороду ружье, дуломъ прямо въ садъ къ Кузнецову, взялъ за курокъ и началъ взводить.

Въ это время Трофимъ на бѣду изъ своего сада бросилъ черезъ изгороду острой камень, и попалъ Сидору въ глазъ. Сидоръ отъ великаго страха и боли выронилъ ружье изъ рукъ, курокъ спустился, дробь полетѣла, и закричали въ обоихъ садахъ: ай, ай, ай!

Сидору вышибли глазъ, а Трофиму вся дробь попала въ ногу; тотъ сталъ кривъ, а этотъ хромъ, и такими остались во весь свой вѣкъ.

Тимоша.

Ахъ бѣдненькіе!

Честнодумъ.

Они конечно оба жалки, особливо по тому, что каждый изъ нихъ не только самаго себя, да и другаго вмѣстѣ съ собою сдѣлалъ нещастнымъ.—Однакожъ входя обстоятельно въ дѣло, можно сказать, что это случилось къ общему ихъ благополучію.

Тимоша.

Какъ это, батюшка!

Честнодумъ.

Я тебѣ это растолкую, душинька. Когда бы Богъ не наказалъ сихъ дѣтей, такъ бы они оставаясь на единѣ всегда продолжали дѣлать худое.

Но тутъ они сами собою испытали, что всякое худое дѣло, котораго люди не видятъ, отъ Бога не можетъ быть закрыто, и безъ наказанія упущено не будетъ.

Отъ того оба они поправились, стали смирны и хороши, и удалялись отъ всякаго зла, хотя бы то случилось въ самомъ тайномъ мѣстѣ.

И сего-то самаго Богъ, наказуя ихъ, отъ нихъ желалъ; ибо сей небесный отецъ не для чего инаго наказуетъ насъ, какъ для нашего чрезъ то исправленія.

Тимоша.

Не стану же я дѣлать худова, хотя бы подлинно зналъ, что ни одинъ человѣкъ о томъ не свѣдаетъ.

Честнодумъ.

Богъ утверди тебя въ сихъ мысляхъ, дитя мое!

Тутъ они возвратились домой.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

Ахъ, ежели бы все зима была! сказалъ Петруша, послѣ того какъ онъ игралъ въ снѣжки и катался на горѣ въ санкахъ.

Отецъ его приказалъ ему сіе желаніе записать въ записную книжку, и онъ то исполнилъ.

Зима прошла, наступила весна.

Петруша стоялъ съ отцомъ своимъ подлѣ одного цвѣтника, въ которомъ розы, лилеи, гіяцинты и нарциссы разцвѣтали; и былъ внѣ себя отъ радости.

Весна цвѣты сіи съ собой приноситъ, сказалъ отецъ, съ ней они и пройдутъ.

Ахъ, ежели бы все весна была! отвѣчалъ Петруша.

Отецъ велѣлъ ему и сіе желаніе записать въ книжку, и онъ записалъ.

Миновала весна, лѣто настало.

Въ одинъ прекрасной день Петруша съ своими родителями и нѣсколько другихъ робятишекъ пошли въ ближнюю деревню и цѣлой день тамъ пробыли.

Вокругъ ихъ видна была зеленая пажить и долины, множествомъ цвѣтовъ испещренныя, и луга, на которыхъ индѣ играли ягнята, индѣ бодрые жеребятки прыгали.

Тутъ они ѣли вишни и другія лѣтомъ растущія ягоды и проводили время очень весело.

Не правда ли сказалъ отецъ возвращаяся домой, что и лѣтомъ можно имѣть множество забавъ.

Ахъ! отвѣчалъ Петруша, я бы желалъ, чтобъ всегда было лѣто!

И сіе желаніе записано было въ записную книжку.

Напослѣдокъ пришла осень.

Вся семья отправилась на нѣсколько дней въ виноградные сады.

Не было уже такихъ жаровъ какъ лѣтомъ; но воздухъ былъ благорастворенной и небо свѣтлое.

На лозахъ виноградныхъ висѣли зрѣлые

грозды, на грядахъ лежали благоуханныя дыни, а вѣтви деревъ отъ спѣлыхъ плодовъ къ землѣ приклонялись,

Тутъ-то любо было Петрушѣ, который до всякихъ овощей великой былъ охотникъ!

Сіе прекрасное время скоро минетъ, сказалъ отецъ; зима уже на дворѣ и осень проходитъ.

Ахъ! сказалъ Петруша, я бы желалъ, чтобъ зима никогда не приходила, и чтобъ все стояла осень!

Право бы ты того желалъ? спросилъ отецъ?

Право, отвѣчалъ онъ.

Но посмотри, продолжалъ отецъ, вынимая записную книжку изъ кармана, посмотри, что здѣсь написано; на, читай!

,,Я желаю, чтобъ всегда зима была.,, А вотъ на этой страницѣ прочитай что написано?

,,Я желаю, чтобъ всегда весна была.,, А вотъ на этой?

,,Я желаю, чтобъ всегда лѣто было.,, Знаешь ли ты, примолвилъ отецъ, чья рука это писала?

Моя, отвѣчалъ Петруша.

А чего же ты теперь желаешь?

,,Я желаю, чтобъ всегда была осень.,, Но это очень чудно, сказалъ отецъ, зимою ты желаешь всегдашней зимы, весною всег-

дашней весны, лѣтомъ всегдашняго лѣта, а осенью всегдашней осени?

Подумай, чему изъ сего слѣдовать должно.

,,Что всѣ времена года хороши.,,

Конечно такъ; что всѣ они преисполнены радостію, преисполнены разными для насъ дарами, и что Богъ лучше умѣетъ управлять свѣтомъ, нежели мы слабые человѣки!

Естьли бы прошлая зима въ твоей волѣ состояла, то бы у насъ ни весны, ни лѣта, ни осени не было.

Ты бы землю покрылъ вѣчнымъ снѣгомъ, для того только, чтобъ играть въ снѣжки и кататься съ горы въ санкахъ; и скольких же безчисленныхъ другихъ удовольствій ты бы насъ лишилъ.

Щастливы мы, что не въ нашей волѣ состоитъ управлять свѣтомъ, мы бы съ полученіемъ власти сей тотчасъ его разрушили.

ПЕТРУШИНЪ ОТВѢТЪ.

Дорогой школьникъ шелъ
И финикъ онъ нашелъ:
Къ сластямъ ребята падки,
А финики вить сладки,
Такъ школьникъ финикъ съѣлъ,
И финикъ школьнику гораздо полюбился,

А въ немъ нашелъ онъ костъ.
Мой школьникъ въ мысли углубился:
Знатъ эти ягоды, онъ мыслитъ, могутъ ростъ;
Конечно это сѣмя;
Чѣмъ размножается ихъ племя;
Такъ эту косточку я въ землю посажу,
И погляжу,
Что изъ того родится;
Авосьлибъ ихъ у насъ и много расплодится.
Пришелъ домой и прямо въ садъ
Бѣжитъ мой школьникъ безъ огляду,
Потѣетъ и копаетъ гряду,
Какъ будто ищетъ кладъ.
Отецъ его на эту пору
Зашелъ и сына зритъ въ трудахъ,
Какъ кротъ копаетъ нору,
И держитъ косточку въ зубахъ.
Узналъ отецъ трудовъ причину
И говоритъ онъ сыну:
Мой другъ! напрасно трудъ твой пропадетъ:
Ты финики сажаешь;
Долгонько ихъ прождешь! знатъ ты еще не знаешь,
Что это дерево едва чрезъ двадцатъ лѣтъ
Съ плодами поспѣваетъ.
Узнавъ по голосу отца,
Привсталъ, и стерши потъ съ лица,
Петруша отвѣчаетъ:
Коль время наградитъ мои труды,

Машинька.

Конечно, сударыня. Какъ чаю молишва Его была пріяшна Богу! — и я думаю Онъ вподлинну эшихъ людей просшилъ.

Машь.

А шы вчера разсердилась на Ивана за шо, чшо онъ изломалъ у шебя игрушку, шакъ чшо и просшишь ему не хочешь; разсуди же, душа моя, хорошо ли эшо?

Тушъ Машинька ошъ сшыда закрыла лице свое ручонками и прижавшися къ машери горько заплакала.

ПОДАРОКЪ ТЕТКѢ ВЪ ДЕНЬ ЕЯ ИМЕНИНЪ.

Севодня множество мнѣ къ радосшямъ причинъ:
Севодня, шешушка, день вашихъ именинъ,
Изъ всѣхъ моихъ вещей желалъ бы я конечно,
Вамъ лучшую ошдашь, любя васъ шакъ сердечно.

Ни чѣмъ я не могу шакъ много дорожишь,
Чего бъ вамъ не хошѣлъ ошъ сердца подаришь.
Но п...
...чо эшо чудно,
...ь очень шрудно.

Чего я ожидаю,
Такъ я съ того, что нынѣ насаждаю,
При старости вкушу плоды.

РАСКАЯНІЕ.

Мать.

О чемъ ты плачешь, Машинька?

Машинька.

Ахъ, матушка, посмотрите, что я нашла въ Библіи!

Мать.

Такъ ты объ этомъ плачешь? да чтожъ такое, раскажи мнѣ, душинька.

Машинька.

Ахъ, подумайте! они распяли Христа— какіе злые люди!—а Онъ, какое милосердіе!— Онъ и на крестѣ-то за нихъ молится! Они наругались надъ Нимъ, а Онъ, умираючи, говорилъ: Отче! помилуй ихъ, они не вѣдаютъ что творятъ.

Мать.

Нравится тебѣ это, что Христосъ и за враговъ своихъ молился?

Машинька.

Конечно, сударыня. Какъ чаю молитва Его была пріятна Богу! — и я думаю Онъ вподлинну этихъ людей проспилъ.

Мать

А ты вчера разсердилась на Ивана за то, что онъ изломалъ у тебя игрушку, такъ что и простить ему не хочешь; разсуди же, душа моя, хорошо ли это?

Тутъ Машинька отъ стыда закрыла личе свое ручонками и прижавшися къ матери горько заплакала.

ПОДАРОКЪ ТЕТКѢ ВЪ ДЕНЬ ЕЯ ИМЕНИНЪ.

Севодня множество мнѣ къ радостямъ причинъ:
Севодня, тетушка, день вашихъ именинъ,
Изъ всѣхъ моихъ вещей желалъ бы я конечно,
Вамъ лучшую отдать, любя васъ такъ сердечно.

Ни чѣмъ я не могу такъ много дорожить,
Чего бъ вамъ не хотѣлъ отъ сердца подарить.
Но какъ ни хочется, однако это чудно,
Есть вещи у меня, а выбрать очень трудно.

Вѣнокъ ли изъ цвѣтовъ мнѣ пестринькихъ сплесть,
И тетушкѣ моей любезнѣйшей поднесть:
Изъ розъ и васильковъ, которы разцвѣтаютъ? —
Но ахъ! цвѣты, цвѣты такъ скоро увядаютъ!

Съ ясминами ль кустокъ мнѣ дать въ подарокъ ей,
И выбрать лучшинькой? — Но нѣтъ! любви моей,
Любви толь искренней, любви чистосердечной,
Кустокъ есть слабой знакъ, весьма недолговѣчной.

Ахъ, вотъ что! парочку прекрасныхъ птичекъ вамъ,
Чтобъ пѣли здѣсь онѣ, я, тетушка, отдамъ;
Вчера на гнѣздышкѣ поймалъ я ихъ легонько, —
Но ахъ! лишь чиркаютъ онѣ, и то тихонько!

Такъ чтожъ мнѣ подарить? одно еще, одно:
Вотъ сердце вамъ мое! хоть молодо оно,
Однако же цвѣтку подобно не увянетъ,
Покуда будетъ жить, всегда любить васъ станетъ.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ФІЯЛКА И ТЕРНОВОЙ КУСТЪ.

Ни мало не гордяся
Своею красотой,
Растя и веселяся,
Довольная собой,
Фіялочка въ лѣсочкѣ
Не въ пышности была,
При терновомъ кусточкѣ
Смирнехонько цвѣла.

Одиножды терновникъ
Сказалъ цвѣтку сему:
Я знаю кто виновникъ
Веселью твоему;
Конечно ты щитаешь,
Здѣсь краше нѣтъ тебя,
О какъ ты мало знаешь
Бѣдняжечка себя!

Взгляни какъ роза рдѣетъ
Красиво средь луговъ,
Царицы видъ имѣетъ
Она между цвѣтовъ!
Тебя здѣсь и не видно,
Не слышенъ запахъ твой!
Какъ можешь такъ безстыдно
Ты хвастаться собой?

Фіялочка смиренно
На рѣчь сказала ту:

Я здѣсь уединенно
Въ спокойствіи цвѣту;
За многимъ не гоняюсь,
Завидовать порокъ;
Довольно коль щитаюсь
Я добринькой цвѣтокъ.

Хотя не проливаю
Я запахъ въ цѣлый лугъ,
Однако наполняю
Имъ малый свой округъ;
Не рѣдко оставляетъ
Румяный розовъ цвѣтъ
Пчела и прилетаетъ
Съ меня брать сладкій медъ.

Отъ солнечнаго зноя
Пастушка утомясь,
Для хлада и покоя
Въ мѣста сіи склонясь,
Не рѣдко воздыхая
Творца благодаритъ,
Что сладко отдыхая
Фіялочку въ нихъ зритъ—

Сосѣдушка, пріятель,
Не должно намъ роптать;
Вселенныя Создатель
Умѣлъ кому что дать.
Безумно наше чванство

Прошиву Вожьихъ дѣлъ:
Онъ розѣ далъ убранство,
Мнѣ малой быть велѣлъ.

РѢЗВЫЙ МАЛЬЧИКЪ

Зрѣлище для дѣтей.

Дѣйствующія лица:

Господинъ Златогоровъ.
Николаша, Златогорова десятилѣтній сынъ.
Фединька, племянникъ Златогоровъ, сирота, воспитываемый имъ, одних лѣтъ съ Николашею.
Маша, дочь Златогорова, девяти лѣтъ.
Лизанька / *Анюта* — двѣ маленькія барышни, пріѣхавшія въ гости къ Машѣ.
Федотка, осмилѣтній мальчикъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

Николаша и Фединька.

Фединька, (*сидя за столомъ и пишучи.*)

Братецъ! не ужъ-то ты цѣлой часъ все играть будешь?

Николаша. (*рѣзвясь и прыгая кругомъ по горницѣ.*)

Еще немножко!

Фединька.

Но ты забылъ, что въ четыре часа надобно намъ отдать переводъ свой любезному нашему Ивану Карповичу?

Николаша.

Еще крошечку!

Фединька.

Предоброй учитель! какъ онъ всегда радуется, когда видитъ насъ прилѣжными.

Николаша.

Ну еще немножко, крошечку!

Фединька.

Вотъ ужъ три четверти бьетъ; мнѣ осталось дописать только два слова, такъ я и готовъ. Вотъ и конецъ!

Николаша. (*бѣжитъ къ столу.*)

Какъ? ужъ три четверти било? ахъ какая бѣда! какъ мнѣ успѣть!

Фединька.

Вишь я тебѣ говорилъ.

Николаша.

Теперь я стану какъ можно спѣшить; авосьлибо еще успѣю. — Смотри! ужъ три строки написалъ!—вотъ какъ у насъ маштуъ! то-то любо! (*при сихъ словахъ вскакиваетъ отъ радости, опрокидываетъ чернильницу и заливаетъ свою бумагу*). О какая бѣда! что я сдѣлалъ!

Фединька.

Какой ты шалунъ, Николаша!

Николаша.

Право это не нарочно.

Фединька.

Не нарочно? объ этомъ никто и не думаетъ; кто станетъ нарочно это дѣлать? —однакожъ отъ шалости, братецъ, отъ великой рѣзвости. Этотъ порокъ сильно въ тебѣ укореняется.

Николаша.

Я поскорѣе снова начну; можно еще успѣть. (*пишетъ опять нѣсколько строкъ; качается на стулѣ, размышляя о словахъ, и опрокидывается на взничъ*) ай!

Фединька.

Опять новая шалость! Николаша, Николаша, вить ты этакъ голову себѣ проломишь можешь!

Николаша.

Проклятой стулъ!

Фединька.

Скажи лучше: проклятая рѣзвость и бѣдной стулъ! посмотри, ты его изломалъ: матушка за это спасибо не скажетъ.

Николаша.

Пропалъ я! какъ мнѣ быть со своимъ переводомъ?—братецъ голубчикъ! не оставь меня, дай мнѣ списать съ твоего перевода.

Фединька.

Списать? да какая тебѣ отъ этова польза!

Николаша.

Ну чтобъ учитель на меня не осердился.

Фединька.

Не ужъ ли ты думаешь, что онъ этова не примѣтитъ? да хотя бы и не примѣтилъ, какъ смѣть отъ него это утаить? стыдно! вить то хотѣть его обманывать.

Николаша (заплакавъ.)

Да какъ же быть, — что мнѣ скажетъ Иванъ Карповичь, когда ты ему свой переводъ покажешь, а я нѣтъ?

Фединька.

Послушай, братецъ! все что я для тебя сдѣлать могу, состоитъ въ томъ, что я не хочу въ глазахъ любезнаго нашего учителя быть лучше тебя: вотъ смотри! (*издираетъ свой переводъ*). Пойдемъ теперь на верхъ и скажемъ откровенно Ивану Карповичу, что мы севодня лѣнивы были, и что завтра постараемся быть прилѣжнѣе.

Николаша.

Ну спасибо тебѣ, братецъ! (*целуетъ его въ плечо*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прежніе и Маша

Маша.

Фединька! Иванъ Карповичь позволилъ шебѣ осшашься здѣсь въ низу. Лизанька съ Анюшою будушъ ко мнѣ въ госши, и мы хошимъ, чшобъ и шы былъ съ нами.

Николаша.

А обо мнѣ шы не просила?

Маша.

Нѣшъ брашецъ!

Николаша.

Для чегожъ нѣшъ? онъ шебѣ шолько двоюродной брашъ, а я родной.

Маша.

То шо и худо, чшо шы родной брашецъ, а посшупаешь шакъ, чшо любишь шебя не льзя сшолько, какъ двоюроднаго.

Николаша.

Да чшо я шебѣ сдѣлалъ?

Маша.

Со мною можешь шы обходишься какъ хочешь, я не о себѣ говорю; но мнѣ жаль, чшо шы самъ себѣ вредишь, дѣлая шо, чшо ни одинъ человѣкъ не хочешъ бышь съ шобою вмѣсшѣ.

Николаша.

Чтожъ такое я дѣлаю?

Маша.

Что ты дѣлаешь? все безъ разсудку: безъ ума шалишь, безъ пути рѣзвишься. Когда ты войдешь въ горницу, то можно объ закладъ удариться, что какая нибудь непріятность случится: либо ты что нибудь изломаешь, либо раздерешь, либо замараешь, либо такой шумъ поднимешь, что уши прокричишь, либо помѣшаешь намъ играть, либо начнешь браниться. Всѣ посторонніе дѣти за тѣмъ не ѣздятъ къ намъ въ домъ, и это чудо, что Лизанька съ Анютою сегодня сюда пріѣхать обѣщали. Скажи правду, Фединька, хорошъ ли онъ и каково поведеніе его?

Фединька.

Я надѣюсь, что онъ исправится. Такъ ли Николаша.

Николаша.

Вѣрно такъ; во всю мою жизнь впередъ таковъ уже не буду.

Фединька.

Прости ему и позабудь, сестрица, его проступки! я пойду съ нимъ къ Ивану Карповичу и попрошу, чтобъ онъ позволилъ ему остаться съ нами въ низу, я ручаюсь

за него, что онъ будетъ себя вести порядочно. (*уходитъ съ Николашею*).

Маша.

Я желаю, чтобъ это такъ было.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Маша. (*одна*)

Братецъ Фединька очень хорошъ! — коли бы братецъ Николаша таковъ же былъ! (*она ставитъ стулья по мѣстамъ, вытираетъ столъ, и читаетъ лоскутки бумаги, лежащіе на полу*). Теперь кажется все порядочно? — мнѣ думается — (*стучатся въ двери, и она бѣжитъ туда*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Маша, Лизанька и Анюта

Маша.

А! здравствуй, милая Лизанька! здравствуй милая Анютушка! (*обнимаются и цалуются*).

Лизанька.

Мнѣ кажется, я ужъ цѣлой годъ съ тобою не видалась!

Анюта.

Въ самомъ дѣлѣ давно ужъ: почти три недѣли.

Маша.

Безъ малова: въ прошедшее воскресенье было ровно двѣ недѣли, какъ я у васъ была.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Прежнія, Growзинька и Николаша.

(*Фединька учтиво кланяется гостямъ; Николаша прыгая и распѣвая вбѣгаетъ въ горницу, и не смотря на пріѣзжихъ барышенъ вскакиваетъ на стулъ, стоящій подлѣ его сестры*).

Николаша. (*поетъ.*)

Лай, лай, лай, веселись Николай!
Вашъ, башъ, башъ, севодни шабашъ!

(*онъ хочетъ вскочить на плечи къ сестрѣ своей, которая не могши его удержать присѣдаетъ, отъ чего онъ упадаетъ со стула и сбиваетъ ее съ ногъ долой*).

Фединька.

Николаша, Николаша! что ты опять напроказилъ? (*всѣ они прибѣгаютъ поднимать Машу*).

Николаша.

Ничего, бездѣлица! (*повертывается на одной ногѣ и начинаетъ опять прыгать*).

Лизанька.

Ахъ, моя душа! не ушиблась ли ты?

Маша.

Кажется нѣтъ. Не осердитесь, мои ми-

лыя, что это случилось: вы видите, что не я этому причиною.

Анюта. (*цалуя ее*).

Нѣтъ ничего, коли только ты не ушиблась.

Маша.

Нѣтъ, ужъ прошло. Сядьте, мои милыя. (*Фединька для каждой изъ нихъ ставитъ стулъ*).

Лизанька.

Не трудитесь!

Фединька:

Никакова труда нѣтъ!

Маша.

Фединька охотно это дѣлаетъ. (*подаетъ ему руку въ знакъ ласки*). Я бы желала, чтобъ братецъ Николаша такъ услужливъ былъ, какъ онъ.

Николаша.

О! я буду севодня очень услужливъ; ты увидишь это. (*дѣвка приноситъ чайной приборъ*). Напримѣръ я стану разливать.

Маша.

Чтобъ опять что нибудь изломать! пожалуй оставь это мнѣ. (*наливаетъ и подаетъ сахарницу кругомъ*). Кому угодно сахару?

Лизанька.

Благодарствую, моя душа! мы привыкли пить безъ сахару.

Николаша.

Такъ инъ я за всѣхъ возьму. (*хватаетъ кусокъ за кускомъ, такъ что сестра напослѣдокъ принуждена отдернуть отъ него сахарницу прочь*).

Маша.

Какъ тебѣ не стыдно, Николаша!—

Николаша.

Я пошутить хотѣлъ. Ты увидишь, что мнѣ столько не надобно—(*хочетъ сахаръ положить назадъ въ сахарницу, но поступаетъ при томъ такъ неосторожно, что до половины выпитую чашку свою проливаетъ Анютѣ на платье*).

Анюта.

Ахъ, боже мой!—какъ я пришедъ домой покажусь матушкѣ? что мнѣ дѣлать?

Маша.

О какой бѣшеной! (*къ Николашѣ*) да ужъ по крайней мѣрѣ не стой какъ столбъ: принеси поскорѣе стаканъ воды. (*прежде нежели Николаша съ мѣста тронулся, Ѳединька уже побѣжалъ за водою*),

Лизанька.

Говорятъ лучше всего бѣлымъ платкомъ вытереть. Вотъ у меня чистой платокъ—(*онѣ подходятъ къ Анютѣ: Лизанька держитъ, а Маша вытираетъ. Между тѣмъ Николаша, словно какъ бы ему до случившагося никакой нужды не было, продолжаетъ пить чай и*

выливаетъ всѣ сливки изъ молошника къ себѣ въ чашку. Фединька приноситъ стаканъ воды).

Лизанька.

Теперь ужъ не надобно воды; благодаримъ тебя, милой Фединька. Мы ужъ вытерли, послѣ можно замыть.

Маша.

Кажется теперь хорошо: посмотри, Лизанька, почти ничего не льзя примѣтить.— (*показываетъ ей залитое мѣсто у платья*).

Лизанька.

Чуть видно, а когда высохнетъ, такъ и совсѣмъ будетъ не примѣтно,

Анюта.

Ну слава Богу! а я было испугалась: новое платье, и матушка за него дорого заплатила.

Маша.

Сядемъ опять, мои милыя; (*къ Николашѣ*) а ты пожалуй будь отъ насъ подалѣе. (*хочетъ наливать, но находитъ молошникъ пустымъ, и смотритъ на Николашу*). Это право такъ невѣжливо, какъ не льзя больше!(*къ Фединькѣ*) Подумай, между тѣмъ какъ мы тамъ хлопотали, онъ всѣ сливки изъ молошника выпилъ! (*Фединька взглядываетъ на него съ неудовольствіемъ*). Ахъ! я было и забыла. Севодни одна изъ дѣвушекъ нашихъ именинница, она

давича принесла ко мнѣ прекрасной крен дель,—(*Фединькѣ, которой всталъ со стула и хочетъ идти*) прикажи его къ намъ подать, да также и сливокъ еще принести.

Лизанька.

Для меня не надобно: я ужъ столько напилась чаю, что не хочу больше.

Анюта.

А я такъ напугалась, что не могу пить.

Маша.

Чтожъ намъ дѣлать? не поиграть ли не множко?

Лизанька.

По мнѣ пожалуй. Да во чтожъ мы станемъ играть?

Николаша.

О! я много знаю игоръ! въ жмурки — въ гулючки—въ короли—

Лизанька.

Съ вами играть мы не хотимъ.

Николаша

Для чего?

Лизанька.

Для того, что мы любимъ глаза свои, носъ, руки и ноги.

Маша.

Вотъ Фединька идетъ—у него спросимъ, во что играть.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Прежніе и Фединька.

Лизанька.

Мы васъ дожидались, чтобъ вы сказали, какую намъ игру начать.

Фединька.

Я оставилъ на дворѣ маленькаго музыканта; ежели вы хотите, такъ онъ намъ что нибудь съиграетъ или споетъ.

Маша.

Маленькаго музыканта? маленькаго музыканта? да кто онъ такой? откуда ты ево взялъ?

Лизанька.

Это очень, очень хорошо! съ Фединькой право весело быть вмѣстѣ: онъ умѣетъ какъ угождать.

Анюта.

А я какъ люблю, когда поютъ или танцуютъ!

Фединька.

Да мы же еще и добро сдѣлаемъ: это бѣдной деревенской мальчикъ, которой ходитъ съ гудкомъ и сбираетъ милостыню. Я посулилъ ему пять копѣекъ, и онъ обѣщалъ мнѣ за это цѣлой часъ играть.

Лизанька.

Нѣтъ! нѣтъ! пусть всякая изъ насъ дастъ ему особливо что нибудь.

Анюта.

Всякая, всякая особливо.

Фединька.

Такъ позвашь его сюда?

Маша.

Позови, позови, да гдѣ онъ?

Фединька.

Тамъ у воротъ стоитъ. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДМОЕ.

Прежніе.

(*Дѣвка приноситъ крендель. Николаша хочетъ ухватить его съ тарелки, однако Маша ему въ томъ препятствуетъ*).

Николаша.

Ну что? я хотѣлъ только его раздѣлить!

Маша.

Оставь это на мое попеченіе; ты бы также хорошо раздѣлилъ какъ сливки. (*разламываетъ крендель на четыре куска, подноситъ двумъ гостьямъ, беретъ сама, и тарелку съ остальнымъ кускомъ ставитъ на столъ*).

Николаша.

Это мнѣ? (*хочетъ взять съ тарелки*).

Маша. (*отнимая прочь оную*).

Погоди, еще Фединька не кушалъ. На вотъ тебѣ по поламъ со мною! (*отламываетъ отъ своего кренделя и даетъ ему*).

Анюта.

Прекрасной крендель! оставте пожалуйста Фединькѣ, а не то, я ему свой кусокъ отдамъ.

Лизанька.

И я свой.

ЯВЛЕНІЕ ОСМОЕ.

Прежніе, Фединька и Федошка съ гудкомъ.

Фединька.

Вотъ я привелъ къ вамъ своего музыканта.

Маша.

Откудова ты мальчикъ?

Федошка.

Изъ деревни Скудихи.

Лизанька.

Есть ли у тебя отецъ и мать?

Федошка.

Мачка померла, а бачка живъ еще.

Анюта.

За чѣмъ же ты сюда пришелъ?

Федошка.

Вишь ты, бачка хворъ; работать никому; исть ницаго; такъ я брожу съ гудкомъ, да хлибъ добываю.

Маша.

Ну-ка съиграй намъ что нибудь.

Федошка.

Пожалуй изволь, боярышня; только я не горазно въ ивтомъ смышлюнъ; маракую да не много.

Фединька.

Играй, какъ умѣешь! для насъ ты довольно хорошо будешь играть. (*Федотка налаживаетъ свой гудокъ, Анюта между тѣмъ подаетъ Фединькѣ тарелку съ остальнымъ кускомъ кренделя, которую онъ принявъ держитъ въ рукахъ. Федотка пробуетъ смыскомъ, начинаетъ играть и припѣваетъ*).

Парнишко я бидной,
Гудить не гораздъ:
Грошишко кто мидной
Мнѣ смилуясь дастъ,
Тому, мой гудоцыкъ,
Спасибо ты спой.
Што хлибца кусоцыкъ
Іонъ далъ намъ съ тобой.
Своимъ прибобудкомъ
Михей говоритъ:
Съ пустымъ де жолудкомъ
Струна не брянцитъ.

Фединька.

Ага бѣдняжка! видно ты голоденъ: на вотъ тебѣ кусокъ кренделя.

Федошка.

Нитъ, боярцынокъ: это самъ ишъ. Мнѣка дай ломтикъ цорнова хлиба съ солью.

Фединька.

Возми когда тебѣ даютъ. Черной хлѣбъ я и самъ какъ и ты ѣсть умѣю.

Федошка.

Ну инъ спасибо! только я итова не стану топерь исть: отнесу бидному бачкѣ своему: іонъ обрадуется.

Маша.

Бѣдному отцу? жаль мнѣ, что я уже свой кусокъ съѣла!

Лизанька.

Для чего ты не пришелъ сюда немножко поранѣе?

Анюта.

У меня еще половинка осталась. На! отдай и это отцу своему.

Федошка.

Ой нитъ, прикрасная боярытня! ишъ сама. Полно ему и одново итова полизать— веть ито не цорной хлибъ.

Анюта.

Съѣшь самъ этотъ кусокъ.

Федошка.

Нитъ, нитъ; ужъ кали милость твоя такая, такъ я лущце возму оба съ собою; заверну въ платъ. (*ищетъ*). Ека парень! платчишко свой забылъ въ жупанѣ. Кабы клоцокъ бумашки.—

Маша.

Постой, я тебѣ дамъ чистой платокъ.

Между шѣмъ пусшь крендель швой полежишъ покамѣсшь на окнѣ.

Федошка.

Дильно, преузорочная, дильно; спасешъ шебя Богъ! ну шоперь я гудишь сшану?

Фединька.

Съиграй-ко, съиграй намъ еще что нибудь.

Федошка.

Исшь у меня заздравная писенка; яна не наша кресшьянска, не шакъ шшо бы оцень шолковиша; однако я всю знаю набумъ. Бачкѣ моему написалъ ее какой-шо грамошей. (*играетъ на гудкѣ и припѣваетъ*):

Не въ нѣгѣ я родился,
Не въ роскоши я жилъ,
Рабошалъ и шрудился,
И хладъ и зной сносилъ.
Терпя различны муки
Боролся я съ судьбой,
Мои суровы руки
Не знали что покой.

Я солнечнаго всходу
Ни разу не проспалъ,
Въ жесшокую погоду
Укрышься не искалъ;
Но плугомъ раздирая
Ушробу я земли,

То дрогнулъ промокая,
То весь горѣлъ въ пыли.

За разными трудами
Меня зрѣлъ солнца бѣгъ,
Здѣсь твердыми стѣнами
Одѣлъ я дикій брегъ;
Тамъ каменные домы
Воздвигнулъ для другихъ,
Чуть крышку изъ соломы
Имѣя для своихъ.

Земную жилу роя,
Въ пещерахъ погребенъ,
Я солнечнаго зноя
И свѣта былъ лишенъ;
Въ количествѣ премногомъ
Я злато находилъ,
Но въ рубищѣ убогомъ
Весь вѣкъ мой проводилъ.

Однакожъ въ это время,
Бывъ молодъ и здоровъ,
Не чувствовалъ я бремя
Сихъ тягостныхъ трудовъ;
Безъ всякаго излишку
Довольно собиралъ,
Кормилъ свою семьишку,
Пилъ, ѣлъ, и сладко спалъ.

Но младость промелькнула,
Ее ужъ больше нѣтъ,
Скорбь лютая согнула
Упругій мой хребетъ.
Мой одръ, гдѣ я стоная,
Убогъ, лежу и сиръ,
Злой смерти ожидая;
Сталъ нынѣ весь мой міръ!

(Дѣти слушаютъ со вниманіемъ, приходятъ постепенно въ жалость, подступаютъ къ нему ближе и утираютъ глаза свои наполненные слезами. Между тѣмъ Николаша прыгаетъ кругомъ, подбѣгаетъ къ тарелкѣ и съѣдаетъ на ней два куска кренделя).

Фединька. *(взявъ Федотку за руку)*

Бѣдной малой! по этому ты весьма нещасливъ!

Маша.

Отецъ въ нищетѣ, при смерти, а сынъ еще такъ малъ: какое жалостное состояніе!

Федошка.

Нитъ, боярышня: я ужъ таки слава Богу великонекъ: смогу бродить. А какъ исть кусокъ хлиба, такъ мнѣ и полно, и бачку накормлю. Вотъ бида какъ хворость нападетъ: ну тогда Богъ подастъ. А витъ коли господь по душу пошлетъ, такъ и ницаго не надыть, кромѣ ямы, а ямъ-то вездѣ много.

Маша.

Доброй малой! шакъ шы доволенъ своимъ состояніемъ?

Федошка.

Я не знаю, боярышня, шшо шы баешь.

Маша.

Ты не шужишь о шомъ, чшо шы бѣденъ?

Федошка,

О цомъ шужишь? лишь бы бачкѣ Богъ далъ здоровья, а шо я и гадки не маю.—Шшо ищо шшо ли мнѣ погудишь?

Фединька.

Какъ вы думаеше? мнѣ кажешся довольно. Надобно ему дашь чшо нибудь. (*ищетъ у себя въ карманѣ денегъ*).

Лизанька.

Постой, мы всѣ сложимся. Вошъ мои пяшь копѣекъ.

Анюша.

Вошъ и мои.

Маша.

Вошъ, Фединька, два пяшикопѣишника. Ты своего не давай.

Фединька.

Нѣшъ, эшова удовольсшвія я не хочу у себя ошнящь. (*берешъ у всѣхъ деньги и отдаетъ ихъ Федоткѣ*).

Федошка.

Нишъ, ишова много! куда мнѣ сшолько!

шы, бояринъ, посулилъ мнѣ пяшь копѣекъ: съ меня и будишъ.

Фединька.

Возми, возми; мы шебѣ эшо охошно и съ радосшію даемъ. Возми, не ошговаривайся.

Федошка.

Ну коли шакъ, заплаши вамъ господи! (*къ Машѣ*) шы боярышня, хошѣла мнѣ клоцокъ бумашки пожаловашь.

Маша.

Ахъ! чушь было я не забыла. — (*вынимаетъ изъ комода бѣлый платокъ*): Вошъ шебѣ! онъ не множко шонокъ, однако можно въ него завернушь.

Федошка.

Нишъ, нишъ! куды мнѣ шакой дорогой плашъ? я ни смѣю взяшь.

Маша.

Возми не бось, возми! машушка позволила мнѣ ошдашь ево кому хочу.

Федошка.

Ну инъ помилуешъ шебя Богъ, боярышня, помилуешъ Богъ! (*идетъ къ окошку, взять крендель, и между тѣмъ кладетъ гудокъ свой на полъ*).

Маша.

Посшой, я пособлю шебѣ завернушь.

Федошка. (*печально.*)

Да шушошка ницаго нишъ!

Маша.

Какъ? что это? Николаша, Николаша, вѣрно ты.

Николаша. (*смутясь*)

Да, я задумавшись съѣлъ—я забылъ, что это ему отдано было.

Маша.

О какой несносной баловень! фуй, братецъ, какъ это можно.

Федошка.

Не бранись, прикрасная боярышня; ну какъ жо быть; мало ли цаго бываетъ; бида не велика.—Нитъ ли у васъ свижаго яицка, я бы бидному бачкѣ своему отнесъ.

Фединька. (*съ великою досадою.*)

А я дуракъ еще за него просилъ!—сестрица голубушка—дай мнѣ въ займы.—

Маша. (*вынимаетъ изъ кармана кошелекъ, что дѣлаютъ также Лизанька и Анюта.*)

Я тожъ самое думала. На тебѣ!

Лизанька.

На и мои.

Анюша.

На еще и мои—(*каждая по грошу кладетъ Фединькѣ въ руку, которой все отдаетъ Федоткѣ*).

Федошка.

Царь небесный! Царь небесный! О! это ужъ съ лихвой много!

Фединька. (*съ жалостнымъ сердцемъ протягивая ему руку.*)

Какъ бы я желалъ дать тебѣ нѣчто болѣе! но—я такой же сирота, и живу чужими благодѣяніями? — пятикопѣйшникъ свой я тебѣ отдалъ.

Федошка.

И! Творецъ мой милосердой!—и! бояринъ, доброй бояринъ! да на штожъ ты себя обижаешь? возми пятакъ свой назадъ.

Фединька.

Не печаль меня и—поди.

Федошка.

Господь пошли тобѣ! Богъ надѣли тобя и здоровьемъ и животомъ!

Николаша. (*подумавъ нѣсколько.*)

Постой, постой немножко! я пойду и принесу также ему что нибудь. (*сказавъ сіе бѣжитъ къ дверямъ, наступаетъ отъ неосторожности на гудокъ, лежащій на полу, и его раздавливаетъ*). О какая бѣда! (*уходитъ испугавшись*).

Федошка. (*оглянувшись на гудокъ свой.*)

Охти мнѣ, пропалъ я бидной! гудокъ мой! гудокъ мой! охъ што со мною поприщылось! (*дѣти изъявляютъ страхъ свой и печаль*); безталанный я! все мое житье бытье!—цымъ топерь стану я кормить бачку? вись изломался! вись въ кусоцки! што мнѣ ди-

лашь? ой! што мнѣ горюхи дилашь? (*плачетъ и рыдаетъ неутѣшно*).

Маша.

О какой безпушной шалунъ! — право — я не знаю — у меня ужъ ничего нѣтъ больше — развѣ — Фединька, брашецъ! —

Лизанька.

У меня есть еще два грошевика: на шебѣ!

Федошка, (*продолжая плакать.*)

Спасешъ Богъ, моя милосливая боярышня, хоша на ито гудка и не купишь. — О бидной бачка мой! — іонъ пяшнашцашь лишъ на ніомъ гудилъ. —

Анюша.

На — все что у меня есть! (*высыпаетъ изъ кошелька, но въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ денежекъ и полушекъ.*)

Маша. (*отошедъ къ мѣшечку, въ которомъ работа ея лежала.*)

Вошъ мой серебряной наперсшокъ. Поди бѣдной малой, продай его; я могу и мѣдной упошребишь.

Фединька.

Посшой, бѣдняжка! я хочу шакже шебѣ помочь. (*наклоняется выстегиваетъ у себя серебренныя пряжки и даетъ ему.*) У меня осшанушся еще шомпаковыя. — За эшо дадушъ шебѣ рубли два или шри. Покойница машушка мнѣ ихъ пожаловала. (*Маша по-*

даетъ ему наперстокъ, а Фединька пряжки, но онъ не принимаетъ).

Федошка.

Ника, ника, куды мнѣ съ эстимъ! я ни смѣю: ища бачка подумаетъ, што я ущащилъ гдѣ нибудь, отъ цаво боже упаси!

Маша.

На, я шебѣ говорю, на, возми мой наперсшокъ!

Фединька.

На, возми мои пряжки—или я разсержусь—на, возми!

Маша.

Ежели шы не возмешь, шо.—

Федошка.

Ну што мни правошко дилашь?—о владыко царь мой!—да вишь ишо, бояре, вамъ самимъ надышь, а вы мника ошдаеше?

Фединька.

Пожалуй не забошься: Богъ насъ за эшу малосшь щедро наградишъ. Тебѣ и ошцу швоему ѣсшь нечево; я благодаря Бога сышъ, и у меня нѣшъ ошца, кошораго бы кормишь надлежало.

Маша.

Поди, поди скорѣе къ ошцу своему.

Федошка.

Да возми хошь шы, боярышня, напирсщокъ свой назадъ.

Маша.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Лизанька.

Приходи когда нибудь къ намъ, мы тебѣ также что нибудь подаримъ.

Анюта.

Да, да, приходи; а мы живемъ подлѣ самаго мосту.

Федошка.

Заплати вамъ Господи, милосливые мои доброхоты!—Охъ!—только я ни знаю какъ быть—кабы гудишко мой цѣлъ былъ—не взялъ бы я, нитъ, не взялъ бы ни зашто.—

Фединька.

Перестань хлопотать! поди, бѣдняжка, поди, покуда батюшка не пришелъ.

Федошка.

Ваш бачка?—іонъ топерь сюда буде?

Маша.

Да, поди, поди!

Федошка. (*сквозь слезы.*)

Охъ!—охъ! што дилать, надыть взять!—ну да какъ іонъ васъ за што бранитъ станетъ?—ау право, то то добрые, то-то милосливые бояре!—(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Маша, Лизанька, Анюта, Фединька.

Лизанька.

Какъ мнѣ жаль вашихъ пряженъ!

Аннюта.

Мы у васъ перенимать станемъ.—

Фединька.

О нѣтъ! не у меня: я самъ это перенялъ у сестрицы.

Маша.

Ежелибъ я тебя не любила, братецъ, такъ бы я не достойна была имѣть у себя такова родственника. Ты своимъ примѣромъ сдѣлалъ меня гораздо лучшею, нежели я была до тѣхъ поръ, покудова ты не жилъ у насъ въ домѣ.

Фединька. (*зажимая ей рукою ротъ.*)

Эй Машинька! какъ тебѣ хочется меня стыдить?—однакожъ какъ намъ быть, сказать ли батюшкѣ о севоднишнихъ Николашиныхъ поступкахъ? онъ себя очень дурно велъ.

Маша.

Я право не знаю—мы ево опечалимъ—а! да вотъ и самъ онъ.—

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Прежніе; Златогоровъ, Федотка.

(*дѣти нѣсколько смущенно сбираются всѣ въ кучку; Маша и Фединька смотрятъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ на маленькаво Федотку.*)

Златогоровъ. (*къ двумъ гостьямъ.*)

Здравствуйте, мои дорогія! насилу вы къ моимъ дѣтямъ пріѣхали. Здоровъ ли вашъ батюшка и матушка?

Лизаньиа.

Слава Богу, сударь.

Анюта.

Они приказали вамъ кланяться.

Злашогоровъ.

Эшотъ мальчикъ на дорогѣ увязался за мною и нейдетъ отъ меня прочь. Я не знаю, чево ему хочется. (*кѣ Федоткѣ*) Ну говори, малюшка, что ты мнѣ шакое лепешалъ?

Федошка. (*кв Машѣ и Фединькѣ.*)

Не погнѣвись на меня, мой милосливой боярцинокъ, и ты, моя милосливая боярышня, ради Христа не погнѣвитесь! не могу я ишова гриха на душу принять, штобъ шайкомъ отъ вашева бачки што нибудь у васъ взять: я видаю, што дитя безъ спросу отца своего ницаво давать не можитъ.

Злашогоровъ.

Что шакое вы съ нимъ дѣлали?

Федошка.

Ницаво, цесной бояринъ, ницаво худова! все доброе! — итошъ боярцинокъ кликнулъ меня съ улицы, штобъ я на гудишкѣ своемъ посмыцалъ. Тутъ былъ другой боярцинокъ, не шакой доброй какъ итошъ. —

Злашогоровъ.

Онъ это про Николашу говоритъ?

Федошка.

Не погнѣвись, што я такъ баю: штожъ дилать, коли надыть сказать? я здика стою

и гужу знашъ шы какъ смышлю: милосливыя дишки швои, вошъ ишошъ боярцинокъ и боярышня, пожаловали мни колацика и плашъ во шшо завернушь, да надавали мни шакую куцу денегъ, шшо я и смешы не дамъ.

Злашогоровъ.

Ну?

Федошка.

Ну шушъ пришолъ другой боярцинокъ не шакой доброй какъ ишошъ и сълъ у меня калацъ, кошорой хошилъ было я снесшь къ моему хворому бачкѣ: и шо бы нишъ ницаво, да вишъ шы на биду гудишко мой лежалъ на полу, а іонъ расбижался, да насшупилъ на ево и раздавилъ въ кусоцки.

Злашогоровъ, (*къ Машѣ и Фединькѣ.*)

Правда ли эшо, дѣши? (*оба они поту-пляютъ глаза.*)

Федошка.

Іонъ не нарокомъ ишо сдилалъ: не сердись на ево.

Злашогоровъ.

Тебѣ за гудокъ швой заплашишъ, мой другъ, не шужи! все ли шы сказалъ?

Федошка.

Нишъ ища, бояринъ, выслухай меня—я шшою знашъ шы и горько плацу, какъ вошъ ишы дѣшки Твои—Господь Богъ помилуешъ ихъ—съ лихвой хошили вывесшь меня изъ изъяна.—Прикрасная ища боярышня ошдала мни

на свой серебрянной напирстокъ, а доброй итотъ боярцинокъ свои сиребряныя пряжки. Только я не хоцу взять ихъ, нитъ!—бачка мой подумаетъ ища, што я ихъ укралъ! я вслухался, што ты сюда идешъ, що и хотилъ тобѣ объ итомъ сказать: я видаю, што у робятъ своему быть нецаму, и безъ отца брать у нихъ не пригожо. Нитъ, владыко, меня отъ итова сохрани! хоша бы гудишко мой и пропалъ—охъ! мой гудокъ! охъ! биднои бачка!

Златогоровъ.

Боже мой—я не знаю—тебя ли мнѣ, или васъ, любезныя мои дѣти, обнять прежде?—но нѣтъ! тебя, безпорочная душа, тебя прежде!—подойди ближе, дай мнѣ прижать тебя къ моему сердцу!—въ совершенной бѣдности—въ крайней нищетѣ—и такъ честенъ! (*обнимаетъ его*).

Федотка.

Цаму дивитца, бояринъ? бачка мой цасто мнѣ баитъ „живи правдою, не завидуй цужому, и помни всегда эту прибабудку: тотъ не богатъ, уково много палатъ: а тотъ не убогъ, ково любитъ Богъ.“ Вотъ кабы ты кормилецъ мой смиловался, да купилъ мнѣ другой гудишко, такъ бы и вся бида прошла.—На, возми назадъ напирстокъ свой и пряжки!

Златогоровъ.

Знаешь ли что мальчикъ? останься съ нами: ты вотъ этому боярчинку (*указывая на Фединьку*) служить будешь, а тамъ посмотримъ.

Федотка.

Итому кормильцу? — ты въ забылъ баетъ? — о! я радъ умереть съ имъ! (*бѣжитъ съ великою радостію поцаловать руку у Фединьки, но вдругъ останавливается и говоритъ печально*), а ктожъ бидново бачку моево кормить станетъ? я буду здѣсь набивать брюхо, а іонъ одинъ голодной сидѣть будетъ? — нитъ это не дило!

Златогоровъ.

Предоброй малой! кто твой отецъ?

Федотка.

Хворинькой старицокъ; іонъ цуть живъ и ужъ не сможетъ бродить: я своимъ гудиткомъ хлибъ ему добываю, не въ доволь правда, ну да цаво иногда не добуду, такъ Богъ терпѣнье дастъ.

Златогоровъ.

Хорошо! я и отца твоего также пристрою; у меня не подалеку отсель въ деревнѣ выстроена для престарѣлыхъ и увѣчныхъ крестьянъ моихъ больница, гдѣ за ними смотрятъ и всякое попеченіе имѣютъ; я тамъ ему дамъ мѣстечко.

Федошка. (*съ радостнымъ крикомъ бѣгая въ чрезвычайномъ восторгѣ по горницѣ.*)

О царь мой небесный!—мать пресвятая Богородица!—бачка! бачка! я тебѣ радость принесу!—нитъ не смогу больше! сердцо у меня въ пазухѣ такъ и прыгаетъ!—пустите! побѣгу, побѣгу къ нему! — о сердешной мой бачка!—о—хъ! о!—(*уходитъ*).

Златогоровъ. (*утираетъ себѣ глаза и у дѣтей текутъ слезы по лицу.*)

О любезныя дѣти мои! какой для насъ щастливой день! вамъ благодаренъ я за эту радость. (*садится*). Подите ко мнѣ, дайте мнѣ себя обнять! (*всѣ брасаются къ нему и нѣсколько минутъ продолжается душеумилительное молчаніе*) Ты, Фединька, (*положа на щеку къ нему свою руку, которую сей съ великимъ жаромъ цалуетъ.*). Ты отнынѣ будь сынъ мой, истинный мой сынъ! ты достоинъ въ сердцѣ моемъ имѣть одинакое мѣсто съ другимъ моимъ сыномъ: попеченія мои о тебѣ не будутъ ни въ чемъ различны отъ попеченій моихъ о немъ. (*обнимаетъ Фединьку, которой охвативъ его руками безмолвенъ виситъ у него на шеи*).—О ежели бы Николаша мой таковъ былъ какъ ты!—да гдѣ этотъ шалунъ?

Маша.

Когда онъ по неосторожности наступилъ на гудокъ, то испугался и ушолъ отселѣ.

Лизанька.

Вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Прежніе; Николаша.

(*Николаша входитъ съ потупленными глазами, держа въ рукахъ кусокъ золотаго позументу: взглядываетъ изъ подлобья и видя другихъ дѣтей въ объятіяхъ отца своего, со стыдомъ останавливается*).

Златогоровъ.

Что ты нейдешь ко мнѣ, Николаша?

Николаша.

Не могу—батюшка!

Златогоровъ.

Для чего?

Николаша.

Я недостоинъ такой любви отъ васъ, какую вы имѣете къ другимъ вашимъ дѣтямъ.

Златогоровъ.

Сердце твое тебя въ томъ уличаетъ? (*Николаша плачетъ*) поди ко мнѣ! я знаю все, что ты сдѣлалъ.

Николаша.

Нѣтъ — ежели бы все знали — вы бы не стали говорить со мною такъ милостиво. Накажите меня, батюшка! я заслуживаю быть наказанъ.

Златогоровъ.

За что?

Николаша. (*сначала не можетъ отъ слезъ промолвить.*)

Я—во всемъ вамъ признаюсь. — Сперва вмѣсто того, чтобъ сидѣть за переводомъ, я скакалъ все по горницѣ, и затѣмъ урока своего не могъ доканчить.—Савинька былъ такъ добръ, что не желая отличить себя передомною, изодралъ для меня свой переводъ.

Златогоровъ. (*ласкаетъ Савиньку.*)

Предоброе дитя!

Николаша.

Потомъ выпросилъ онъ мнѣ у Ивана Карповича позволеніе остаться внизу, и отвѣчалъ за меня, что я конечно ничего худаго не сдѣлаю. — Но лишь только сошли мы внизъ, какъ я вспрыгнулъ на стулъ, упалъ съ него и уронилъ сестрицу на полъ.

Златогоровъ.

Этова я не слыхалъ!

Николаша.

Ахъ! это еще не все! послѣ того пролилъ я чашку чаю на Анютино платье, и между тѣмъ какъ другіе старались его вытирать, я о томъ ни мало не заботился, и выпилъ всѣ сливки изъ молошника.

Златогоровъ.

Вѣтреность и скорость твоя не допустили тебя разсудить, что это непристойно и дурно?

Николаша.

Да, башюшка сударь!—пошóмъ съѣлъ я крендель убѣднова мальчика, и когда побѣжалъ ошселѣ съ шѣмъ, чшобъ принесшь ему шакже что нибудь, шо насшупилъ на его гудокъ и раздавилъ.

Злашогоровъ.

Чшо же шы въ сердцѣ своемъ чувсшвуешь обо всемъ эшомъ здраво разсудя?

Николаша. (всхлипывая.)

А—ахъ!

Злашогоровъ.

Я увѣренъ, что шы все эшо сдѣлалъ не нарочно и безъ умыслу; однакожъ ошъ вѣшрености, ошъ промешчивосши, ошъ шого, что шы никогда о дѣлахъ своихъ не размышляешь. Разсуди сколько шы досадилъ другимъ! и какая бы могла произойши изъ шого бѣда, ежели бы швое щасшіе, или паче милость божеская шебя ошъ оной не избавили? себя самого и сесшру свою могъ шы убишь; бѣдной мальчикъ и ошецъ его хворый сшарикъ ошъ шебя лишились бы своего пропишанія: ошъ шебя! — подумай эшо, шы бы причиною былъ ихъ голода, можешъ бышь ихъ смерши—шы, мой сынъ!—Дѣшская рѣзвость и необузданность хошя не есшь насшоящій порокъ, однакожъ дурная, очень дурная привычка, ошъ кошорой часшо шакое-

же зло приключается, какъ и отъ самого порока. Ежели ты все таковъ будешь —

Николаша.

Нѣтъ, батюшка сударь, нѣтъ, я никогда таковъ не буду!

Златогоровъ.

Дай Богъ, чтобъ ты слово свое сдержалъ.— Да что это у тебя за позументъ въ рукахъ?

Николаша.

Я спорολъ ево съ моей старой шляпы, и хотѣлъ отдать этому мальчику. Я по всему дому искалъ васъ батюшка, чтобъ вамъ объ этомъ сказать, но не могъ найти; а другова у меня ничего не было.

Златогоровъ.

Ну это не вина.—Пойдемте, любезныя дѣти, къ матери вашей, и скажемъ ей какой севодни у васъ былъ праздникъ. Какъ я сожалѣю о тебѣ, Николаша, что сердце твое въ нашей радости не приметъ никакого участія!

ДѢВУШКА, ЛЮБИВШАЯ ТЮЛЬПАНЫ.

Одной осмилѣтней дѣвушкѣ нравилась чрезмѣрно въ саду отца ея гряда, усаженная тюльпанами.

Подобно пригожей бабочкѣ перелетывала она отъ одного цвѣтка къ другому и не могла довольно ими налюбоваться.

Между шѣмъ никогда не пеклась она о кореньяхъ сихъ цвѣшовъ.

Однажды пришла осенью въ садъ къ своему ошцу въ шо самое время, когда онъ всѣ шюльпаны велѣлъ поломашь и осушенныя луковицы снова посадишь въ землю.

Съ великимъ смущеніемъ и удивленіемъ смошрѣла она на рабошу ошца своего.

Напослѣдокъ жалкимъ голосомъ сказала ему:

Ахъ, башюшка! что вы эшо шакое сдѣлали?

За чѣмъ вы.... (*тутъ она прослезилась*), за чѣмъ вы всѣ прекрасныя шюльпàны поломали, и вмѣсшо ихъ насадили шакихъ негодныхъ луковицъ?

Ошецъ ошвѣчалъ ей, что она не знаешъ для чего эшо дѣлаешся, и хошѣлъ ей расшолковашь, что сіи луковицы сушь коренья, изъ кошорыхъ въ будущую весну новыя шюльпаны выросшушъ; однакожъ Аннушка (шакъ называлась сіе дишя) повшореніями жалобъ своихъ не дала ему ни слова выговоришь.

Ошецъ видя, что она въ сіе время не въ сосшояніи была его выслушашь, велѣлъ ей замолчашь и идши домой.

Послѣ шого, когда бывало зимою сшанушъ говоришь о цвѣшахъ, шо Аннушка всякой разъ вздохнешъ и сама про себя шихонько скажешъ; куда жаль, что башюшка при-

казалъ испоршишь шакую прекрасную гряду съ шюльпанами!

Пришла весна, выросли шюльпаны.

Аннушка не была еще въ саду; совѣшуюшъ ей шуда идши.

Долго не соглашалась она и говорила, чшо она съ шѣхъ поръ, какъ поломали шюльпаны, не находишъ въ саду никакова удовольсшвія.

Напослѣдокъ однакожъ пошла.

Какъ велико было ея удивленіе и радосшь, когда глазамъ ея вдругъ сшолько пушисшыхъ шюльпановъ предсшавилось!

Сперва въ радосшномъ смущеніи сшояла она неподвижно, пошомъ бросилась въ объяшія къ своему ошцу и благодарила его, чшо онъ велѣлъ вырышь луковицы и насадишь опяшь шюльпановъ.

Ошецъ увѣрялъ ее, чшо эшова не было, но чшо шюльпаны выросли изъ шѣхъ самыхъ луковицъ, кошорыя она въ прошлую осень видѣла какъ ихъ садили.

Эшова она не могла поняшь, покуда ошецъ не показалъ ей шого выдернувъ изъ земли одинъ шюльпанъ и съ луковицею.

Тогда Аннушка усшыдясь сшала у него просишь прощенія въ шомъ, чшо прошлую осень шакъ безразсудно жаловалась на его посшупки.

„Я шебѣ эшо охошно прощаю, душа моя,

„сказалъ отецъ, видя, что ты теперь узна-
„ла, какъ легко могутъ ошибаться дѣти,
„когда они пересуждаютъ поступки возму-
„жалыхъ людей.

„Я надѣюсь, что сіе приключеніе сдѣ-
„лаетъ тебя такъ осторожною, что ты
„впредь скорѣе въ собственномъ мнѣніи сво-
„емъ усумнишься, нежели станешъ хулить
„дѣла такихъ людей, которые и старѣе
„тебя и искуснѣе.

Такъ, батюшка сударь, отвѣчала Аннуш-
ка, я впредь конечно такъ поступать буду,
и ежели когда покушусь счесть себя разум-
нѣе другихъ, то тотчасъ вспомню о тюль-
панахъ.

Отецъ по просьбѣ ея принужденъ былъ
сдѣлать ей вѣеръ, на которомъ съ одной
стороны нарисованы были разбросанныя
тюльпанныя луковицы, а съ другой прекрас-
ной пукетъ изъ тюльпановъ.

Даже предостерегаетъ она разговоры
маленькой своей подружки, (съ симъ доб-
рымъ намѣреніемъ, чтобъ то ей также къ
исправленію служило), и когда та начнетъ
о чемъ нибудь разсуждать скоро и не по-
думавши, то она тотчасъ покажетъ вѣеръ
и пошепчетъ ей дружески на ушко: сестри-
ца голубушка, а тюльпаны!

НИКОЛАШИНА ПОХВАЛА ЗИМНИМЪ УТѢХАМЪ.

Хошь весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько,
Но и въ стужѣ
Мнѣ не хуже:
Въ зимній холодъ
Всякой молодъ,
Всѣ игривы,
Всѣ шутливы:
Въ долгу ночку
Къ огоні́очку
Всѣ сберутся,
Стары, малы,
Точатъ балы
И смѣются..
А какъ матки
Придутъ святки,
Тутъ-то грохотъ,
Игры, хохотъ;
О какіе
Тутъ дурные
На игрищи
Есть личищи!
А плутишкамъ
Ребятишкамъ
Тамъ и нравно

Гдѣ забавно,
Гдѣ пирушки,
Гдѣ игрушки,
И гдѣ смѣхи,
Скачки, пляски,
Пѣсни, сказки,
Всѣ утѣхи.
А снѣжки-то?
Комъ свернися!
А коньки-то?
Стань, катися!
А салазки? —
Эй ребята!
По подвязки
Нада съ брата:
Привяжите:
Ну! везите:
Ѣдемъ въ Питеръ.
Я пусть кучеръ,
Вы лошадки
Рѣзвоноги —
Прочь съ дороги!
Держи право!
Ай ребятки!
Ну ужъ браво!
Накатались,
Наигрались,
Вплоть до ночки;
Не видали
Какъ часочки

Пролетали.
Тольколь дѣла
Что катайся?
Чѣмъ изволишь
Забавляйся:
Отъ ученья
За веселье,
Отъ веселья
За ученье.
Всяко время,
Мнѣ не бремя,
И зимою
Какъ весною,
Слава Богу,
Не скучаю,
Но вкушаю
Радость многу.

СОФЬЮШКА И МАТЬ ЕЯ.

Мать.

Для чего Аннушка пошла отъ тебя съ езами прочь, а ты сидишь одна и такъ смурно?—что ты мнѣ не отвѣчаешь?

Софьюшка.

Ахъ! матушка, сударыня—

Мать.

Что такое? ты запинаешься? это не брой знакъ.

Софьюшка.

Ей хотѣлось моей куклы —

Машь.

Ну!

Софьюшка.

А я не дала ей.

Машь.

Не дала? да развѣ куклы съ тобою здѣсь не было?

Софьюшка.

Была.

Машь.

Или тебѣ самой играть хотѣлось?

Софьюшка.

Нѣтъ.

Машь.

Такъ развѣ Аннушка неосторожно поступаетъ съ куклами и ломаетъ ихъ?

Софьюшка.

Нѣтъ, я у нее недавно изломала куклу.

Машь.

Какаяжъ была причина, что ты не дала ей своей куклы?

Софьюшка.

Такъ—мнѣ не хотѣлось.

Машь.

Тебѣ не хотѣлось сдѣлать сестрѣ своей удовольствія? этова я отъ тебя никогда не ожидала.

(Софьюшка плачетъ.)

Машь.

Не плачь; слезами не поможешь. Скажи мнѣ лучше, какъ это было. Сперва прозьба ея тебѣ не понравилась, и ты хотѣла, чтобъ кукла твоя была при тебѣ; такъ ли?

Софьюшка.

Такъ, матушка.

Машь.

Ты не разсудила, что ты отказомъ своимъ сдѣлаешь сестрѣ неудовольствіе, такъ ли?

(Софьюшка плача.)

Такъ сударыня.

Машь.

Но ты видишь, что случается съ тѣми, которые не хотятъ другимъ дѣлать удовольствія. Она пошла отъ тебя и заплакала—ты осталась одна—веселоль тебѣ было?

(Софьюшка плача.)

Нѣтъ, матушка.

Машь.

Отъ чевожъ невесело? отъ тово ли, что ты сдѣлала хорошо; или отъ тово, что худо?

(Софьюшка плача.)

Отъ тово, что худо.

Машь.

Конечно такъ: хорошо сдѣлавши не льзя быть печальну, а худо сдѣлавши не льзя быть

*

веселу. Давъ ей свою куклу ты бы сдѣлала ей удовольствіе; такъ ли по твоему ?

Софьюшка.

Такъ сударыня,

Мать.

Помнишь какъ она радовалась вчера, когда ты уступила ей свои карты ?

Софьюшка.

Помню, сударыня.

Мать.

Вить и тебѣ самой весело тогда было на нее смотрѣть ?

Софьюшка.

Весело.

Мать.

А теперь весело ли тебѣ сидѣть здѣсь одной ?

Софьюшка.

Ахъ, нѣтъ сударыня.

Мать.

Ну такъ ты видишь, что всевозможнымъ образомъ должно стараться всякому дѣлать угожденіе. Помни впередъ, что когда тебя о чемъ просятъ, а ты могши то сдѣлать и не сдѣлаешь, такъ лишишься собственнаго своего удовольствія. Когда бы ты сестру свою утѣшила, то не сидѣла бы теперь потупя носъ одна въ углу.

УСЛУГИ СНИСКИВАЮТЪ ЛЮБОВЬ.

Услужливой Федюша пошелъ съ сосѣдомъ своимъ Васею искать цвѣтовъ. Оба они на дорогу съ собой взяли по пирожку.

Въ полѣ встрѣтилась съ ними бѣдная женщина, а за нею бѣжалъ мальчишко и плакалъ.

Ахъ, милое дитятко, сказала она Васѣ, пожалуй мальчишкѣ моему кусочикъ пирожка; онъ ужъ цѣлыя сутки ничего не ѣлъ.

Мнѣ самому ѣсть хочется, отвѣчалъ Вася, и отвернулся отъ нее.

Но что сдѣлалъ Федюша?.... Онъ хотя самъ былъ голоденъ, однакожъ видя мальчишку въ слезахъ отдалъ ему весь свой пирожокъ. Мальчишко самъ себя отъ радости не помнилъ, и мать стала за Федюшу Богу молить.

Потомъ мальчишко побѣжалъ и показалъ ему одно мѣсто, гдѣ много было цвѣтовъ. Федюша рвалъ, а мальчишко ему помогалъ.

И такъ Федюша возвратился домой съ большею вязью цвѣтовъ, а Вася съ маленькою.

На другое утро пошли они за тѣмъ же самымъ, и съ ними былъ еще третій мальчикъ, Митюша.

Какъ они отошли нѣсколько, то Митюша сказалъ: братцы! я потерялъ пряжку, пособите мнѣ ее сыскать.

Мнѣ недосугъ, отвѣчалъ Вася, и побѣжалъ далѣе. Федюша, воротился назадъ и сталъ съ Мишюшею искать пряжки.

Они скоро ее нашли, и потомъ также побѣжали за цвѣтками.

Мишюша сколько ихъ ни нашелъ, подарилъ всѣ тому, кто пособилъ ему сыскать пряжку, а другому ничего не далъ.

Такимъ образомъ и въ этотъ день Федюшѣ больше досталось цвѣтовъ, нежели Васѣ; отъ того шелъ онъ веселъ домой, а тотъ пасмурно.

На третій день пошли они тудаже искать цвѣтовъ, но на дорогѣ встрѣтился съ ними тотъ мальчишко, которому Федюша отдалъ свой пирожокъ, и у него было много пригожинькихъ цвѣтковъ, которые всѣ подарилъ онъ Федюшѣ; ибо онъ нарочно для него ходилъ ихъ искать.

Вася хотѣлъ было также нарвать себѣ нѣсколько цвѣтковъ, но не нашелъ ни одного. потому что мальчишко уже всѣ ихъ сорвалъ.

И такъ у Васи въ этотъ день не было ни одного цвѣтка.

А какъ они возвращались домой, то встрѣтился съ ними маленькой Мишюша.

,,Любезный дружокъ! сказалъ онъ Фединь-,,кѣ, съ тѣхъ поръ, какъ ты помогъ мнѣ сыс-,,кать мою пряжку, я такъ тебя полюбилъ, ,,что желалъ бы всегда съ тобою быть вмѣстѣ.

,,Пойдемъ пожалуйста къ намъ, у насъ ,,въ саду севодня будетъ много ребятишекъ ,,и мы станемъ играть.

,,И батюшка мой тебя очень полюбилъ! ,,онъ велѣлъ мнѣ тебя позвать; онъ самъ ,,хочетъ севодня съ нами играть, и много ,,новыхъ игоръ намъ покажетъ.

Фединька съ радостію побѣжалъ къ нему въ садъ; а Вася..... принужденъ былъ съ скукою остаться одинъ, потому что ево туда не звали.

Тутъ узналъ онъ, какъ хорошо быть ласковымъ и услужливымъ противъ каждаго! Онъ сталъ таковъ, и съ того времени также какъ и Фединька сдѣлался всѣми любимъ.

ШУТЪ И ИЗВОЩИКЪ.

Шутъ однажды шелъ черезъ поле.

На пути встрѣтился съ нимъ извощикъ, которой по весьма каменистой и негладкой дорогѣ лошадей своихъ такъ гналъ, что они принуждены были бѣжать во всю прыть.

Могу ли я, спросилъ онъ у шута проѣзжая мимо его, севодня къ вечеру поспѣть въ городъ?

Шутъ отвѣчалъ: ежели ты тише поѣдешь.

Этотъ человѣкъ конечно не въ своемъ

умѣ, подумалъ извощикъ, и погналъ лошадей еще болѣе.

Къ вечеру шушъ возвращаяся по шойже дорогѣ назадъ, нашелъ эшова извощика опять почти на шомъ же мѣсшѣ и въ великихъ хлопошахъ.

Ошъ шого, чшо онъ по каменью гналъ, изломалось у него колесо.

И шакъ онъ принужденъ былъ съ коляскою осшашься на одномъ мѣсшѣ и шушъ ночевалъ.

Не говорилъ ли я шебѣ, сказалъ шушъ, чшо надобно ѣхашь шише, ежели хочешь поспѣшь въ городъ?—

Эшошъ же шушъ имѣлъ чудную привычку смѣяшься, когда идешъ на гору, и плакашь, когда съ горы на другую сшорону спускаешся.

Для чего бы онъ это дѣлалъ?

Когда я на гору всхожу, сказывалъ онъ, що помышляю о пріяшной долинѣ, въ кошорую съ другой сшороны горы спускашься буду, и заранѣе шѣмъ увеселяюсь.

А когда на низъ схожу, що думаю, чшо, скоро другая гора на пуши мнѣ всшрѣшишся, и напередъ предсшавляю себѣ шрудъ, кошорой буду я имѣшь всходя на онуго. Не худо было бы, примолвливалъ онъ къ шому всегда, есшьлибъ всѣ люди во время щасшія и нещасшія своей жизни шожъ дѣлали:

іеньше бы они въ щастіи были горды, а
іъ нещастіи малодушны.

~~~~~~~~~~

ВЕСНА.

Полно, полно пряташь носъ:
Теплый дышетъ вѣтерокъ,
Минулъ холодъ и морозъ,
Распускаешся листокъ:

Таюшъ снѣги на горахъ,
Рѣчки быстрыя шекушъ,
Травки и цвѣшки въ лугахъ
Зеленѣяся растушъ.

Вьется ласточка кругомъ,
И, какъ въ морѣ корабли,
Долгимъ шянутся гужомъ
Длинноноги журавли.

Слышенъ птичекъ звонкій гласъ,
Веселится взоръ и грудь:
Всякой день и всякой часъ
Вновь увидишь что нибудь.

Тамъ раскинулся пучокъ,
Тамъ соловушка запѣлъ,
Тамь явился червячокъ,
Тамъ листочикъ зашумѣлъ.
~~~~~~~~~~

Изъ простой травинки тамъ
Незабудка стала вдругъ,
Зелень зрится по кустамъ,
Испещренъ цвѣтами лугъ.

Затрубилъ пастухъ въ рожокъ,
Заблеялъ барашикъ мой,
Скачетъ прямо на лужокъ:
Ахъ какъ весело весной!

МОЛОДОЙ БЫКЪ ЛГУНЪ.

Одинъ молодой быкъ имѣлъ дурную привычку всегда лгать.

Когда онъ съ большими быками на пастьвѣ былъ, то находилъ глупое удовольствіе въ томъ, чтобъ ихъ пугать и надъ ними смѣяться.

Онъ прятался иногда за кусты и вылъ по волчьи.

Старые быки услышавъ вой прибѣгали тотчасъ туда, чтобъ не допустить волка поймать котораго нибудь изъ молодыхъ быковъ.

Однако на томъ мѣстѣ, гдѣ слышанъ былъ вой, ни ково они не находили, кромѣ этова молодова быка лгуна, которой всегда въ сіе время притворялся, будто онъ спитъ.

Они скоро примѣтили, что это онъ

проказничаетъ, и не стали ему съ тѣхъ поръ ни въ чемъ вѣрить.

Въ одинъ вечеръ этотъ молодой быкъ лгунъ, поудалившись нѣсколько отъ нихъ, нечаяно увидѣлъ настоящаго волка, который изъ за-кустовъ выскочилъ.

Онъ не могши отъ него ни уйти, ни обороняться, поднялъ ужасное рычанье.

Му! му! му! рычалъ онъ; то есть помогите, помогите, волкъ!

Однакожъ изъ старыхъ быковъ ни одинъ не разсудилъ за благо къ нему бѣжать, думая, что онъ ихъ опять обманываетъ.

Тогда голодной волкъ напалъ на него, ухватилъ за горло и началъ его жрать.

Ахъ! умирая сказалъ онъ со вздохомъ, какъ худо бываетъ тѣмъ, которые обманываютъ другихъ!

ФЕДЮША,

которой хочетъ быть Княземъ.

Федюша говорилъ всегда: я хочу быть Княземъ.

Для чего? спрашивалъ у него отецъ.

Тогда всѣ люди станутъ мнѣ давать деньги, отвѣтствовалъ онъ, и должны будутъ исполнять мою волю.

Въ одно время идучи по улицѣ случилось Федюшѣ увидѣть, что двухъ разбойниковъ вѣшаютъ. Сіи нещастные привели его въ жалость, и онъ спросилъ у своего дядьки:

За что ихъ умерщвляютъ? гдѣ Князь? и для чего онъ сіе терпитъ?

Сказали ему, что доброй Князь не только сіе терпѣть, но и повелѣвать долженъ.

Для чего это? спросилъ Федюша.

Для того, отвѣчалъ ему, что подданные его не будутъ безопасны отъ разбойниковъ, ежели сихъ не станутъ наказывать.

Онъ это понялъ.

Послѣ сего не слышно было, чтобъ онъ когда нибудь пожелалъ быть Княземъ; а говорилъ всегда, что онъ купцомъ быть хочетъ.

Для чегожъ не Княземъ? спросилъ у него отецъ.

Нѣтъ, отвѣчалъ Федюша, неравно опять придутъ разбойники, и мнѣ надобно будетъ приказать ихъ повѣсить, этова я не могу!

Такъ, моя душинька! сказалъ отецъ, чѣмъ выше степень, тѣмъ труднѣе должности.

Кто благоразуменъ, тотъ дѣлаетъ какъ ты теперь; не тщится быть большимъ человѣкомъ, для того, что съ великими достоинствами сопряжены всегда великіе труды и попеченія.

Сему научиться можно изъ басенки: Оселъ и Верблюдъ. (см. выше, стран. 79).

ХУДЫЯ СЛѢДСТВІЯ НЕОПРЯТНОСТИ.

Тимоша былъ изрядной мальчикъ; учился прилѣжно и слушался своихъ родишелей.

Да шолько имѣлъ шощъ одинъ за собой порокъ, что небережливъ былъ на плашье и ходилъ всегда неопряшно.

Иногда у него руки грязны, иногда ногши не осшрижены, иногда лице замарано, иногда рубашка чорная, иногда чулки опусшились, иногда кафшанъ засусленъ либо изодранъ.

Самыя прекрасныя вещицы, кошорыми ошецъ и машь его дарили, въ рукахъ его не долго были прекрасны: онъ ихъ либо запачкаешъ, либо изломаешъ, либо пошеряешъ.

Хошя ему и очень чувсшвишельно было слышашь, когда бывало его за що осуждали, шакъ что онъ нерѣдко ошъ шого плакалъ, однако шакую уже сдѣлалъ къ сей лѣносши и нераденію привычку, что всегда въ шошъ же порокъ опяшь впадалъ.

Въ одинъ день бѣгалъ онъ съ брашцами и сесшрицами своими по саду и пошерялъ пряжку.

Лѣнь ему было подумашь хорошенько, не вспомнишъ ли гдѣ это случилось, и пойши шуда поискашь; а между шѣмъ безъ пряжки бѣгашь неловко, башмакъ сваливаешся.

И шакъ сшалъ онъ просишь пряжекъ у

брашца своего Николаши, которой былъ въ сапогахъ.

Услужливой Николаша позволилъ ему взяшь свои пряжки, и сказалъ гдѣ онѣ лежашъ.

Тимоша побѣжалъ скорѣе домой, схвашилъ Николашины пряжки, засшегнулъ ихъ кое какъ на скорую руку, спѣша обрашно въ садъ, и черезъ часъ мѣсша и шѣ опяшь пошерялъ.

Какъ бышь? гдѣ взяшь пряжки? на другой день ошецъ его узналъ объ эшомъ и сказалъ ему: ну Тимоша! я шебѣ много разъ говорилъ, не будь шакой рохля.

Вошъ шы не шолько свои, да и брашнины пряжки пошерялъ. Когда шы вещей своихъ беречь не хочешь, шакъ будь безъ нихъ. Безъ пряжекъ выходишь не льзя: и шакъ сиди дома.

Тимоша заплакалъ.

Другъ мой, сказалъ ошецъ, самъ шы слезъ своихъ причиною. Мнѣ очень жаль шебя, да нечего дѣлашь: купишь шебѣ пряжки, эшо бы было пріучашь шебя къ шому пороку, за кошорой я давно уже шебя осуждаю, и ошъ кошораго, ежели бы шебя кшо ошъучишь могъ, я бы шому шысячу пряжекъ дашь не пожалѣлъ.

Башюшка сударь, сказалъ въ слезахъ Тимоша, я знаю, что я виновашъ, очень виновашъ, и буду конечно сшарашься исправишь

себя; но коли вы не простите меня, и не пожалуете мнѣ пряжекъ, такъ я цѣлое лѣто долженъ буду не выходить изъ горницы.

Я тебя охотно прощаю, сказалъ отецъ, да только не могу тебѣ помочь. Ты самъ на себя навлекъ эту великую бѣду, то и долженъ самъ себя отъ ней избавлять.

Ахъ, батюшка сударь! да какъ могу я это сдѣлать?

Я радъ вмѣстѣ съ тобою думать о способѣ, сказалъ отецъ. Мнѣ помнится—да! врядъ можно ли найти лучше этова способа, мнѣ помнится, мать твоя выучила тебя вязать снурки: ежели ты ихъ столько навяжешь, что продавъ можешь за эти деньги купить себѣ пряжки, тогда надѣнешь ихъ и свободенъ будешь выходить изъ дому.

Какъ ни тяжко было для Тимоши сидѣть дома и вязать снурки въ то время, когда другія дѣти гуляютъ, и хотя этова не могъ онъ сдѣлать скоро, однакожъ радъ былъ, что покрайней мѣрѣ имѣетъ надежду когда нибудь побывать опять въ саду.

Онъ трудился весьма прилѣжно надъ снурками, и не одинъ разъ далъ себѣ вѣрное слово впредь быть осторожнѣе и опрятнѣе.

И дѣйствительно нѣсколько времени послѣ того былъ таковъ; но пряжки были уже куплены, горе прошло, старая привычка беретъ всегда силу надъ тѣми людьми, ко-

шорые ей хошь чушь усшупающъ, забывая сколько ошъ ней посшрадали; Тимоша рѣдко приводилъ себѣ эшо на памяшь, и шакъ опусшился опяшь по прежнему.

Между шѣмъ башюшка его, машушка, брашцы, сесшрицы, и еще два сосѣда ихъ съ своими семьями, собирались ѣхашь къ одному пріяшелю своему, кошорой жилъ ошъ нихъ версшахъ въ пяшидесяши.

Давно уже сговаривались они ѣхашь къ нему въ госши, но все какъ-шо не удавалось. Поѣздка эша обѣщевала много пріяшносши и веселія, а особливо для дѣшей.

Во первыхъ эшо было въ самую лучшую лѣшнюю пору, когда уже многія ягоды поспѣли; во вшорыхъ для лучшаго удовольсшвія положено было ѣхашь рѣкою на большемъ суднѣ; въ шрешьихъ дѣшей было шакое множесшво вмѣсшѣ и всѣ между собою дружны; наконецъ въ чешвершыхъ господинъ эшошъ, къ кошорому ѣхали, былъ человѣкъ шакже семьенисшой, жилъ на прекрасномъ мѣсшѣ и имѣлъ у себя большой садъ, гдѣ было множесшво всякаго рода ягодъ, и сверхъ шого еще пруды, качели, бесѣдки, рощицы и разныя увеселишельныя мѣсшечки.

И шакъ для дѣшей эшо былъ большой праздникъ: онѣ очень обрадовались, какъ услышали, чшо день къ ошъѣзду уже назначенъ.

А больше всѣхъ радовался Тимоша, которой друженъ былъ съ дѣтьми этова господина, и которому очень хотѣлось туда ѣхать.

День насталъ, всѣ собрались; пришли сказать, что судно у берегу стоитъ готово: послали за дѣтьми, они всѣ прибѣжали прыгая отъ радости, въ томъ числѣ и Тимоша.

Но какое нещастіе! всѣ дѣти одѣты были порядочно, кромѣ Тимоши, у котораго камзолъ былъ залитъ чернилами, чулки съ дирами, шляпа вся въ салѣ, кафтанъ измаранъ, продранъ и пуговицы на немъ многія оторвались, а другія чуть висѣли.

Отецъ и мать увидя его покраснѣли отъ стыда. Отецъ взялъ его за руку, подвелъ къ большому зеркалу и сказалъ: посмотри на себя, Тимоша, похожъ ли ты на господскаго сына? не всякой ли, взглянувъ на тебя, подумаетъ, что ты поваровъ сынъ, и что должность твоя чистить на кухнѣ кострюли?

Надобно о тебѣ всякому сказывать, что ты сынъ мой: безъ того не повѣрятъ; да притомъ еще и то къ стыду моему долженъ я воображать, что всякой обо мнѣ подумаетъ: вотъ какой отецъ! какъ худо смотритъ онъ за своими дѣтьми!

Жаль мнѣ тебя, но съ собою взять нельзя: ты долженъ остаться дома.

Можно себѣ представить, каково было Тимошѣ услышать сіи слова: онъ весь поблѣднѣлъ, и минуту спустя залился горькими слезами.

Всѣ надъ нимъ сжалились; отецъ, сколь ни считалъ нужнымъ и полезнымъ для него такое наказаніе, однакожъ, видя жестокую печаль его и раскаяніе, хотѣлъ перемѣнить свое слово и взять его съ собою, дождавшись покуда онъ переодѣнется.

Но по нещастію хотя и можно было перемѣнить чулки, однако шляпа такъ была замарана, что трудно было ее вычистить; да притомъ хотя и было у него два кафтана, но другой отданъ былъ портному, которой не успѣлъ еще починить его, для того что онъ также очень былъ засусленъ и изодранъ.

И такъ ни какимъ образомъ не льзя было Тимошу взять съ собою.

Всѣ поѣхали, а онъ одинъ остался дома.

Трудно изобразить скуку его и горесть, какую чувствовалъ онъ во все то время, покуда поѣздка эта продолжалась: какъ ни прекрасна была погода, онъ ни разу не вышелъ изъ горницы, и даже не подходилъ къ окошку.

Печаль его долго и тогда не прошла, когда уже всѣ вазвратились, для того что дѣти безпрестанно между собою разгова-

ривали и воспоминали тѣ веселости, которыя онѣ тамъ имѣли, и всегда твердили: ахъ! какъ жаль, Тимоша, что тебя съ нами не было: что это за садъ! что за веселіе!

Случай этотъ и долговременная печаль Тимошина послужили однакожъ ему въ пользу. Испытавъ худыя слѣдствія неопрятности, онъ принялъ твердое намѣреніе всегда себя осматривать, и мало по малу такъ пріучился къ чистотѣ, что уже никому въ томъ не уступалъ.

Сперва ему нѣсколько трудно было къ тому привыкать; онъ часто забывался, однакожъ вскорѣ приводилъ себѣ на память какъ скучное вязаніе снурковъ, такъ и пріятную для другихъ, а не для него, поѣздку въ гости; и чтобъ чаще напоминать себѣ о томъ, то вытвердилъ онъ слѣдующую пѣсню, которую бывало всегда пѣвалъ.

Дѣти, дѣти! неотмѣнно
Должно чисту быть всегда;
И каменье драгоцѣнно,
Естьли пылію покрыто,
Естьли грязи въ немъ набито,
Не годится никуда.

Чистота имѣетъ свойство
Въ насъ раждать веселый нравъ;
Легкость, здравіе, проворство,

Ловкость, вѣжливость вселяетъ;
Вялость, грубость отнимаетъ,
Тьму приноситъ намъ забавъ.

На источникъ вы взгляните
И съ болотною водой
Воду чистую сравните:
Та подъ тиной въ ямѣ плачетъ,
А сія бѣлѣясь скачетъ
По каменьямъ съ быстриной.

МОЖНО ИСПРАВИТЬСЯ, КОГДА ТВЕРДО ТОГО ЗАХОЧЕШЬ.

Вамъ, дѣти, впадшія, по нещастію въ какую либо худую привычку, вамъ во утѣшеніе скажу я нѣчто, изъ чего бы вы увидѣли, что всякой порокъ исправить можно, когда только твердо того захочешь.

Маша, премилая дѣвочка, до шести лѣтъ возраста своего была утѣхою своихъ родителей.

Потомъ, не знаю какимъ образомъ, заняла она негодныя повадки, приличныя только тѣмъ собакамъ, которыхъ называемъ мы злыми и сердитыми.

Когда бывало услышитъ она, что ее за дурныя поступки не хвалятъ, то всегда надувала губы. А когда кто нибудь возметъ

нѣчто изъ ея вещей, то она бросалась на того съ такою злостiю, что рада была его укусить.

Естьли прикажутъ ей сдѣлать, чего она не хочетъ, или откажутъ въ томъ, чево ей хочется; то она или заворчитъ нахмурившись, или идучи съ сердцемъ изъ горницы хлопнетъ изо всей силы дверью.

Съ тѣхъ поръ отцу своему и матери наводила она великую печаль, и не было ни одного человѣка въ домѣ, которой бы ее любилъ.

Хотя часто приходила она въ раскаянiе, и сдѣлавши худо иногда горько о томъ плакала, однакожъ впередъ отъ того не воздерживалась.

Въ одинъ вечеръ (это было въ святки) вбѣжала она за матерью, которая въ покрытой корзинкѣ принесла нѣчто, въ другую комнату.

Мать не хотя, чтобъ она тутъ была, велѣла ей выттти вонъ: тутъ-то насупилась она и хлопнула дверью такъ сильно, что окна задрожали.

Спустя полчаса мать кликнула ее къ себѣ. Какъ удивилась она, когда вошедъ увидѣла, что вся комната освѣщена была, а по срединѣ стоялъ покрытой столъ и на немъ множество разныхъ игрушекъ лежало! Она не могла выговорить ни слова.

Подойди ближе, Маша! сказала машь, и прочишай вошъ эшу бумажку, для ково все эшо сдѣлано.

Маша подошла и развернувъ бумажку, кошорая поверьхъ игрушекъ лежала, нашла въ ней сіи слова: *тихому дитяти въ награжденіе за его послушаніе.* — Она шошчасъ попшупила глаза и не сказала ни слова.

Ну, Маша! спросила машь, для ковожъ эшо?—Не для меня, ошвѣчала Маша, и слезы навернулись у нее на глазахъ.

Вошъ здѣсь другая бумажка, сказала машь, посмошримъ, шушъ не о шебѣ ли сказано.

Маша прочишала: *упрямому и непослушному дитяти, которое признается въ своемъ порокѣ и захочетъ исправиться*—Эшо я, эшо я! вскричала она и бросилась съ горькими слезами къ машери своей на шею. Машь ея шакже заплакала и ошъ печали, чшо видѣла дочь свою въ худомъ поведеніи, и ошъ радосши, чшо привела ее къ раскаянію.

Ну шакъ возьми ихъ себѣ, когда они швои, сказала она помолчавъ нѣсколько, и дай Богъ, чшобъ шы сдержала швое шеперешнее обѣщаніе.

Нѣшъ машушка, ошвѣчала Маша, я не хочу ихъ прежде взяшь, покудова не буду шакова, какъ въ бумажкѣ написано. Возьмише

вы ихъ къ себѣ, и тогда мнѣ пожалуйте, когда я подлинно таковою сдѣлаюсь.

Сей отвѣтъ весьма обрадовалъ мать; она убрала всѣ игрушки въ сундучокъ, и отдавая отъ него дочери ключъ, сказала: на, Машинька, держи ево у себя, и когда ты сама въ себѣ почувствуешь, что ты ничево худова не дѣлаешь, то бери себѣ игрушекъ сколько хочешь.

Шесть недѣль прошло, какъ Маша ни одново проступка не сдѣлала, и вела себя весьма порядочно.

Послѣ того въ одинъ день приласкалась она къ матери и печальнымъ голосомъ у нее спросила, можетъ ли она теперь взять нѣсколько игрушекъ.—Возьми, душа моя! сказала мать съ умиленіемъ и поцѣловала ее. Но скажи мнѣ, какимъ образомъ отстала ты отъ своихъ дурныхъ привычекъ?

Я всегда ихъ имѣла въ памяти, отвѣчала Маша, и всякое утро и вечеръ молилась Богу, чтобъ онъ помогъ мнѣ отъ нихъ отстать. Такимъ образомъ въ короткое время они мнѣ омерзѣли.

Мать пролила радостныя слезы, Маша получила назначенныя ей игрушки, и всѣ въ домѣ стали ее любить.

И такъ твердое намѣреніе и молитва могутъ и дѣтей избавлять отъ пороковъ.

Мать расказывала однажды сію щаст-

ливую перемѣну при нѣкоторой дѣвушкѣ, которая такимъже подвержена была порокамъ.

Она такъ этимъ была тронута, что вознамѣрилась тотчасъ послѣдовать Машинькину примѣру, чтобъ столько же какъ она сдѣлаться любви достойною.

И сіе ей также удалось.—И такъ Маша не только сама исправилась и стала щастлива, но сдѣлала то, что и другія дѣти глядя на нее исправлялися.

Какоежъ дитя захочетъ самого себя и другихъ лишить себя радости?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСЕНКА

которую поетъ мать качая маленькую свою дочку.

Спи малютка почивай,
Глаcъ своихъ не открывай,
Во младенчествѣ своемъ
Ты не знаешь ни о чемъ:
Ни зелены что луга,
Ни песчаны что брега,
Ни что птички на кустахъ,
Ни что солнце въ небесахъ.

Время нынѣ почивать;
А какъ станешь выростать

Мы пойдемъ среди луговъ,
Мы нарвемъ себѣ цвѣтовъ;
И въ пріятный лѣтній часъ,
Слыша птичекъ нѣжный гласъ,
Я къ груди тебя прижму,
Сладко, сладко воздохну.

На зеленомъ тамъ лужку,
На песчаномъ бережку:
Иль съ крутыхъ высокихъ горъ,
Веселя свой умъ и взоръ
Мы природы красотой,
Въ умиленіи съ тобой,
Всей душей благодаря,
Воспоемъ небесъ Царя.

Ты теперь еще мала,
Равнодушна для всего;
Какъ дочь матери мила,
Ты невѣдаешь того,
И тебѣ и мнѣ покой
Нуженъ намъ одинъ съ тобой,
Но тебѣ лишь для себя,
Мнѣжъ, мой свѣтъ, лишь для тебя.

Стану, стану ожидать
Съ нетерпѣніемъ тѣхъ лѣтъ,
Когда можешь ты узнать,
Что милѣй тебя мнѣ нѣтъ:
Выростай, мое дитя,

Будто розачка цвѣтя,
И во мзду мово труда
Будь утѣхой мнѣ всегда.

НАДЛЕЖИТЪ БЫТЬ ДОВОЛЬНУ ВСЕМЪ ТѢМЪ, ЧТО УСТАВИЛА ПРИРОДА.

Ахъ! для чего такъ жарко! говорила Аннушка матери своей, утирая потъ съ разгорѣвшагося лица—(день тогда былъ весьма знойной). Я насилу могу дышать. —

,,Для чего такъ жарко, душа моя, объ этомъ я тебѣ черезъ нѣсколько недѣль скажу лучше, нежели теперь, отвѣчала мать; а теперь только то напомню, что Богу такъ угодно, чтобъ было жарко, и что этотъ милосердой отецъ ничего не дѣлаетъ, что бы не клонилось къ нашей пользѣ.

Аннушка замолчала и повѣрила своей матери, потому что она ей всегда правду говорила.

Она старалась терпѣливо сносить жаръ, которой послѣ того еще нѣсколько времени продолжался.

Прошелъ мѣсяцъ Августъ, перестало быть жарко.

Прохладные вѣтерки и умѣренная теплота воздуха вызывали всякой день Аннушку въ садъ прогуливаться.

Всякой овощъ уже поспѣлъ и начиналась жатва.

Аннушка удивлялась приманчивому наливу яблоковъ, грушъ и персиковъ: ничто не превосходило сладости ихъ вкуса, и самый медъ былъ для нея не слаще.

„Ахъ, матушка! какіе плоды Богъ намъ пожаловалъ! какой онъ милостивой! какъ насъ любитъ!—„

Такъ, душа моя, сказала мать! а помнишь ли ты оногдась чуть было на него не подосадовала за то, что онъ намъ ихъ даруетъ.

Знай, что самый тотъ жаръ, на которой ты роптала, далъ пріятной румянецъ и сладкой вкусъ плодамъ.

И такъ научись, душа моя, быть довольною всемъ тѣмъ, что Богъ ни дѣлаетъ; ибо рано ли поздо ли, всегда ты узнаешь, что онъ это сдѣлалъ хорошо.

ВАРИНЬКА и НИКОЛАША.

Николаша. *(прибѣжавъ къ Варинькѣ, которая сидѣла въ саду въ бесѣдкѣ).*

О чемъ ты такъ грустишь, Варинька?— все на свѣтѣ такъ хорошо!—У меня нѣтъ никакой печали, меня все веселитъ.—Ба-

тюшка и матушка насъ любятъ, игрушекъ у насъ много. —

Варинька.

Ахъ, братецъ! и ты станешь тужить, какъ услышишь. Вить всѣ мои любезныя игрушечки изломались! и восковая куколка упала; вонъ и рука ее отшибена лежитъ: какъ мнѣ не грустить!

Николаша.

Жаль мнѣ тебя, сестрица! — Да не все же объ этомъ сокрушаться. Пойдемъ со мною, я тебя развеселю; скажу тебѣ про свою охоту: теперь лишь шолъ я здѣсь по саду и вдругъ увидѣлъ — о какъ мнѣ было любо! — увидѣлъ бабочку. Ну ужъ бабочка! какая пестринькая, пригожинькая! ахъ сестрица! ты бы на нее заглядѣлась. И какъ она летала? то кверьху подымется то внизъ опустится, то на кусточкѣ сядетъ, то ко цвѣтку прильнетъ; вонъ и на этой розочкѣ она сидѣла. Побѣжимъ туда, сестрица!

ВАРИНЬКА.

Побѣжимъ, братецъ. Постой: — Вонъ это не она ли сидитъ на гвоздичкѣ?

НИКОЛАША.

Она, она. Тихонько! Теперь уже ей отъ насъ не улетѣть. Постой ты тутъ, а я подкрадусь — Поймалъ! поймалъ, сестрица!

ВАРИНЬКА.

Покажи. Ахъ какая пригожинькая! она мнѣ милѣе моей куклы.

НИКОЛАША.

Посадимъ ее у тебя въ горницѣ, сдѣлаемъ ей изъ зеленыхъ листиковъ постельку, и станемъ ее кормить ясминцами. На, сестрица, возьми ее себѣ.

ВАРИНЬКА.

О любо!

НИКОЛАША.

Видишь, что печаль и скука не долго продолжаются; Богъ сердце наше сотворилъ на радость.

КОШКА, МЫШЬ и МЫШОНОКЪ.

Кошка (*къ мышонку*).

Какой, о мышка, ты премиленькой звѣрочикъ!
Не льзя увидѣвши тебя не полюбить.
Поди къ мнѣ, мой другъ, приближься на часочикъ.

Мышь.

Дитя! я не совѣтую тебѣ ходить.

Кошка.

Пожалуй подойди. Я для твоей утѣхи,
Смотри, вотъ эти всѣ отдамъ тебѣ орѣхи.

Мышонокъ.

Какъ можно отъ такой мнѣ ласки отрещись?
Пойду я, матушка...

Мышь.

Дитя, поберегись!

Кошка.

Вотъ сахаръ; я тебя сластями позабавлю,
И блюдо цѣлое конфетъ тебѣ поставлю.

Мышонокъ.

Вели мнѣ, матушка, на часъ сходить туда.

Мышь.

Пожалуй не ходи!

Мышонокъ.

Да что въ томъ за бѣда?

Кошка.

Подь, дурочка, не бось!

Мышонокъ.

Иду. . . ахъ пропадаю!
Она душитъ меня! . . . ой больно! . . умираю!

Мышь.

Ужъ поздо! по дѣламъ мученіе неси,
Совѣта не принявъ спасенья не проси.

ДИТЯ и НЯНЯ.

(Сперва одно дитя къ своей куклѣ.)

Такъ, сударыня! вы не хотите меня слушаться? не хотите голову держать прямо? доброжъ! я на васъ осержусь, еще больше осержусь, нежели вчера осердилась на меня моя няня за то, что я ударила собачку.

Няня (*вошедъ и услыша ея послѣднія слова*)

Нѣчто ты сердита, душа моя; не досадила ли тебѣ твоя кукла?

Дитя.

Да! она не хочетъ голову держать прямо.

Няня.

Какая упрямица! но ты что-то ей говорила, какъ я сюда вошла?

Дитя.

Я ... да .... а развѣ вы слышали, что я говорила?

Няня.

Положимъ я не слыхала, и прошу тебя пересказать мнѣ твои слова: не ужъ ли ты ихъ отъ меня утаишь?

Дитя.

Ахъ нѣтъ! я бы тогда сдѣлала очень худо: добрыя дѣти не должны ничего утаивать отъ своихъ родителей и нянюшекъ.

Няня.

Такъ, душинька! поди поцалуй меня и потомъ раскажи, что ты куклѣ своей говорила.

Дитя.

Она не хотѣла голову держать прямо, такъ я сказала ей, что естьли она меня не послушается, то я на нее еще больше осержусь, нежели вчера осердилась на меня моя няня за то, что я ударила собачку.

Няня.

Такъ ты думаешь, что я была на тебя сердита?

Дитя.

Вы мнѣ противъ обыкновеннаго показались очень невеселы, и потому я подумала, что вы на меня гнѣваетесь.

Няня.

Я не гнѣвалась, мой другъ, но была опечалена; мнѣ было непріятно видѣть въ тебѣ такое жестокосердіе, что ты не перестаешь бить бѣдную собачку, и сверьхъ того я опасалась, чтобъ она тебя не укусила. Для того я стала тебя увѣщавать; но видя тебя непослушною, подумала, что ты сдѣлалась упряма, и это привело меня въ такую печаль, что я чуть было не заплакала. А ты между тѣмъ сочла меня сердитою.—Сердитою? нѣтъ, душа моя! ты сердилась на собачку, а я на тебя не сердилась.

Дитя.

Такъ вы и теперь на меня не сердиты за слова, которыя говорила я куклѣ?

Няня.

Не только не сердита, но еще радуюсь, что этотъ случай подалъ мнѣ способъ вывести тебя изъ заблужденія. А ты этому рада ли!

Дитя.

О конечно! . . . Естьли бы только. . .

Няня.

Что такое ?

Дитя.

Естьли бы впредь вы всегда мною были овольны.

Няня.

Я сама сердечно этова желаю; мнѣ весьа непріятно быть принужденною. . . но ля этова надобно сдѣлать маленькой догоорецъ.

Дитя.

Какой !

Няня.

Чтобъ ты впредь , когда я буду тебя тъ чего нибудь худаго воздерживать , съ erваго слова тотчасъ меня послушалась ; огда ты можешь быть увѣрена. . .

Дитя.

Что вы всегда мною будете довольны ?

Няня.

Да. Вотъ тебѣ моя рука! но ты должна епремѣнно исполнять свое обѣщаніе.

Дитя (прыгая).

О! я ужъ конечно буду его исполнять!

Дѣвушка сія сдержала свое слово. Когa она бывало начнетъ дѣлать что нибудь

нехорошее, и Нянюшка на нее только посмотритъ, то она тотчасъ и перестанетъ. Иногда и нянюшки съ нею не было, однакожъ она ничего таково не дѣлала, въ чемъ не была совершенно увѣрена, что это хорошо. Ради того нянюшка никогда не имѣла причины на нее жаловаться, и такимъ образомъ обѣ онѣ, любя другъ друга сердечно, жили въ великомъ удовольствіи.

О ТЫКВѢ и ЖОЛУДѢ.

Дѣти! Богъ, всего творецъ,
Нашъ спаситель и отецъ,
Что ни создалъ въ свѣтѣ семъ,
Все премудро создалъ въ немъ;
Нѣту въ мірѣ ничего,
Что могло бы безъ его
На то воли всесвятой,
Само сдѣлаться собой.
Силой онъ своихъ словесъ
Солнцу стать среди Небесъ
И лучи велѣлъ простерть:
Жизнь въ его рукѣ и смерть.
Малый червь и страшный китъ
Имъ единымъ лишь дышитъ.
Въ мѣстѣ всяка вещь своѣмъ,
Онъ премудро правитъ всемъ.
Есть однакожъ мудрецы,

Или по просшу глупцы,
Кои свой ничшожный умъ
Дерзостью высокихъ думъ
Выше божескаго чшушъ.
Гордостью шакой надушъ
Нѣкакой безумецъ былъ,
Имя я его забылъ;
Онъ однажды на шравѣ
Тыквы взросшія узрѣлъ,
И въ безумной головѣ
Мысль шакую шошчасъ сплелъ:
Не прилично имъ росши
На шоль маленькой шросши;
Я бы эшо премѣнилъ.
Тыквамъ росшь опредѣлилъ,
По шакой ихъ шолсшошѣ,
На дубу, на высошѣ.
Такъ помысля продолжалъ
Онъ по прежнему свой пушь.
День былъ жарокъ, онъ усшалъ,
Захошѣлось ошдохнушь.
Дубъ увидя на пуши,
Лишь успѣлъ къ нему придши,
Легъ подъ онымъ и уснулъ.
Вдругъ пресшрашный вѣшръ задулъ,
Воды всѣ смушилъ шошчасъ,
Вѣшьвями древесъ пошрясъ:
Съ верьху дуба, какъ на смѣхъ,
Сорвался большой орѣхъ,
(Кои жолудьми зовушъ)

хочешь; это состоитъ въ твоей волѣ: хоть ни чѣмъ не подари: я тебя не принуждаю, а только хотѣла тебѣ истолковать, что значатъ подарки и съ какимъ намѣреніемъ ими дарятъ.,,

Катюша подумала немного и потомъ сказала: — Такъ! я подарю ему милыхъ своихъ голубковъ, и еще нарву для него пучокъ цвѣтковъ изъ моего садику.

Мать обняла ее и сказала: ты ему великую радость сдѣлаешь.

И себѣ также, вскричала съ восторгомъ Катюша; я ужъ напередъ сердечно радуюсь.—

,,А послѣ завтра ты еще больше будешь радоваться, потому что я позволяю тебѣ позвать брата твоего и со всѣми его гостьми въ маленькой твой садикъ, гдѣ ты можешь угощать ихъ свѣжимъ молокомъ и разными овощами.,,

Катюша изъ благодарности поцаловала у матери руку и прыгая около нея повторяла: о кабы послѣзавтрешній день пришолъ поскорѣе!

ВОЗДЕРЖАНІЕ.

,,Что такое воздержаніе?,, спросилъ Митюша отца своего, услыша, что онъ сіе слово упомянулъ въ разговорахъ.

Отецъ радовался такому вопросу; ибо хотя любезной его Мишюша и хорошъ былъ, однакожъ имѣлъ за собою тотъ порокъ, что всегда былъ въ неудовольствіи, и плакалъ, когда бывало что нибудь по желанію его не исполнится.

А вить это не рѣдко бываетъ на свѣтѣ, что мы желаемаго не получаемъ; или имѣя у себя нѣчто пріятное, внезапу онаго лишаемся.

Для того отъ самой юности надобно пріучаться къ терпѣнію.

И такъ Мишюшинъ отецъ на вопросъ его отвѣтствовалъ:

,,Воздержаніе, мой сынъ, есть то, когда ты севодня и въ табашные часы на любимую свою деревянную лошадку не сядешь.,,

Для чево это?—спросилъ печально Мишюша; вить вы мнѣ ее сами пожаловали, батюшка;

,,Такъ, душа моя, отвѣчалъ отецъ; я и не запрещаю тебѣ на нее садиться, а отдаю на волю, хочешь сядешь, хочешь нѣтъ.,,

Мишюшѣ вчера только подарили эту лошадку, а онъ такъ ее любилъ, что радъ былъ во всѣ табашные часы безпрестанно на ней ѣздить.

Мишюша.

Да къ чему мнѣ это послужитъ?

Отецъ.

Къ тому, чтобъ научиться самому надъ собою имѣть власть, и безъ труда отставать отъ любимой тебѣ вещи, когда того потребуетъ нужда.

Митюша.

Да въ этомъ теперь никакой нужды нѣтъ.

Отецъ.

Конечно нѣтъ; но когда придетъ нужда, тогда уже поздо будетъ себя къ тому пріучать.

Тутъ Митюша умолкъ и задумался; хотя не все, однакожъ нѣчто понималъ онъ изъ разговору отца своего.

Отецъ.

Хочешь ли ты, я скажу тебѣ сказочку, изъ которой ты увидишь, какъ нужно пріучить себя не вдаваться своимъ желаніямъ.

Митюша.

Хочу батюшка.

Отецъ.

Нѣкотораго робенка глупая нянюшка кормила всегда сластями.

Чрезъ то такъ онъ привыкъ лакомиться, что ужъ и выросши довольно великонекъ, о томъ только и помышлялъ, какъ бы гдѣ наѣсться сладкаго.

Тщетно старшая сестра увѣщевала его, и совѣтовала ему заранѣе отъ того отвыкать, потому что не всегда можно ему бу-

дешъ кормишься сластями. Онъ же напрошивъ думалъ, что эшо время долго продолжишся, и не сшарался ни мало себя воздерживашь.

Напослѣдокъ ошданъ онъ былъ къ одному Господину въ домъ, гдѣ его сшрого содержали, и гдѣ лакомство было не въ упошребленіи.

Чшожъ онъ дѣлалъ? — покупалъ изюмъ, миндаль и конфекшы, покудова всѣ свои денжонки издержалъ.

Между шѣмъ алчносшь къ лакомсшву ошъ часу въ немъ усиливалась, шакъ что ужъ не могъ онъ ошъ шого воздержашься.

И какъ уже денегъ у него больше не было шо сперва сшалъ онъ продавашь свое плашье, а какъ и шо все промошалъ, шогда. . . . . Я содрагаюсь разсказывая сіе! обокралъ онъ господина своего.

Но худое дѣло не можешъ бышь скрышо, рано ли поздо ли оно выдешъ наружу: узнали о семъ; и чшобъ избѣжашь наказанія, эшошъ молодой человѣкъ сѣлъ на корабль и опправился далеко—въ Осшъ-Индію.

Хошя избѣгнулъ онъ шакимъ образомъ человѣческаго наказанія, однако не могъ избѣгнушь Божескаго: корабль, на кошоромъ онъ поплылъ, разбился о камень, и пресшупника поглошили волны.

Охъ! это страшно! сказалъ вздохнувъ Мишюша.

Конечно страшно, отвѣчалъ отецъ; но все сіе произошло отъ того только, что робенокъ етотъ не научился заблаговренно воздерживаться отъ своихъ прихотей, которыя напослѣдокъ чрезвычайно въ немъ усилились.—Понимаешь ли ты теперь тебя, мой другъ, для чего совѣтывалъ я тебѣ попытаться преодолѣть свою охоту и не садиться севодня на свою лошадку?

Мишюша.

Понимаю, батюшка. Я не стану севодня ѣздить на лошадкѣ, и всякой день послѣ шабаша цѣлой часъ не буду на нее садиться, хотя бы мнѣ того и очень захотѣлось; надобно пріучить себя къ воздержанію.

Отецъ обнялъ его и радовался сему великодушному намѣренію; но онъ еще больше обрадованъ былъ, когда увидѣлъ, что сынъ его держитъ свое слово.

А между тѣмъ Мишюша такъ привыкъ къ воздержанію, что онъ бывало никогда не осердится, естьли что противъ его желанія сдѣлается, и чрезъ то избавлялся онъ отъ многихъ печалей.

Щастливо то дитя, которое переиметъ у Мишюши!

ФЕДЮША,

которой спать не могъ.

Мать.

Что ты, душенька, такъ ворочаешься на постелькѣ; развѣ тебѣ спать не хочется?

Дитя.

Не спится, матушка.

Мать.

Не болитъ ли у тебя что нибудь?

Дитя.

Нѣтъ. Мнѣ ѣсть хочется.

Мать.

Да ты теперь лишь кушалъ, душа моя.

Дитя.

Не осердись на меня, маминька! сюда приходила бѣдная дѣвочка просить ради Христа; никто не слыхалъ какъ она просила. Я отдалъ ей свою булочку и пирожокъ: молись Богу, сказалъ я ей, Богъ тебѣ дастъ больше. Какъ она бѣдняшка обрадовалась! три раза сказала мнѣ: заплати тебѣ Господи!

Мать.

Другъ мой любезной! умница моя! чево ты у меня ни попросишь, я тебѣ все дамъ. И ты этова не хотѣлъ мнѣ сказать?

Дитя.

Я съ радости и позабылъ о томъ, что самъ ничево не ѣлъ.

Машь.

Теперь ты знаешь, каково тѣмъ бѣднымъ дѣтямъ, которые безъ пищи спать ложатся.

Дитя.

Ахъ, маминька! пожалуйста давай имъ милостыню, когда они придутъ: тяжело сносить голодъ!

ЩАСТЛИВО ПРЕОДОЛЕННОЕ НА ЗЛОЕ ДѢЛО ПОКУШЕНІЕ.

Бѣдному мальчику трубочисту досталось во дворцѣ чистить трубу того камина, которой былъ въ уборной комнатѣ одной княгини.

Когда онъ сквозь трубу опустился въ каминъ, то нашелъ что въ комнатѣ ни кого не было; онъ остановился на минутку полюбоваться на прекрасныя вещи, которыя въ ней находились.

Больше всего полюбились ему осыпанные драгоцѣнными каменьями золотые часы, лежавшіе на столикѣ. Онъ не могъ воздержаться, чтобъ не взять ихъ въ руки, и тогда пришло къ нему желаніе; ,,ахъ ежели бы у тебя такіе часы были!"

Потомъ спустя минутку подумалъ онъ:

„что, ежели я ихъ возьму?—но стало быть я ихъ украду и буду воръ.

„Да вить никто этова не узнаетъ,“ продолжалъ онъ думать. Но въ то самое мгновеніе услышалъ шумъ въ смѣжной съ этою горницѣ: тотчасъ оставилъ онъ часы и бросился назадъ въ трубу свою.

Когда онъ пришелъ домой, то не могъ изъ головы своей выкинуть этихъ часовъ: гдѣ ни былъ, куда ни ходилъ, вездѣ они были у него передъ глазами. Онъ покушался перестать объ нихъ думать, но нѣтъ! словно какъ бы кто насильно его къ тому тянулъ.

Онъ не могъ уснуть; и такъ вознамѣрился идти опять туда, и ихъ взять.

Вошедъ по прежнему въ комнату нашелъ онъ все такъ тихо, что ни какъ не могъ сомнѣваться, чтобъ онъ не одинъ въ ней былъ. При слабомъ лунномъ свѣтѣ тихонько подкрался онъ къ уборному столику, на которомъ лежали часы.

Уже простиралъ онъ руку взять ихъ, какъ вдругъ увидѣлъ подлѣ нихъ еще превосходнѣйшія сокровища: драгоцѣнныя серги, ожерелье, и другія тому подобныя вещи.

„Не ужъ ли мнѣ? сказалъ онъ весь съ головы до ногъ трясучись—не уже ли мнѣ?—„

„Но не буду ли я во всю мою жизнь самой скаредной человѣкъ? могу ли я послѣ

эшова когда нибудь спокойно спашь? каки-
ми глазами сшану я на людей смошрѣшь.

,,Правда!,, но ужъ за шо однимъ разомъ
сдѣлаюсь я богашой человѣкъ; у меня будушъ
лошади и карета; плашье сшану прекрасное
носишь, и всякой день буду ѣсшь и пишь
сышно!,,

,,Ну да какъ эшо ошкроешся? — полно
какъ ошкрышься? вишь никшо эшова не ви-
дишъ.—,,

,,Ни кшо? — а развѣ Богъ, вездѣсущій,
шого не увидишъ?—можешь ли шы по преж-
нему молишься ему, когда сдѣлаешься воромъ?
можешь ли шы умерешь спокойно?,,

При сей мысли волосы у него сшали
дыбомъ и холодной потъ пролился по всему
его шѣлу. ,,Нѣшъ! сказалъ онъ, бросивъ отъ
себя сокровищи, нѣшъ, лучше бѣденъ и чисшъ
совѣсшью, нежели богашъ и оскверненъ зло-
дѣйсшвомъ! ,,вымолвивъ сіе спѣшилъ преж-
нимъ своимъ пушемъ возврашишься назадъ.

Княгинина спальня была подлѣ самой
эшой комнашы, она еще не спала, все эшо
слышала, и самого мальчика при свѣшѣ лу-
ны разсмошрѣшь могла. На другой день при-
казала она позвашь его къ себѣ.

,,Послушай, мальчикъ, сказала она ему,
когда онъ вошелъ къ ней въ комнашу, для
чего шы вчера ночью не взялъ эшихъ часовъ
и другихъ драгоцѣнныхъ вещей?,,

„Мальчикъ упалъ къ ней въ ноги и не могъ отъ страха ни слова промолвить.

„Я все слышала, продолжала Княгиня; благодари Бога, дитя мое, что онъ помогъ тебѣ преодолѣть искушеніе, и старайся впредь непорочность свою сохранять.

„Отнынѣ ты у меня будешь жить: я велю тебя кормить и одѣвать. Но мнѣ хочется еще больше для тебя сдѣлать: я намѣрена тебя порядочно воспитать и обучить, дабы и впредь бѣдность и неразуміе не могли тебя подвигнуть на какое либо злое дѣло,,,

У мальчика полились изъ глазъ горячія слезы; онъ хотѣлъ благодарить, но не могъ: онъ могъ только хлипать и утирать кулаками глаза свои.

Княгиня здержала данное ею слово: мальчикъ былъ преизрядно воспитанъ, выросъ великъ, и благодѣтельница его имѣла удовольствіе видѣть въ немъ скромнаго, добросовѣстнаго и честнаго человѣка.

МАТЬ И СЕМЬ ДОЧЕРЕЙ.

Мать благонравная, Наталья,
Съ семью своими дочерьми,
Прекрасными какъ майски розы,
Пошла по близости въ лѣсокъ,

И тамъ при ручейкѣ журчащемъ,
Пріятнымъ воздухомъ дыша,
Подъ тѣнію вѣтвистой липы
На мягкой сѣла муравѣ.
Какое зрѣлище прекрасно,
Благополучну видѣть мать,
Такою кучкой окруженну
Любезныхъ, милинькихъ дѣтей! —
Сей міръ обильный красотами,
Мнѣ мнится, сотворенъ для нихъ;
Съ восторгомъ нѣкій мужъ вѣщаетъ,
Сѣдящій съ зади ихъ въ кустахъ.
Безмолвенъ, въ тишинѣ глубокой,
Онъ долго ухо приклонивъ,
Съ сердечной радостью бесѣду
Сей нѣжной матери внималъ.
О естьли бы, любезны дѣти,
Теперь отецъ вашъ также здѣсь,
Рекла она, былъ вмѣстѣ съ нами!
Коль много въ сей странѣ пріятствъ!
На всѣхъ вершинахъ древъ такъ тихо,
Какъ будто бъ нѣжны птички всѣ
Между собою согласились
Единый слушать соловья
Гласъ раздающійся повсюду.
Ахъ маминька! сказала тутъ
Вторая дочь ея Дуняша,
Я тотчасъ побѣгу домой,
На крыльяхъ къ батюшкѣ слетаю. —
Мой другъ! далеко онъ отъ насъ

За нѣкоторымъ посланъ дѣломъ;
Онъ тамъ пробудетъ семь недѣль,
И прежде къ вамъ не возвратится.
Какъ? старшая сказала дочь,
На мать взглянувшая печально,
Его здѣсь нѣтъ? но какъ же онъ
Уѣхалъ съ нами не простясь?—
Свое родительское вамъ
Оставилъ онъ благословенье,
Боясь прощаніемъ своимъ
Повергнуть васъ въ печаль и скуку.—
Ахъ! папинька любезной нашъ,
Четвертая изъ дочерей вскричала,
Въ пути всещедрый Богъ его
Да сохранитъ благополучно!
Сіи усердныя слова,
Да сохранитъ благополучно,
Отъ благодарныхъ сихъ дѣтей,
Кругомъ Наталіи и древа,
Твердилися изъ устъ въ уста,
Съ такимъ усерднымъ восклицаньемъ,
Что на глазахъ у нихъ у всѣхъ
Пріятны слезы навернулись.
Какъ это можно? семь недѣль!
Вить это очень, очень долго;
Не льзяль, хоть намъ къ нему сходить?
Спросила пятая малютка.
Шестая же ужъ чуть не плача
Прижавшись къ материной груди
Сказала томно: боже мой!

Когдабъ назадъ онъ возвратился
И вдругъ теперь пришелъ сюда!
Дочь третья тотчасъ подхватила:
О какъ бы мы вокругъ его
Скакать и прыгать стали!
Анюта младшая изъ всѣхъ
Къ сестрицѣ старшей на колѣни
Свою головку положа
Ни слова не сказавъ лежала.
Какъ нѣжный розовый цвѣтокъ
Ея краснѣлись пухлы щочки;
Казалось, что другихъ сестеръ
Она внимала рѣчь прилѣжно,
И только разговоръ лишь ихъ
На часъ объ этомъ перервался,
Она съ колѣней вдругъ скочивъ
На шею бросилась къ Натальи,
И крѣпко нѣжными ее
Обнявъ ручонками спросила:
А ты, ты маминька, отъ насъ
Не ѣдешь никуда? ты съ нами?
Нѣтъ, душинька, сказала мать,
Я никуда отъ васъ не ѣду.
Тогда сидящій мужъ въ кустахъ
Не могъ подслушивать ихъ болѣ,
Его и сердце и душа
Въ восторгѣ сладкомъ утопали.
Однакожъ дѣйствія страшась
Онъ радости крутой, безмѣрной,
Не смѣлъ нечаянно предстать;

Но вышедъ изъ кустовъ тихонько,
Находитъ друга своего,
И посылаетъ осторожно
Женѣ и дѣтямъ возвѣстить,
(сей самый мужъ былъ ихъ родитель).
Что отложенъ его поѣздъ.
Когда сей другъ ихъ приготовилъ,
Тогда-то нѣжный самъ отецъ
Является предъ ихъ очами:
Какая жъ радость разлилась!
Мать бросилась къ нему на шею,
Всѣ дѣти прыгая, крича,
Сто разъ его цалуютъ руки.
Кто можетъ описать восторгъ
Сей матери благополучной,
Сего предобраго отца,
И сихъ дѣтей ихъ благонравныхъ!

О СОГЛАСІИ.

Наташа, Катюша, Аннушка, и Машинька имѣли у себя учительницу, которая ихъ какъ мать дочерей своихъ любила.

Я назову ее Теоною, для того что я не смѣю настоящаго имени ея здѣсь поставить.

Она имѣла усердное желаніе, чтобъ воспитанницы ея хорошо себя вели, и чрезъ то были бы щастливы; чтобъ онѣ взаимною другъ къ другу любовію услаждали дѣтскія

свои утѣхи, и чтобъ каждое удовольствіе вкушали безпрепятственно.

Съ неописанною радостію взирала она на добрые успѣхи своего ученія и примѣра.

Малютки сіи начали быть щастливѣйшими дѣтьми. Онѣ поправляли другъ друга въ проступкахъ, извиняли охотно небольшія огорченія, дѣлили каждую радость, и не могли жить другъ безъ дружки.

Но какъ легко теряютъ дѣти способы къ щастію, хотя уже познаютъ оное, и какое благодѣяніе тотъ имъ дѣлаетъ, кто неусыпно за ними смотритъ!

Теона должна была отъ своихъ малютокъ на нѣкоторое время отлучиться; необходимость принудила ее отъ нихъ уѣхать; но она спѣшила возвратиться какъ скоро могла.

Едва успѣлъ пройти одинъ мѣсяцъ, уже она летѣла къ нимъ обратно.

Онѣ встрѣтили ее съ великою радостію.

Но ахъ! Теона примѣтила между ними великую перемѣну.

Одна изъ нихъ съ сердцемъ требовала чего нибудь у другой, другая не хотѣла ей уступить; отъ сего раждались досадныя рѣчи, все ихъ прежнее увеселеніе въ играхъ и въ дѣлѣ не вѣсть куда дѣвалось.

Всякую минуту мѣшали онѣ другъ дру-

гу; той не нравилось тамъ, гдѢ другой нравилось.

Иная хотѢла играть въ саду, другая напротивъ того въ горницѢ, третья на дворѢ, и сіе несогласіе часъ отъ часу умножалось.

Въ одинъ день, когда онѢ ни малѢйшей услуги другъ другу не хотѢли сдѢлать, и даже одна другой досаждать старалась, Теона глядя на нихъ заплакала.

Она пошла отъ нихъ прочь и заперлася въ своей комнатѢ.

Тамъ стала она размышлять, какъ бы малютокъ сихъ примирить и возобновить между ими взаимную дружбу.

Когда послѢ того опять она къ нимъ вышла, то всѢ онѢ бросились къ ней съ неудовольствіемъ и жаловались, что онѢ не находятъ больше прежняго веселія; каждая изъ нихъ обвиняла въ томъ другую, и всѢ приступали къ своей учительницѢ, чтобъ она, какъ умѢвшая всегда установлять ихъ утѢхи, не отреклась и теперь тоже сдѢлать.

Теона взглянула на нихъ съ важностію и сказала: отъ сего времени запрещаю я вамъ мѢшать другъ другу въ играхъ, и чтобъ сего не было, то пусть каждая изъ васъ изберетъ себѢ особливой уголокъ въ этой комнатѢ, и тамъ сидя играетъ какъ хочетъ.

Сегодня послѣ обѣда позволяю и вам-шакимъ образомъ играшь до самаго вечера.

Всѣ обрадовались сему позволенію; каждая взяла назначенный себѣ уголокъ, и сшала шамъ играшь особо ошъ другихъ.

Машинька куклѣ своей сказывала сказки однакожъ шa не умѣла ничего ей ошвѣчашь и молчала, а другія всѣ играли каждая про себя.

Аннушка играла мячикомъ, не никшо не ушѣшался глядя на проворсшво, съ какимъ она ево ловишъ, и никово не было, кшо бы ей сказалъ хошь слово: другія всѣ играли каждая про себя.

Нашаша хошѣла играшь въ любимую свою игорку въ гулючки, но кому было ее искашь? другія всѣ играли каждая про себя.—

У Кашюши, маленькой домовницы, было нѣсколько грушъ и яблоковъ, она хошѣла сдѣлашь у себя пирушку и позвашь госшей; но кому было къ ней пріѣхашь? другія всѣ играли каждая про себя.

И шакимъ образомъ всѣ игры ихъ не ладились. Наконецъ прибѣжали онѣ къ Теонѣ, и со слезами просили ее найши способъ, чшобъ имъ опяшь было весело.

Я знаю шолько одно средсшво, сказала она имъ печально, и вы его прежде знали, но забыли: есшьли хошише, я вамъ о немъ напомню.

Хотимъ! хотимъ! вскричали онѣ всѣ, и ожидали съ нетерпѣливостію перваго изъ устъ ея слова.

Это согласіе! это дружба! о мои любезныя! въ какое нещастіе ввергнули вы и меня и себя самихъ съ тѣхъ поръ, какъ ево забыли!

Она умолкла, и горькія слезы по лицу у ней катились.

Тутъ всѣ малютки онѣмѣли передъ нею, и стояли потупя въ землю глаза отъ стыда и раскаянія.—Потомъ бросились къ ней въ объятія, и обѣщали любить другъ друга по прежнему.

Онѣ сдержали слово. Никогда не упрямились и не ссорились: ибо узнали какія слѣдствія раждаются отъ упрямства и несогласія.

Теона сама мнѣ это расказывала и говоритъ, что ужъ онѣ теперь всѣ четыре выросли великоньки и становятся прелюбезныя дѣвицы.

ДВА МАЛЬЧИКА.

Два мальчика пошли въ садъ прогуливаться. Садовникъ сказалъ имъ въ предосторожность: не подходите близко къ ульямъ, пчелы васъ ужалятъ.

Меня еще никогда пчела не ужаливала! сказалъ одинъ изъ нихъ мальчикъ, и пошелъ смѣло туда. Но лишь только ступилъ онъ нѣсколько шаговъ, то пчела его ужалила, и онъ долго былъ боленъ.

И такъ одинъ сдѣлался благоразумнымъ чрезъ *испытанiе*, а другой чрезъ *наставленiе*: скажите, которой изъ нихъ былъ умнѣе?

ВОЛТУШКА.

Одна маленькаа дѣвочка имѣла за собою тотъ порокъ, что молчать не умѣла.

Когда она свѣдаетъ какую тайну, то ужъ ей бывало не утерпится, чтобъ поскорѣе не расказать того всѣмъ своимъ знакомымъ.

А всего хуже, что услыша о чемъ нибудь худомъ, она это первому, кто ей на встрѣчу попадался, пересказывала, ни мало не разсуждая, что могла этимъ навесть иному великую печаль, другому бѣду или нещастiе.

Черезъ короткое время маленькая эта болтушка сдѣлалась сущею язвою для людей того дому, гдѣ она жила, и для другихъ, съ которыми была знакома; ибо гдѣ ей только бывать случалось, тамъ вездѣ бол-

шаньемъ своимъ сѣяла она сѣмена брани, раздора и несогласія.

Мудрено ли, что стали всѣ отъ нее бѣгать, всѣ ее ненавидѣть? Въ хорошкое время не было у ней не только ни одной подруги, ниже такой пріятельницы, которая бы вмѣстѣ съ нею быть хотѣла.

Куда она сама приходила, тамъ затворяли отъ нее двери, или не сказывались дома; а когда она къ себѣ звала въ гости, то всѣ ей въ этомъ отказывали.

Напослѣдокъ это понудило ее примѣтить свой порокъ, и она вознамѣрилась отъ него исправиться.

Но горе тому, кто привыкъ и пристрастился къ чему нибудь худому! Трудно, трудно ему вовся отъ того отстать.

Барышня Калатухина (такъ называлась сіе нещастная дѣвушка) въ цѣлыя десять лѣтъ насилу могла совершенно исправиться отъ своего порока: она стократно зарекалась впадать въ оной, и стократно опять впадала.

Наконецъ выросла она велика, но никто не хотѣлъ не ней жениться; ибо какъ давно уже всѣ отъ нее убѣгали, то и не вѣдалъ никто, что она перестала быть болтуньею.

Такимъ образомъ всю жизнь свою долженствовала она проводить въ плачевномъ уединеніи, не вкуся утѣхъ добродѣтельнаго

брака, и не познавъ никогда пріятностей дружбы.

Такъ-то печальныя слѣдствія дѣтскихъ пороковъ часто принуждаютъ насъ страдать во всѣ дни нашего вѣка!

~~~~~~~~~~~~

УМИРАЮЩЕЕ ДВѢНАТЦАТИ-ЛѢТНЕЕ ДИТЯ.

Лиза бѣдная въ постелѣ
Отчаянно лежитъ больна;
Душа чуть держится ужъ въ тѣлѣ,
Страдаетъ и какъ тѣнь блѣдна.
Прегорькими надъ ней слезами
Нещастная рыдаетъ мать,
И устъ касаяся устами
Ей хочетъ жизнь свою отдать.
Но тщетно бѣдная стенаетъ,
И громко къ небу вопіетъ:
Смерть сожалѣнія не знаетъ,
Кто долженъ умереть, умретъ.
Увидя Лиза мать стенящу
Послѣдни силы собрала,
И рѣчь простерши къ ней дрожащу
Прерывнымъ голосомъ рекла:
О чемъ ты слезы проливаешь,
Любезна матушка, о чемъ?
Куда меня ты отпускаешь?
Къ отцу всеобщему намъ всѣмъ.
~~~~~~~~~~~~

Надежду на него прешверду
Въ блаженсшвѣ я моемъ кладу,
Отселѣ къ Богу милосерду
Съ охошою моей иду.
Онъ шамо дасшъ мнѣ жизнь блаженну,
Вселишъ меня въ свой домъ свящой;
Тамъ буду радосшь совершенну
И вѣчной я вкушашь покой;
Къ нему шамъ съ Ангелами купно
Я буду гласъ мой возносишь,
И Господа повсеминушно
О вашемъ щасшіи просишь.
Сіе сказавъ она вздохнула,
Рукою сошворила кресшъ,
На машь впослѣдніе взглянула
И ошошла ошъ здѣшнихъ мѣсшъ.

ПРЕОДОЛЕННОЕ ВЛАСТОЛЮБІЕ.

Пересшанешь ли шы?—Какъ бы не шакъ? —не хочу, я шебѣ говорю! — машушка, посмотрише чшо Пешруша дѣлаешъ!...... Только рѣчей и слышно было ошъ маленькой власшолюбивой Параши, когда что нибудь не по ней дѣлалось.

Особливо надъ меньшимъ брашомъ своимъ Пешрушею господсшвовала она съ шакою необузданносшію, что шошъ не зналъ бѣдной какъ ему бышь.

То не шакъ, другое не шакъ; за все про-все на него кричишъ, и всего чаще когда они играюшъ вмѣсшѣ.

Непремѣнно дѣлай онъ все шо, что ей хочешся; въ свое удовольсшвіе не выдумывай ничего, и ежели онъ желанія своего шошчасъ по ея шребованію не перемѣнишъ, шо она пересшанешъ съ нимъ играшь и шужъ минушу ошъ него уйдешъ, осшавя его одного въ скукѣ.

Крошкіе родишели ея хошя часшо увѣщавали ее и совѣшовали воздерживашься ошъ сего порока, а особливо машь часшо напоминала ей, что благоувѣшливую дѣвушку всѣ любяшъ, а напрошивъ шого своенравную, кошорая все на своемъ посшавишь хочешъ, никшо не шерпишъ и всякой ошъ нее убѣгаешъ; однако слова ихъ были шщешны и ни мало не послужили къ ея исправленію; всѣ другія дѣши пересшали имѣшь съ нею дружеское обхожденіе и начали ошъ нее удалящься, но и ошъ эшова она не пришла сама въ себя.

Въ одинъ день въ домѣ у нихъ обѣдалъ мужъ весьма разумной и пришомъ весьма чисшосердечной.

Онъ часшо съ удивленіемъ смошрѣлъ на Парашино грубое обращеніе съ маленькимъ ея брашомъ, и наконецъ не вышерпя сказалъ:

„Ежели бы я былъ отецъ этой дѣвушки, я бы зналъ что съ нею сдѣлать!„

А чтожъ такое? спросила мать.

Я бы надѣлъ на нее муское платье, отвѣчалъ онъ, приклеилъ бы ей усы, и назвалъ бы ее драгуномъ; тогда бы поступки ея согласны были съ ея званіемъ, и неприличность видѣть въ дѣвушкѣ такую къ самовластію склонность по крайней мѣрѣ симъ одѣяніемъ была бы сколько нибудь прикрыта.

Параша оцѣпенѣла, краска показалась у нее въ лицѣ и слезы покатились изъ глазъ.

Съ сей минуты почувствовала она непристойность поведенія своего, она вознамѣрилась исправиться отъ сего порока, и такъ твердо это въ умѣ своемъ вкоренила, что дѣйствительно до того достигла.

Она конечно очень хорошо сдѣлала; но желать надлежитъ, чтобъ всякая другая дѣвушка, которая хоть нѣсколько этому пороку подвержена, лучше кроткихъ увѣщаній матери своей послушалась, нежели бъ дождалась того, чтобъ разумной человѣкъ пришелъ и въ глаза ей сказалъ, что она больше годится быть драгуномъ, нежели любви достойною дѣвицею.

ПЕТРУШИНЫ ВЕЧЕРНІЯ МЫСЛИ.

Ужъ смерклось на дворѣ, лучъ солнечный сокрылся,
Пора ложиться спать.
Прекрасной день! куда, куда ты укатился!
Приди скорѣй опять.
Игралъ севодня я, и прыгалъ и смѣялся,
И тьму вкушалъ отрадъ;
Но что въ ученьи я прилѣжно упражнялся,
Тому я больше радъ:
Родителямъ моимъ я сдѣлалъ угожденье
Прилѣжностью своей,
За то подастъ мнѣ сонъ покой и услажденье
Въ ночи прекрасной сей.
Во снѣ увижу я робяточекъ блаженныхъ,
Которые въ раю;
Они проводятъ дни въ утѣхахъ совершенныхъ,
Я съ ними ихъ дѣлю.
Приди скорѣе сонъ и дай мнѣ насладиться;
И дай вкусить покой;
Но прежде надлежитъ мнѣ Богу помолиться;
Постой, о сонъ постой!
Ты, Боже, далъ мнѣ все, чѣмъ я ни утѣшаюсь,
На что я ни взгляну:
Учителей, отца, мать, домъ и чѣмъ питаюсь,
И всю сію страну,
И садъ прекрасный нашъ, гдѣ я всегда гуляю,
Когда урокъ скажу,
Малину, вишни ѣмъ, иль бабочекъ гоняю,

Иль просто такъ сижу;
И мало ли еще? съ пушистыми цвѣтами
Мой милой цвѣтничокъ,
Игрушечки мои, мой домикъ съ голубками,
И рѣчку и прудокъ,
И красные деньки, и жизнь сію безцѣнну,
И время поиграть,
И время для трудовъ, и солнце, и вселенну—
Но какъ перечитать
Всѣ милости твои, что ты мнѣ далъ, Владыко?
Я всей моей душой,
Сколь можетъ чувствъ моихъ усердье быть
великo,
Люблю тебя, Богъ мой!
Ахъ! даруй, чтобы я прилѣжно обучался,
И не былъ шалуномъ,
Чтобъ доброе любилъ, отъ злаго отвращался,
Гнушался быть лгуномъ,
И ненавидя все, что худо, непристойно,
Хранилъ бы твой законъ,
Чтилъ матерь и отца, жилъ мирно и спо-
койно—
Приди теперь, о сонъ!

РАЗГОВОРЪ

У Вариньки съ Митюшею.

Варинька.

Черезъ восемь дней святки: батюшка и матушка опять насъ подарятъ чѣмъ нибудь:

прошлова году, помнишь ты, сколько они намъ пожаловали.

Мишюта.

Помню. Какъ мы пришли къ нимъ Христа славить и поздравили ихъ съ праздникомъ, такъ батюшка пожаловалъ намъ по двѣ игрушки, да матушка по стольку же.

Варинька.

Съ какою радостію они насъ дарили! казалось, имъ не меньше нашева было весело.

Мишюта.

Мы еще малы и у насъ ничего нѣтъ, а то бы и мы могли этимъ утѣшаться.—Ахъ, да знаешь ли что, сестрица? черезъ восемь дней Рождество—вить у тебя есть деньги?

Варинька.

Есть цѣлой рубль. Ну да чтожъ?

Мишюта.

Завтра ярмонка. Встанемъ-ка мы поутру поранѣе и поучимся хорошенько, чтобъ насъ послѣ обѣда отпустили на ярмонку. У тебя рубль, у меня шесть гривенъ; купимъ на половину этихъ денегъ разныхъ сластей и игрушекъ, спрячемъ ихъ, и какъ придутъ святки, то выпросимся у матушки, возьмемъ съ собой дядьку Ивана, и пойдемъ раздадимъ ихъ садовника Якова маленькимъ дѣтямъ.

Варинька.

Да ужъ надобно и Ѳедошки повара робятишкамъ что нибудь удѣлить.

Мишюша.

И вѣдомо! я про шѣхъ чушь было не забылъ. Какъ они возрадуюшся! съ ними эшова я чаю никогда не случалось.

Варинька.

Конечно не случалось. И мы, подумай, мы будемъ первые шѣ, кошорые шакъ ихъ обрадуемъ.—

О голубчикъ мой брашецъ! поцалуй меня.— Кабы поскорѣй пришли свяшки!

Мишюша.

Однако мнѣ вспало на умъ нѣчшо——

Варинька.

Ну чшо шакое? скажи пожалуйсша. Не ужъ ли шебѣ жаль сшало! — А вишь эшо наши деньги: мы можемъ ихъ упошребишь на чшо хошимъ, право можемъ.

Мишюша.

Я эшо знаю, да—

Варинька.

Ну чшожъ шакое?

Мишюша.

Вишь деньги, кошорыя шеперь у насъ, пожаловали намъ башюшка съ машушкою. Коли мы ихъ сшанемъ даващь бѣднымъ дѣшямъ — Ну, шакъ сшало бышь не мы ихъ эшимъ даримъ, а дарятъ башюшка съ машушкою.

Варинька.

Это правда; да у насъ нѣтъ никакихъ другихъ денегъ.

Мишюша.

Знаешь ли что, Варинька? я умѣю вязать, да и ты также.

Варинька.

Да; да много ли умѣю?

Мишюша.

По крайней мѣрѣ ты можешь связать подвязки; а я ужъ двѣ недѣли какъ вяжу чулки для батюшки. Станемъ старатся чтобъ поспѣли къ святкамъ и мои чулки и твои подвязки.

Варинька.

На что?

Мишюша.

Экая ты! да мы продадимъ ихъ батюшкѣ: онъ намъ за нихъ втрое больше пожалуетъ, нежели чего они стоятъ.

Варинька.

Да; однакожъ ярмонка-та завтра, а мы къ завтрему этова не успѣемъ сдѣлать.

Мишюша.

Въ этомъ нѣтъ нужды. Мы теперь возмемъ будто взаймы изъ нашихъ денегъ сколько намъ завтра на покупку понадобится, а послѣ такоежъ число назадъ туда и положимъ. Тогда то ужъ подлинно можемъ мы

себѣ сказать, что мы сами—разумѣешь ли?— сами бѣдныхъ дѣтей обрадовали.

Варинька.

Разумѣю, разумѣю. О какъ это хорошо! какъ любо! кабы поскорѣй пришли святки!

Мишюша.

Какъ мы щасливы, что ужъ собственными своими трудами умѣемъ доставлять себѣ такія утѣхи?

Варинька (*прыгая*).

О кабы поскорѣе пришли святки!

Мишюша.

Еще восемь деньковъ, сестрица; а завтра мы пойдемъ на ярмонку.

АЛЕКСАШИНА МОЛИТВА.

О ты, который на дѣтей
Съ небесъ высокихъ призираешь,
И слогъ нескладной ихъ рѣчей
И лепетанье ихъ внимаешь,
Внемли мою молитву Богъ!
И сердце даруй мнѣ такое,
Чтобъ мнѣ противно было злое,
Чтобъ доброе любить я могъ,

Въ проступки часто я впадаю
И тятю съ маминькой гнѣвлю;
Къ тебѣ, о Боже, прибѣгаю,

Исправь, исправь меня, молю!
Прилѣжно всякой день учиться
Во мнѣ желаніе всели,
И ахъ, не дай мнѣ ни коли
Кричать, упряму быть, сердиться.

Когда я голубковъ своихъ
Пшеницей накормить стараюсь,
(А у меня вить пара ихъ)
О какъ я ими утѣшаюсь!
Какъ тихо жизнь они ведутъ,
И какъ между собою дружны!
Какъ смирны! какъ всегда послушны!
Скажу гуль, гуль: они идутъ.

Досады я отъ нихъ не знаю,
Одну имѣю къ нимъ любовь;
Съ стыдомъ я часто разсуждаю:
За чѣмъ я также не таковъ?
Какъ можетъ тварь со мной сравниться?
Ты, Господи, мнѣ разумъ далъ,
Чтобъ зло съ добромъ я разбиралъ . . . .
Но ахъ, я долженъ ихъ стыдиться!

Когда я о своихъ дѣлахъ
Судить начну какъ должно строго,
Какимъ я быть желаю, ахъ!
Еще не достаетъ мнѣ много.
О Боже! благостью твоей
Содѣлай, чтобъ я былъ послушенъ,

Прилѣженъ, тихъ, великодушенъ,
И словомъ, лучшій изъ дѣтей!

ПРИМѢРЪ ВЕЛИКОДУШНАГО БЛАГОДѢТЕЛЬСТВА.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ одномъ изъ большихъ Нѣмецкихъ городовъ хлѣбъ такъ былъ дорогъ, что многіе бѣдные люди помирали съ голоду.

Въ то время жилъ тамъ одинъ Герцогъ, человѣкъ предобрый и весьма жалостливый. Онъ утѣшался тѣмъ, что Богъ далъ ему великое богатство, коимъ можетъ онъ способствовать бѣднымъ, и щедроты его изливались на многихъ, о которыхъ доходило до его свѣденія.

Однимъ утромъ, одѣвшись въ простое платье, поѣхалъ онъ въ большой садъ, и, оставя у воротъ онаго коляску и слугу своего, пошелъ одинъ ходить по саду.

Едва отошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ изъ за куста выскочилъ человѣкъ, которой уставя ему пистолетъ въ грудь требовалъ у него десяти талеровъ (по нашему рублей). Человѣкъ этотъ, стоя передъ нимъ, весь трясся и дрожалъ, и блѣденъ былъ какъ смерть.

Герцогъ взглянулъ на него съ нѣкото-

рымъ сожалѣніемъ, вынулъ изъ кармана кошелекъ, отщиталъ требуемое имъ число денегъ, отдалъ ему и сказалъ: ты видишь, что въ кошелькѣ у меня гораздо больше десяти талеровъ; судя по ремеслу твоему не очень честному, кажется, долженъ ты и этихъ отъ меня потребовать.

Разбойникъ не отвѣчалъ на это ни слова и удалился. Герцогъ, держа кошелекъ свой въ рукахъ, смотрѣлъ ему съ удивленіемъ въ слѣдъ, покуда онъ вышелъ изъ воротъ сада. Тогда Герцогъ кликнулъ своего слугу и велѣлъ ему идти за этимъ человѣкомъ и примѣчать, куда онъ пойдетъ.

Потомъ сѣлъ въ свою коляску, поѣхалъ спокойно домой, и никому о семъ приключеніи не сказывалъ.

Черезъ нѣсколько часовъ возвратился къ нему слуга его и увѣдомилъ, что человѣкъ этотъ прошелъ прямо къ хлѣбнику, заплатилъ ему пять рублей стараго долгу, и купя у него большую корзину ржаныхъ хлѣбовъ отнесъ ихъ домой; а живетъ онъ въ глухомъ переулкѣ въ одномъ старомъ домѣ на чердакѣ подъ самою кровлею.

Герцогъ сказалъ: хорошо! и отпустилъ слугу своего.

На другой день сѣлъ онъ въ коляску, взялъ съ собою нѣсколько человѣкъ людей

своихъ, и приказалъ себя везти туда, гдѣ этотъ разбойникъ живетъ.

Пріѣхавъ къ дому остановился, вышелъ изъ коляски, принужденъ былъ по многимъ безпокойнымъ лестницамъ вскарабкаться на самый верхъ, и постучался въ двери той малой горницы, въ которой, по сказанію слуги его, человѣкъ этотъ жилъ.

Разбойникъ самъ отворилъ ему дверь, и вдругъ, увидя его отступилъ назадъ съ такимъ ужасомъ, словно какъ бы громъ передъ нимъ упалъ.

Но Боже мой! какое зрѣлище!—больная жена и шестеро изнемогшихъ дѣтей валялись на голомъ полу! на лицахъ ихъ изображалась смертная блѣдность, и нѣсколько старыхъ лоскутьевъ едва прикрывали наготу худощавыхъ тѣлъ ихъ!

Долго нещастный отецъ сего пребѣднаго семейства не могъ выговорить ни слова; напослѣдокъ бросился къ ногамъ Герцога и дрожащимъ голосомъ, указывая на жену и дѣтей своихъ, сказалъ:

,,Вотъ, государь мой, причина, для которой я васъ ограбилъ! уже трои сутки сіи нещастные не имѣли куска хлѣба во рту; хлѣбникъ, которому я долженъ былъ, не хотѣлъ мнѣ больше вѣрить. Всего имѣнія оставалось у меня одинъ старой изломанной пистолетишка, котораго никто у

рокъ, на которомъ стоя любовался пріятностями окружающей его страны, и нерѣдко въ удовольствіи сердца своего такъ пѣвалъ:

По краткой и пріятной ночи
Мои отверзлись снова очи,
Се паки пѣсенку свою,
Природы красотамъ дивяся,
Умомъ и сердцемъ веселяся,
Въ восторгѣ сладкомъ я пою.

Покрыты здѣсь листки росою;
Съ цвѣтами лугъ передо мною;
Все въ полѣ спѣетъ и растетъ:
Вонъ тамъ качается пшеничка,
А тамъ краснѣетъ земленичка;
О боже! какъ хорошъ твой свѣтъ;

Синѣютъ тамъ бугры лѣсисты;
А небеса—какъ свѣтлы, чисты!
Лазурь въ нихъ съ смѣшенъ съ хрусталемъ.
Журчаніе тамъ рѣчекъ слышно;
А тамъ какъ величаво, пышно,
Блистаетъ солнышко лучемъ?

Куда я взоръ ни обращаю,
Повсюду вкругъ себя срѣтаю
Людей спѣшащихъ изъ домовъ,
Чтобъ, красной веселясь погодой,

Разсыпанныхъ вездѣ природой
Сбирашь обиліе даровъ.

На холмѣ стоя семъ высокомъ
И я, смотря веселымъ окомъ
На общіе труды сіи,
Готовъ сего дня дѣлать тоже:
Услышь мою молитву, Боже,
Благослови дѣла мои!

Да день въ трудахъ препровождая,
Тебѣ владыко, угождая,
Доволенъ буду самъ собой,
И тихой ночи подъ крилами,
Подъ маковымы сна цвѣтами,
Вкушу пріятнѣйшій покой.

ЕСТЬЛИ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЪ ИГРА ТЕБЯ ВЕСЕЛИЛА, ТАКЪ ИГРАЙ УМѢРЕННО И СТАРАЙСЯ БЫТЬ ПРИЛѢЖЕНЪ.

Я бы севодня весь день все играла, матушка! говорила малинькая Анюта.

Весь день?

Да, сударыня!

Пускай будетъ по твоему, сказала пристрастная мать, которая не могла дѣтямъ своимъ ни въ чемъ отказывать; только я думаю, ты послѣ сама жалѣть станешь.

Нѣтъ, нѣтъ, матушка!—и съ сими словами побѣжала Анюта забрать всѣ свои игрушки. Но она была одна; братцы и сестрицы ея сидѣли всѣ за ученьемъ. (Это былъ день непраздничной).

Она сперва веселилась по волѣ какъ умѣла, и играла долгое время, но напослѣдокъ удовольствіе ея мало по малу стало уменьшаться.

Она играла во всѣ тѣ игры, которыя знала, такъ что не могла ихъ больше выдумать, а повторять старыя было уже для нее скучно.

Она пришла къ матери и просила ее сказать ей новыя игры, и чтобъ она пришла вмѣстѣ съ нею поиграть; однакожъ матери было недосугъ и она принуждена была въ этотъ разъ ей отказать, хотя и не охотно сіе сдѣлала.

Тогда малютка нахмурившись сѣла и ожидала, какъ бы поскорѣе насталъ часъ, въ которой братцы ея и сестрицы перестанутъ учиться и придутъ играть всѣ вмѣстѣ.

Она побѣжала къ нимъ на встрѣчу, лишь только ихъ увидѣла, и жаловалась на свою скуку, и расказывала какъ она нетерпѣливо ихъ ожидала.

Они обошлись съ нею ласково, и чтобъ развеселить ее, стали играть во всѣ лучшія игры, въ какія они только по праздникамъ играли.

Однакожъ всѣ ихъ усердныя спаранія были безполезны: Анюша опяпь жаловалась, что эпо для нее не новыя игры, и что ужъ онѣ ей наскучили. Никакъ всѣ сговорились, чшобъ ничего шакова не дѣлашь, что бы ее увеселяло!

Тогда Кашюша, спаршая изъ дочерей и разумная дѣвушка одиннапцапи лѣшъ ошъ роду, взяла ее за руку и съ ласкою сказала:

,,Послушай Анюшушка! ежели шы не ,,осердишься, шо я шебѣ скажу, кшо причиною ,,швоей скуки.—Ты сама, шы видишь, мы всѣ ,,веселы, хопя и чаще шебя играли эшими ,,играми.

,,Но мы учились и дѣлали себѣ пользу; ,,ошъ шого мы въ играхъ находимъ больше удо-,,вольсшвія. Ежели бы шы сперва поприлѣж-,,нѣе поучилась, шо бы вѣрно онѣ шебѣ споль-,,ко же пріяшны показались сколько и намъ.

Машь пришла и услыша слова Кашюшины, увѣряла Анюшу, что она ей говоришъ правду.

ГУСЬ И УТКА.

Гусь ушкѣ говорилъ:
Куда шы, ушка,
Имѣешь мало у себя разсудка!
И кшо шебя шакой походкѣ научилъ

Дурной, нескладной?
Пристойноль голову шакъ низко потуплять,
Ходить и ковылять?
Взгляни, какой я статной!
Съ какою бодростью высоко въ верхъ держу
Свою я шею,
Какъ ею
Повертывать умѣю,
И гордо какъ хожу!
Кто въ важной выступкѣ со мною могъ сравниться?
Оставь, сосѣдка, свой манеръ,
Возми съ меня примѣръ:
Какъ должно въ свѣтѣ жить, пора тебѣ учиться.
На эту утка рѣчь сказала: ква, ква, ква,
И повторила раза съ два
Сіи слова,
А значили они: куда де ты гусишка
Какой великой хвастунишка!
Поди-ка къ лебедю и тамъ ты передъ нимъ
Похвастай мастерствомъ своимъ,
Изобличи его передъ собой пороки,
И послѣ приходи давать ко мнѣ уроки.
Не полюбился складъ
Утиной гусю тутки,
Пошелъ нахмурившись назадъ,
И говорилъ: ума ни крошки нѣтъ у утки!

ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЯ ДѢТИ.

Однажды послѣ обѣда въ ясную погоду Iитюша съ Палагеюшкой получили отъ матушки своей позволенiе итти однимъ поиграть въ саду.—(Сiю вольность заслужили ни хорошимъ поведенiемъ своимъ въ то утро).

Долгое время играли они весело и хорошо, какъ добрымъ дѣтямъ играть должно.

Въ саду стояли съ плодами различныя деревья, между которыми было одно молодое персиковое дерево, въ первый разъ плодъ ринесшее. На немъ не много было персиковъ, но они тѣмъ прiятнѣе казались.

Мать не сорвала еще ни одного изъ ихъ персиковъ, хотя уже они довольно были зрѣлы: она берегла ихъ къ прiѣзду отца, оторой куда-то отъѣзжалъ.

И какъ она однажды навсегда запретила дѣтямъ своимъ, чтобъ они безъ ея позволенiя плодовъ въ саду не рвали, спадшихъ е не поднимали и не кушали, а притомъ ривыкла видѣть ихъ всегда послушными; о на этотъ разъ ничего имъ о персикахъ е сказала.

Когда сiи малютки довольно наигрались, о побѣжали кругомъ, осматривали прерасные плоды на деревьяхъ и любовались лядя на нихъ.

Напослѣдокъ прибѣжали они и къ персиковому дереву, подлѣ котораго вѣтромъ сшибены лежали два прекрасные персика. Митюша первый ихъ увидѣлъ, забылъ о матушкиномъ запрещеніи, поднялъ одинъ персикъ и скушалъ, а другой отдалъ Палашѣ, у которой онъ также не долго былъ цѣлъ.

Когда персики были съѣдены, тогда Палаша вспомнила о матушкиномъ приказаніи, чтобъ не показавъ ей не кушать ни какихъ плодовъ.

Ахъ, братецъ! сказала она, мы не послушались матушки, она теперь на насъ прогнѣвается; какъ намъ быть?

МИТЮША.

И! да она не свѣдаетъ.

ПАЛАША.

Какъ не свѣдать? братецъ! а развѣ вотъ какъ мы сдѣлаемъ: ты знаешь, что она и большіе проступки иногда намъ прощала, когда мы ей чистосердечно въ нихъ признавались...

МИТЮША.

Да, однакожъ мы ее ослушались, а ты знаешь, что она за ослушаніе всегда наказываетъ.

ПАЛАША.

Пустъ инъ накажетъ; но вить это она любя насъ сдѣлаетъ, а мы впредь не будемъ

забывать того, что она приказываетъ намъ или запрещаетъ.

МИТЮША.

Правда твоя, сестрица! но это, что она принуждена будетъ насъ наказать, сдѣлаетъ ей опять не малую печаль.—А я не могу видѣть ее печальною.

ПАЛАША.

И я также, братецъ! Ну, да какъ она еще печальнѣе будетъ, когда узнáетъ, что мы отъ нее проступокъ свой утаили? а хотя бы и не узнала, но съ какимъ сердцемъ станемъ мы на нее смотрѣть, знавши за собою такую вину? не стыдно ли намъ будетъ, когда она приласкаетъ насъ и назоветъ любезными дѣтьми, а мы этова не заслуживаемъ?

МИТЮША.

Ахъ, голубушка сестрица; я вижу, что ты лучше меня разсуждаешь. Пойдемъ, пойдемъ къ ней, и признáемся въ нашемъ непослушаніи.

Тутъ обнялись они и взявшись рука за руку пошли.

Матушка сударыня! сказала пришедъ Палаша, мы тебя не послушались! накажи насъ, мы тово стóимъ. Только не гнѣвайся, не будь печальна; мы забыли о твоемъ запрещеніи.

Потомъ расказалъ Митюша, что они сдѣлали, расказалъ подробно всю правду.

Добрая мать такъ тронута была чистосердечіемъ своихъ дѣтей, что она прослезилась. Она не наказала ихъ за ослушаніе и на сей разъ охотно имъ простила, ибо думала, что они раскаяніемъ своимъ довольно наказаны, и чрезъ то научились впредь остерегаться отъ непослушанія.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСЕНКА.

Взгляньте, какъ ясно лучь солнца блистаетъ;
Зелень пріятна луга украшаетъ;
Хладный растаялъ и снѣгъ ужъ и ледъ;
Въ полѣ цвѣточикъ и травка растетъ.

Съ шумнымъ жужжаніемъ кучкой немалой
Пчелки толпятся вкругъ розочки алой;
Пестрая бабочка, въ бархатѣ вся,
Смотритъ любуясь сама на себя.

Жаворонки къ верху высоко віются;
Пѣсенки птичекъ въ лѣску раздаются;
Громки ихъ гласы, но всѣхъ ихъ громчей
Нѣжный малютко поетъ соловей.

Взоры куда я свои ни кидаю,
Всюду веселье, утѣхи встрѣчаю;

Бьется отъ радости сердце мое!
Господи! славно будь имя твое.

ВЕЛИКОДУШНОЕ ДИТЯ.

Мальчишка былъ и выросъ великонекъ,
Малчишка неплохонекъ,
Да только изъ избы не выступалъ ногой.
Не знаю для чего содержанъ былъ такъ строго,
Да мнѣ и знать о томъ потребности не много;
Довольно, что мальчишка мой,
Окромѣ печи,
На коей грѣлъ онъ плечи,
Другова ничего на свѣтѣ не видалъ:
Онъ можетъ быть хворалъ,
Такъ за болѣзнію все дома оставался.
Пришла пора
Мальчишкѣ ѣхать со двора;
Отецъ его куда-то собирался;
Не вѣдаю о томъ,
То лѣтомъ было иль весною,
Но ѣхалъ онъ верхомъ
И сына взялъ съ собою.
Мальчишка, вырвавшись изъ долгой заперти,
Всему дивится:
Ему все чудо зрится,
Что онъ ни встрѣтитъ на пути:
Всѣ холмики ему казалися горами,

Всѣ лужицы морями;
Вопросамъ не было конца,
Замучилъ ими онъ отца.
Впослѣдокъ, путь свой продолжая,
Они въѣзжаютъ въ лѣсъ,
А къ нимъ бѣжитъ на встрѣчу песъ,
Иль попросту сказать, собака злая,
Хохлатая, большая.
Мальчишка мой кричитъ:
Скажи мнѣ батюшка, вонъ это что бѣжитъ?
Отецъ отвѣтствуетъ, мальчишку искушая:
О другъ мой, знаешь ли? вить это злой медвѣдь,
Онъ хочетъ насъ сожрать, намъ должно умереть!
Мальчишка мой отнюдь того не испугался,
И говоритъ отцу: столкни меня
Съ коня,
Чтобъ въ зубы я къ нему попался,
А какъ меня онъ станетъ жрать,
Ты можешь, батюшка, отселѣ ускакать.

~~~~~~~~

ХУДО БЫТЬ НЕПОСЛУШЛИВЫМЪ.

Четыре маленькія дѣвушки, окончавъ часы своего ученія, играли въ саду:

Учительница и купно пріятельница ихъ, которая никогда отъ нихъ не отлучалась, была и на этотъ разъ съ ними.

Это было въ то время, когда плоды
~~~~~~~~

начинаюшъ поспѣвашь, и есшьли изъ нихъ кошорой упадалъ съ дерева, шо дѣши прибѣгали къ ней и спрашивали, поспѣлъ ли онъ и можно ли его кушашь.

Нѣкакое дѣло принудило учишельницу пойши изъ саду и осшавишь на часокъ своихъ малюшокъ.

Не срывайше, любезныя дѣши, и не кушайше до меня ни какихъ плодовъ, сказала она, и пошла ошъ нихъ; а онѣ обѣщались бышь послушными.

Между шѣмъ, какъ дѣши сидѣли подъ однимъ деревомъ и играли, упала передъ ними на землю прекрасная груша:

По своему обыкновенію бросились было онѣ всѣ за нею, но скоро вспомнили, что учишельница имъ запрешила, и что не хорошо бы было ее ослушашься.

Одна Аннушка, младшая изъ всѣхъ, не хошя воспрошивишься своему желанію, побѣжала къ грушѣ, подняла ее и сказала сесшрицамъ: я ее благополучно скушаю, а вы будшо не видише!

Послѣ сего идешъ учишельница: малюшки всѣ побѣжали къ ней на всшрѣчу, и она сшала ихъ спрашивашь, были ли онѣ послушны.

Три сшаршія увѣряли ее безъ всякаго смущенія, пошому что онѣ были правы, а

праваго человѣка совѣсть не укоряетъ; но Аннушка стояла покраснѣвъ какъ нѣмая.

Хорошо, сказала учительница, вамъ тремъ позволяю я идти вонъ въ этотъ уголокъ сада и кушать тамъ вишни и малину; на васъ можно положиться, что вы ничего незрѣлаго или запрещеннаго кушать не станете. Я между тѣмъ пойду и буду сидѣть въ бесѣдкѣ.

Но ты, Аннушка, не можешь участвовать въ ихъ удовольствіи, потому что ты безъ меня запрещенныхъ плодовъ накушаешься, или отъ многаго объяденія занеможешь, а я еще имѣю столько къ тебѣ любви, что не хочу тебя до того допустить.

Аннушкѣ было весьма чувствительно, она сожалѣла о своемъ непослушаніи; но сія чувствительность послужила ей къ великой пользѣ.

А именно, она подала ей поводъ одуматься и узнать, въ какую опасность каждую минуту вдается дитя подверженное сему пороку, и для того Аннушка съ тогожъ часа твердо вознамѣрилась всегда быть послушною.

Она сіе исполнила и наслаждалась, какъ и прочія ея сестрицы, любовію всѣхъ тѣхъ, которые ее знали, и могла уже во всѣхъ забавахъ позволяемыхъ тѣмъ, безъ всякаго опасенія брать равное съ ними участіе.

СЛОВА БѢДНАГО НИКОЛКИ, КОГДА ОНЪ УСЛЫШАЛЪ О БОЛѢЗНИ БОГАТАГО ПЕТРУШИ.

Петруша нездоровъ? Петруша захворалъ?
Которой такъ вчера былъ веселъ и игралъ?
По этому, хоть кто богатъ и всѣмъ доволенъ,
Но съ бѣднымъ наровнѣ быть можетъ также боленъ?
Я этова не зналъ.

Любимый сынъ отца, отъ столькаго достатку
Петрушаль жизнь свою не могъ содѣлать сладку?
Ни въ чемъ и никогда онъ нужды не имѣлъ,
Одѣтъ былъ хорошо, со вкусомъ пилъ и ѣлъ,
А терпитъ лихорадку!

Мы съ братомъ Ѳединькой безъ нужды ни на часъ,
Ѣдимъ лишь чорствой хлѣбъ и пьемъ за рѣдкость квасъ;
Однако дни свои не худо провождаемъ:
Мы веселы, поемъ, мы рѣзвимся, играемъ,
И нѣтъ здоровѣй насъ.

Не всходятъ и на умъ намъ мысли прихотливы,
Не ѣвши съ роду сливъ для насъ рябина сливы.

Благодарю тебя всѣмъ сердцемъ и умомъ,
О Творче! что меня не сдѣлалъ ты Петромъ:
Не онъ, а мы щастливы.

ДАМЕТЪ И ДОРИСА.

ДАМЕТЪ.

Ахъ! что мнѣ дѣлать? боюсь показаться батюшкѣ. Какъ будетъ онъ тужить о васъ, бѣдныя козы! — Нѣтъ! Я не могу видѣть слезъ его; лучше пойду..... пойду, куда глаза глядятъ. Бѣдной я!

ДОРИСА.

О чемъ ты плачешь, Даметъ?

ДАМЕТЪ.

Ахъ, Дориса! кабы ты знала каково мнѣ! подумай только: двѣ козы, которыхъ мнѣ батюшка велѣлъ пасти, спрыгнули съ горы и убились до смерти! У бѣднаго старика только и всего имѣнія было; мы питались ихъ молокомъ. Теперь что̀ намъ осталось? Чѣмъ мы будемъ жить? Бѣдныя козочки! какъ я ихъ любилъ! Онѣ часто играли со мною на травѣ; часто лежали смирнехонько у ногъ моихъ, когда я подъ тѣнію древесъ сидѣлъ. Я нарочно ходилъ выбирать любимую имъ травку, кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ, водилъ всегда къ чистому источнику, холилъ ихъ, мылъ, и прежде самъ не ложился

спать, покуда ихъ не отводилъ въ хлѣвокъ. Теперь ужъ ихъ нѣтъ! ахъ ахъ!

ДОРИСА.

Но какимъ образомъ это сдѣлалось? Для чево ты за ними не смотрѣлъ?

ДАМЕТЪ.

Я на часокъ предъ тѣмъ сошелъ съ горы въ долину, и искалъ тамъ цвѣтовъ, чтобъ сплести себѣ вѣнокъ. Между тѣмъ какъ я хожу и рву цвѣтки, Тирсисова большая собака съ другой стороны горы бѣжитъ во всю мочь и лаетъ: бѣдныя мои козочки испугавшись бросились съ горы безъ памяти! я кричу, бѣгу; но прибѣжалъ уже тогда, когда онѣ мертвыя у ногъ моихъ лежали!

ДОРИСА.

Бѣдной ты!

ДАМЕТЪ.

Ахъ! не тужи о мнѣ, тужи лучше о моемъ отцѣ: ты знаешь какъ онъ бѣденъ, а теперь я его еще бѣднѣе сдѣлалъ, лишилъ послѣдняго: О Дориса! утѣшь его безъ меня: я во вѣки ему не покажусь, уйду куда глаза глядятъ.

ДОРИСА.

Ты безумствуешь, Даметъ; развѣ ты хочешь больше его опечалитъ? ты знаешь, какой онъ доброй, тотчасъ тебя проститъ.

ДАМЕТЪ.

Такъ, Дориса; но сіе то самое, что я

его люблю и онъ меня любитъ, пуще меня сокрушаетъ: я не могу на горесть его смотрѣть.

ДОРИСА.

Послушай, Даметушка; останься съ нами. Какъ можешь ты любить отца и наводить ему такую жестокую печаль? Останься и только молчи! Ты вѣдаешь, какъ я богата, и что на здѣшнихъ поляхъ стадо мое всѣхъ больше: какую розницу могутъ мнѣ сдѣлать двѣ козы? Пойдемъ, мой другъ, я тебѣ ихъ съ радостію подарю.

ДАМЕТЪ.

О Дориса!—О любезная!—Ахъ ты мнѣ жизнь возвращаешь!

ДОРИСА.

Какъ щастливъ тотъ, кто можетъ дѣлать добро другимъ!

ДАМЕТЪ.

Теперь пойду я къ батюшкѣ. Какъ бѣдный старикъ обрадуется! Какъ будетъ онъ тебѣ благодаренъ! пойдемъ—Но нѣтъ! возьмемъ козъ и приведемъ къ нему сами — О Дориса! скажи, какъ мнѣ тебя любить? какъ оказать тебѣ свою благодарность?

ДОРИСА.

Молчи!—Двѣ козы прежде были у тебя, а теперь, чтобъ больше обрадовать твоего отца, я тебѣ даю трехъ овецъ матокъ и съ ягнятками.

ДАМЕТЪ.

О небо!—Я умру отъ радости! Дориса! любезная Дориса! нѣтъ! этова много!

ДОРИСА.

Пойдемъ, возьми изъ моего стада козъ твоихъ и овецъ.

О люди! есть ли что сладостнѣе удовольствія благодѣтельствовать себѣ подобнымъ?

ЛИСИЦА И ЛЕВЪ.

Лисица льва на единѣ узрѣвъ,
Поджавши хвостъ пришла къ нему смиренно
И говоритъ уничиженно:
Высокомочный левъ!
Осмѣлюсь донести не ложно,
Что по моей къ тебѣ любви не можно
Никакъ того мнѣ перенесть,
Что бы твою при мнѣ кто трогалъ честь.
Оселъ меня совсѣмъ выводитъ изъ терпѣнья:
Онъ, не храня къ тебѣ почтенья,
Мнѣ часто говоритъ,
Что будто я хвалю тебя напрасно,
Что онъ въ тебѣ достоинствъ тѣхъ не зритъ,
О коихъ я ему толкую ежечасно;
Что будто мужества не видно твоего,

Ахъ сударь, отвѣчалъ мальчикъ, вы знаете, что я бѣденъ и ничего не имѣю, кромѣ этова кота.

Ну такъ пошли кота, сказалъ купецъ. Рихардъ пошелъ за нимъ на корабль, оставилъ тамъ своего кота и просилъ чтобъ его продали. Корабль поплылъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ корабельщикъ присталъ къ одному острову, которой до того времени совсѣмъ не извѣстенъ былъ. Вышли на берегъ и услышали, что на этомъ острову владѣетъ Король.

Король лишь только узналъ о прибытіи въ землю его чужестранцевъ, то велѣлъ ихъ позвать къ себѣ обѣдать. Кушанья на столѣ было много, но почти ничего ѣсть не льзя.

Въ горницѣ такая пропасть была мышей и крысъ, и такихъ смѣлыхъ, что онѣ стадами по столу бѣгали, пожирали кушанья, и даже изъ рукъ у гостей куски хватали.

Не могли найти никакова способа къ избавленію отъ нихъ, хотя Король тому, кто этотъ способъ сыщетъ, обѣщалъ дать кучу золота въ награду.

Чужестранцы услышавъ сіе сказали Королю, что они привезли съ собою звѣря, ко-

торой всѣхъ мышей и крысъ передавитъ; и велѣли принести кота.

Тутъ-то было чего посмотрѣть, какъ онъ началъ всѣхъ мышей пырять! черезъ полъ часа ни одна крыса не смѣла показать носу.

Король такъ этому обрадовался, словно какъ бы кто ему другое царство подарилъ; и какъ онъ имѣлъ неизчерпаемое богатство, то и далъ за кота цѣлую бочку золота. Корабль поплылъ назадъ.

Купецъ лишь только услышалъ, сколько за кота денегъ дали, то позвалъ къ себѣ мальчика, расказалъ ему о его щастіи, увѣрилъ его, что все это золото ему одному принадлежать будетъ.

Потомъ обучилъ онъ его торговымъ дѣламъ, и какъ увидѣлъ, что сей молодой человѣкъ продолжаетъ быть трудолюбивъ, вѣренъ и бережливъ, то по пришествіи его въ совершенный возрастъ, выдалъ за него за мужъ единородную дочь свою, и сдѣлалъ его наслѣдникомъ всего своего имѣнія.

ИСТИННЫЙ БРАТЪ.

Преставился отецъ, осталися три сына:
Они имѣніе дѣлятъ между собой,

И всякъ изъ нихъ потомъ въ удѣлъ отходитъ
свой,
По нѣсколькихъ годахъ жестокая судьбина
Послала въ ту страну
Кровавую войну:
Отъ непріятельскихъ орудій обнаженныхъ,
Изъ селъ и изъ домовъ своихъ возженныхъ
Всѣ жители бѣгутъ,
И страхъ одинъ съ собой бѣгущіе несутъ.
Два брата изъ троихъ, которы раздѣлились,
При общей пагубѣ людей
Всего имѣнія, всѣхъ благъ своихъ лишились,
А съ ними и надежды всей.
Но третій братъ изъ нихъ остался невредимо,
Гроза сія его прошла по щастью мимо.
Услышавъ о своихъ онъ братьяхъ, что они
Всего лишенны,
Проводятъ въ бѣдствѣ дни,
Свирѣпаго врага рукою разоренны,
Вѣщаетъ самъ себѣ: такъ я одинъ богатъ,
А братья будутъ нищи,
Шататься день и ночь безъ пищи?...
Какой я буду братъ! -
Сіе сказавъ тотчасъ письмо приготовляетъ,
Немедленно гонца по братьевъ посылаетъ:
Они пріѣхали.... Се братская любовь!
Онъ съ ними часть свою дѣлитъ по равну
вновь.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

РАЗГОВОРЪ ВЪ САДУ.

Дѣйствующія лица:
Доброумъ, надзиратель.
Графъ Николай, семи лѣтъ.
Иванъ, работникъ двѣнатцати лѣтъ.
Графъ Андрей, осми лѣтъ.
Фока рыбакъ.

Гр. Николай.

Какъ этотъ малой (*указывая на Ивана*) въ грязи роется! посмотрите, господинъ Доброумъ, какъ онъ весь замаранъ! фуй! гадко на него смотрѣть!

Доброумъ.

Такъ, это правда; но за чѣмъ онъ это дѣлаетъ?

Гр. Николай.

Какъ за чѣмъ? онъ копаетъ гряду подъ спаржу и выбрасываетъ изъ нее худую траву.

Доброумъ.

Да на что это?

Гр. Николай.

Чтобъ спаржа лучше росла.

Доброумъ.

А!... такъ онъ это для насъ работаетъ?

Гр. Николай.

И вѣдомо. Не ужлижъ ему самому обжираться спаржею.

Доброумъ. (*постоявъ нѣсколько и смотря съ ласкою на Ивана.*)

Бѣдной малой! какъ онъ трудится! по-

смотри онъ замаранною рукою потъ съ лица своего отираетъ. Я дивлюсь, что онъ не броситъ работу и не уйдетъ.

Гр. Николай.

О! этова онъ сдѣлать не смѣетъ.

Доброумъ.

Не смѣетъ?—для чего?

Гр. Николай.

Развѣ вы не знаете, что онъ сынъ нашева Петра, которой живетъ тамъ вонъ близко житницъ?

Доброумъ.

Онъ сынъ ево? этова толстова мужика, которой, какъ мы были на сѣнокосѣ, такъ былъ прилѣженъ и веселъ?

Гр. Николай.

Такъ, такъ; и которой хотѣлъ еще изъ своей кружки меня напоить.

Доброумъ.

Предоброй человѣкъ! а самъ имѣлъ въ томъ такую нужду, потому что тогда было очень жарко.

Гр. Николай.

Да кто бы изъ ево кружки пить сталъ? фуй! подлинно что подлые люди иногда бываютъ въ тягость: грубый рыбакъ нашъ, Фока, всегда подаетъ мнѣ руку, а она у него такая мерзская!

Доброумъ.

Конечно, кожа на его рукахъ отъ рабо-

шы сдѣлалась шолстою, а учшивостямъ свѣшскимъ онъ не научонъ.—Чшобъ шы сказалъ, Графъ, естьли бы башюшка швой всѣхъ эшихъ людей изъ своей деревни выгналъ, а на мѣсто ихъ набралъ бы все чистоплошныхъ и опряшныхъ?

Гр. Николай.

То-шо бы было хорошо!

Доброумъ.

Чшобъ эшо все шакіе люди были, съ коморыми могли бы мы прогуливашься, ходишь къ нимъ въ госши; они бы хорошо были одѣшы, имѣли у себя чисшинькія руки, и слѣдсшвенно не были бы шакъ гнусны и ошврашишельны какъ сіи?

Гр. Николай.

Ахъ! коли бы башюшка эшо сдѣлалъ!

Доброумъ.

Попробуемъ, сшанемъ говоришь ему, можешъ бышь онъ на эшо и согласишся. Хочешь ли?

Гр. Николай.

Хочу, очень хочу!

Доброумъ.

Но—одно мнѣ на умъ приходишъ.

Гр. Николай.

Что шакое?

Доброумъ.

Я думаю, кшожъ въ будущую осень намолошишъ намъ хлѣба? Вишь сіи люди въ

чистинькихъ платьицахъ и съ бѣлинькими ручками сдѣлать этова не могутъ!

Гр. Николай.

О! хлѣба мы можемъ купить сколько намъ надобно.

Доброумъ.

Купить? — да то, на что покупають, деньги то откуда мы возьмемъ? Вить ты знаешь, что прикащикъ всегда къ батюшкѣ твоему приноситъ большой мѣшокъ, когда продастъ хлѣбъ.

Гр. Николай.

Да это правда.

Доброумъ.

А запачканой рыбакъ, когда отнесетъ нѣсколько карповъ на рынокъ, не приноситъ ли также съ собою денегъ?

Гр. Николай.

Да, онъ это дѣлаетъ.

Доброумъ.

А другой запачканой мужикъ, которой всегда на скотномъ дворѣ навозъ нюхаетъ, когда онъ накопитъ нѣсколько кадокъ желтова масла, не достаетъ ли чрезъ то деньги?

Гр. Николай.

Такъ, это правда.

Доброумъ.

И чтобы мы стали дѣлать, естьли бы у насъ денегъ не было? намъ бы надлежало или умереть съ голоду, или милостину просить.

Кому мы тѣмъ обязаны, что не имѣемъ въ этомъ нужды?

Гр. Николай.

Тѣмъ, которые доставляютъ намъ деньги.

Доброумъ.

Слѣдовательно этимъ чорнымъ мужикамъ и работникамъ, этому скотнику и этому рыбаку съ жосткими руками и въ заплачканомъ платьѣ! Могли ли бы сіи бѣлоручки, которыхъ бы мы на мѣсто ихъ набрали, доставать намъ столько какъ они? могли ли бы тѣ работать?

Гр. Николай.

О, нѣтъ! они бы этова не могли.

Доброумъ.

Конечно нѣтъ; ибо ежели бы имъ надлежало ворочать такія глыбы земли, какія вонъ этотъ Иванъ ворочаетъ, то бы они скоро отказались. Помнишь ты; братецъ твой Андрей не успѣлъ три раза ударить молотилкою, какъ уже весь вспотѣлъ и усталъ.

Гр. Николай.

Да, да, это правда, и я не понимаю, какъ простолюдинцы могутъ цѣлой день сносить такую работу,

Доброумъ.

Имъ также не легко, и для того должны мы имъ всячески благодѣтельствовать: однакожъ имъ и не такъ трудно, какъ бы это было намъ, потому что члены ихъ отъ ра-

боты сдѣлались тверже нашихъ, да и пища ихъ тому соотвѣтствуетъ.

Гр. Николай.

О какая худая ветчина со ржавщиною и какой чорной хлѣбъ!

Доброумъ.

Такъ! но притомъ доброй послѣ трудовъ голодъ, которой дѣлаетъ то, что грубая ихъ пища гораздо для нихъ вкуснѣе, нежели для насъ лакомыя наши яства.

Гр. Николай.

Будто!

Доброумъ.

А вотъ ты тотчасъ услышишь. Иванъ рѣшитъ это дѣло. (*Они возвращаются назадъ по дорогѣ, а Иванъ работаетъ*). Богъ помочь, Иванъ!

Иванъ. (*Взглянувъ на нихъ и потомъ опять продолжая работать*).

Спасибо!

Доброумъ:

Чай трудно тебѣ, Иванъ?

Иванъ. (*Смотритъ на него и усмѣхается*).

Трудно?—Нѣтъ, не трудно. (*Продолжаетъ работать.*)

Доброумъ.

Нѣтъ?—Но не лучше ли бы ты желалъ быть на мѣстѣ Графа Николая и по саду прогуливаться?

Иванъ. (*Не смотря на него*).

Нѣтъ, не хочу.

Доброумъ.

А хотѣлъ либъ ты носить такія прекрасныя платья, какъ у маленькаго Графа?

Иванъ.

Нѣтъ, что мнѣ въ нихъ.

Гр. Николай (*тихо къ Доброуму*).

Какъ онъ простъ!

Доброумъ.

Ты бы тогда съ Графомъ вмѣстѣ садился за однимъ столомъ, и ужъ бы вѣрно тамъ сытнѣе наѣдался, нежели здѣсь твоею ветчиною и чорствымъ хлѣбомъ.

Иванъ (*не переставая работать*).

Сытнѣе? нѣтъ.

Гр. Николай.

Какъ онъ глупъ!

Доброумъ.

Ты бы тогда и работать не сталъ.

Иванъ.

Нѣтъ? а чтожъ бы мнѣ дѣлать?

Доброумъ.

Ты бы сталъ то дѣлать, что ты видишь дѣлаетъ Графъ и другіе знатные люди. (*Иванъ смѣется сквозь зубы*) Какъ? ты и этова не хочешь?

Иванъ.

Нѣтъ, я не хочу быть бояриномъ.

Гр. Николай (вынувъ свои часы.)

Не ужъ ли бы ты и этакихъ хорошихъ часовъ не хотѣлъ у себя имѣть.

Иванъ (смотря на нихъ.)

На што мнѣ это?

Гр. Николай.

Узнавать какое на дворѣ время.

Иванъ.

И! да какъ я выду изъ избы, да взгляну на солнышко, такъ все и узнаю.

Доброумъ (примѣтя Графа въ нѣкоторомъ смущеніи).

Такъ ты думаешь, что тебѣ также хорошо жить у твоего отца какъ бы и у Графа въ домѣ?

Иванъ.

Мнѣ дома лучше.

Доброумъ

И ты по этому всегда хочешь оставаться тѣмъ же Иваномъ?

Иванъ.

Да.

Доброумъ.

И отецъ твой также разсуждаетъ?

Иванъ.

Такъ: онъ баитъ: бѣдной человѣкъ да доброй, кали боится Бога да хорошо работаетъ, такъ онъ лучше лихова Царя.

Доброумъ.

Правда твоя, Иванушко; оставайся ты таковымъ съ Богомъ. (*Они съ Графомъ идутъ*

далѣе) Видишь ли, любезный Графъ, какъ довольны и добросердечны сіи бѣдные люди. Не сказалъ ли я тебѣ, что онъ худую пищу свою не промѣняешъ на наши соусы и паштеты? (*Они оглядываются еще на Ивана, которой въ то время поднявъ съ земли ветчину свою и хлѣбъ начинаетъ ѣсть*). Видишь ли какъ онъ алчно кушаетъ!

Иванъ. *(услыша на дворѣ шумъ бѣжитъ тотчасъ туда.)*

Цыцъ! волкибъ тя зарѣзали?—(*А именно онъ увидя сквозь вороты, что большая на цѣпи привязанная собака облапила старшаго Графа Андрюшу, которой ее дразнилъ, бросился туда сломя голову, кинулъ ей хлѣбъ свой съ ветчиною, и собака пустила Графа.*) Не укусилаль она тебя, бояринъ?

Гр. Андрей.

Нѣтъ, нѣтъ; только пожалуй тише, чтобъ никто этова не видалъ.

Доброумъ. *(пришедъ.)*

А для чего бы это, любезной Графъ? — По крайней мѣрѣ будь доволенъ, что Иванъ на этотъ разъ увидѣлъ; ибо между многими можетъ быть никто бы тебѣ такой услуги не оказалъ какъ онъ хлѣбомъ своимъ и ветчиною. Спасибо тебѣ доброй малой!

Иванъ.

Незачто——Вперіодъ бояринъ не дразни, она съѣстъ.

Гр. Андрей.

Правда твоя, Иванъ, правда. (*Отрясываетъ свое платье*).

Гр. Николай. (*обнимая его.*)

Полно не укусила ли она тебя, братецъ?

Гр. Андрей.

Нѣтъ, нѣтъ, будь спокоенъ и не дѣлай по моему. Господинъ Доброумъ, я тотчасъ приду къ вамъ назадъ, только слово скажу Ивану. (*Идетъ къ нему въ садъ*).

Доброумъ. (*съ меньшимъ Графомъ стоя на дворѣ.*)

Ну, Графъ! что ты теперь скажешь о Иванѣ? еще ли онъ тебѣ кажется такъ простъ и гнусенъ, что не льзя на него безъ омерзѣнія смотрѣть?

Гр. Николай.

Ахъ, нѣтъ! я его очень полюбилъ.

Доброумъ.

Онъ это и заслуживаетъ, а съ нимъ вообще всѣ люди, которые обыкновенно также какъ онъ неутомимы въ трудахъ, довольны своимъ состоянiемъ, добросердечны и съ охотою всякому помогаютъ, какъ скоро имѣютъ къ тому случай. Пречестные люди! не больше ли они для насъ трудятся, нежели для самихъ себя?

Гр. Николай.

Ахъ! такъ, это правда.

Доброумъ.

И не должны ли мы за то быть къ нимъ доброжелательны, стараться облегчать ихъ труды и благодарить Бога, что онъ такихъ намъ далъ помощниковъ, которые для насъ больше дѣлаютъ, нежели мы сами?—Конечно, кто презираетъ мужика, или еще дѣлаетъ ему зло, тотъ долженъ быть весьма глупый или весьма злой человѣкъ; глупый, потому что не знаетъ, сколь полезно и достопочтенно сіе состояніе; злой, по тому что собственному благодѣтелю своему вредитъ.—Или не назовемъ мы благодѣтелемъ того, кто намъ благо дѣлаетъ? а сіи добрые и трудолюбивые люди не дѣлаютъ ли намъ ежедневно много добра своими трудами?

Гр. Николай.

Такъ, это подлинно правда. Отнынѣ я ихъ всегда любить буду. (*Между тѣмъ увидя рыбака бѣжитъ къ нему на встрѣчу и подаетъ ему руку*). Здорово, Фока, здорово!

Фока.

Дай тебѣ Господь много лѣтъ здравствовать, кормилецъ мой!—(*Графъ Николай ведетъ его за руку къ надзирателю*).

ВЕСНА.

Сталъ воздухъ синь и тепл, долина зелена,
Лилеи разцвѣтаютъ,
Струи въ брегахъ играютъ.
Пріятная весна,
Какъ дѣва красная ко браку разряженна,
Роскошствуя вездѣ блистаетъ изпещренна.

Желающій ея пріятности вкушать,
Въ поля идетъ избранны.
Въ луга благоуханны,
И сѣвши отдыхать
Подъ тѣнью тамъ древесъ, гордящихся ли-
стами,
Восхвалитъ Господа и сердцемъ и устами.

НАТАША.

Наташа всѣхъ превосходила
Чрезмѣрной рѣзвостью дѣтей,
И что ей мать ни говорила,
Безъ пользы было то для ней.

Играть однажды въ жмурки стала
И какъ мужикъ она блажной
По стульямъ, по столамъ скакала,
Кричала бѣгая: гей, гой!

Лице ея какъ уголь горѣло
И потъ съ нее ручьями лилъ,
Въ ней сердце билось и кипѣло,
Дышать почти не стало силъ.

Тихонько такъ она уходитъ,
Оставя на часокъ игру,
И воду свѣжую находитъ,
Чѣмъ жажду утолить въ жару.

Сладка ей кажется водица!
Но братъ Петруша въ слѣдъ за ней
Бѣжитъ крича: постой сестрица!
Я матушкѣ скажу, не пей!

Она рукою погрозила,
И воду выпивъ всю со льдомъ,
Бѣда твоя, проговорила,
Коль скажешь ты кому о томъ.

Петруша самъ не вѣдалъ много,
За что бранитъ за это мать.
И не судя объ этомъ строго,
Направилъ ноги вновь скакать.

На завтра тотчасъ онъ приходитъ
Наташу видѣть по утру;
Но ахъ, въ коль жалостномъ находитъ
Онъ состояніи сестру!

Бѣдняшка вопитъ со слезами,
Ни сѣсть ни лечь ей не даетъ,
Какъ будто острыми иглами
Ее кто колетъ, такъ ревет!

Петруша побѣжалъ стоная,
Тоску свою онъ въ садъ понесъ,
Тамъ руки къ верьху воздѣвая
Онъ проситъ помощи съ небесъ.

Межъ тѣмъ лѣкарство составляютъ,
Наташѣ въ ложкѣ подаютъ;
Къ нещастію не помогаютъ
Ни прозьбы ни угрозы тутъ:

Она ту ложку прочь толкая
Кричитъ лишь: горько! нѣтъ! ой нѣтъ!
Мать тщетно говоритъ ласкаяː
Принудь себя, прими, мой свѣтъ!

И лѣкарь какъ ни ублажаетъ,
То посулитъ здоровье ей,
То смертью злою угрожаетъ,
Не слушаетъ его рѣчей!

Болѣзнь межъ тѣмъ усугублялась,
И ахъ! на утренней зарѣ,
Наташа бѣдная скончалась
Лежала мертвая въ одрѣ!

Тогда Петруша вдругъ вбѣгаетъ;
Сестру зря блѣдну предъ собой,
На тѣло съ крикомъ упадаетъ,
И тутъ же вѣкъ кончаетъ свой.

Тѣла ихъ вмѣстѣ положили,
И надъ могилой сдѣланъ знакъ.
Сіе отъ Лейпцига съ полъ мили;
Кто ѣдетъ мимо, видитъ всякъ.

ДѢТСКІЕ РАЗГОВОРЫ,

толкующіе о вещахъ, умствованіемъ постигаемыхъ, и служащіе пищею разуму.

РАЗГОВОРЪ I.

О томъ что такое тѣло.

Дитя.

Батюшка! я спросилъ севодни у дядюшки, что такое мѣсяцъ? а онъ мнѣ сказалъ: тѣло. Я не могу этова понять. Мѣсяцъ совсѣмъ не похожъ на человѣка, а мнѣ кажется тѣло только у человѣка бываетъ.

Отецъ.

Нѣтъ, мой другъ, дядюшка правду сказалъ. Надобно только тебѣ выучиться разумѣть, что такое тѣло.

Дитя.

Да какъ же я это сдѣлаю?

Отецъ.

Послушай прилѣжно, такъ я тебѣ растолкую. Всѣ тѣ вещи называются тѣлами, которыя можно глазами видѣть, и рукою ощупать. Ты самъ себя можешь видѣть и щупать или осязать: и такъ ты—

Дитя.

Тѣло!

Отецъ.

Да, тѣло. А вонъ этотъ камень, который тамъ лежитъ, тѣло ли онъ?

Дитя.

Я думаю.

Отецъ.

Можешь ли ты его видѣть?

Дитя.

Могу.

Отецъ.

А рукою осязать или пощупать?

Дитя.

И то могу.

Отецъ.

Итакъ камень есть тѣло. Далѣе: вонъ это дерево, которое тамъ стоитъ, можешь ли ты его видѣть?

Дитя.

Могу.

Отецъ.

А щупать?

Дитя.

Также могу.

Отецъ.

Слѣдовательно и дерево также есть —

Дитя.

Тѣло.

Отецъ.

Теперь станемъ говорить о мѣсяцѣ. Можешь ли ты его видѣть?

Дитя.

Какъ же, я по ночамъ всегда его вижу на небѣ.

Отецъ.

А можешь ли ты осязать, пощупать, дотронуться до него рукою?

Дитя.

Нѣтъ, этова я не могу.

Отецъ.

Для чего не можешь? для того что онъ отъ насъ далекъ, такъ ли? но ежели бы ты могъ подойти къ нему близко, то бы и ощупать его могъ, точно также, какъ можешь ощупать землю, на которой ты стоишь. — Вонъ, на примѣръ, этотъ домъ: ты видишь его, но можешь ли до него дотронуться?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Для чего нѣтъ?

Дитя.

Для того, что онъ далеко отселѣ.

Отецъ.

Чтожъ? не ужъ ли для этова ты не сочтешь его тѣломъ?

Дитя.

Сочту, потому что естьли бы я тамъ подлѣ него былъ, такъ могъ бы до него дотронуться.

Отецъ.

Такъ, ты справедливо разсуждаешь. Равнымъ образомъ естьли бы ты и подлѣ мѣсяца былъ, то также могъ бы до него дотронуться; но туда не можемъ мы взойти.

Дитя.

Для чегожъ не можемъ?

Отецъ.

Для того, что между нами и мѣсяцомъ ничего нѣтъ, кромѣ воздуху; а по воздуху мы летать не можемъ.

Дитя.

Какъ жаль; о кабы это можно было!— Но что такое воздухъ?

Отецъ.

Воздухъ есть также тѣло.

Дитя.

И! батюшка, вы надо мною шутите! вить я не могу видѣть воздуха.

Отецъ.

Правда; но ты можешь его осязать или ощущать.

Дитя.

Извините, батюшка сударь, я и этова не могу.

Отецъ.

Не можешь? дай мнѣ свою руку. (*Онъ дуетъ на нее*). Ощущаешь ли ты что нибудь?

Дитя.

Ощущаю вѣтръ.

Отецъ.

Вѣтръ этотъ не иное что, какъ воздухъ, которой я изо рту на твою руку пускаю: ты можешь его ощущать, а потому и онъ—

Дитя.

Долженъ быть тѣло.

Отецъ.

Но вотъ здѣсь тѣнь моя; видишь ли ты ее?

Дитя.

Вижу.

Отецъ.

А можешь ли осязать ее, взять руками?

Дитя.

Я посмотрю. (*Хватаетъ тѣнь*). Нѣтъ, батюшка, я не могу ее осязать.

Отецъ.

Стало быть тѣнь не есть тѣло.

Дитя.

Чтожъ она такое?

Отецъ.

Тѣнь собственно есть ничто, одно только пятно или мѣсто, на которое свѣтъ не падаетъ, для того, что какое нибудь тѣло заслонетъ его отъ онаго—Помниже: все то, что ты видѣть и ощупать, особливоже что ощупать можешь, когда ты стоишь подлѣ, все то есть тѣло. И такъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, птицы, деревья, камни и проч. все это тѣла, потому что ты всѣхъ ихъ видѣть, и коли близко стоишь, то и ощупать или осязать можешь.

Дитя.

Батюшка, я выдумалъ загадку!

Отецъ.

Какую? скажи.

Дитя.

Что такое, что мы видѣть можемъ, а ощупать нѣтъ, хоть бы подлѣ стояли?

Отецъ.

Очень хорошо! это должна быть тѣнь.

Дитя.

Ахъ, батюшка! вы отгадали. Ну теперь побѣгу я къ сестрицѣ Варинькѣ и ей загадаю. Какъ она станетъ надъ этимъ голову ломать!

РАЗГОВОРЪ II.

О разности между словами человѣкъ и существо.

Отецъ.

Васинька, что ты такое?

Дитя.

Я человѣкъ, батюшка.

Отецъ.

А что такое человѣкъ?

Дитя.

Человѣкъ есть—человѣкъ есть—

Отецъ.

Чтожъ такое? я вижу ты не можешь найти приличнаго слова.

Дитя.

Человѣкъ есть—я право не знаю какъ бы это сказать.

Отецъ.

Ну ежели ты скажешь: человѣкъ есть дерево?

Дитя.

Извините, батюшка: человѣкъ не дерево.

Отецъ.

Или вещица—можноли сказать: человѣкъ есть вещица?

Дитя.

Нѣтъ, батюшка; я человѣкъ, но я не вещица.

Отецъ.

Ну! инъ вещь?—человѣкъ есть вещь? каково тебѣ это кажется.

Дитя.

И это кажется не хорошо.

Отецъ.

Такъ я тебѣ скажу слово, которое ты въ

разговорахъ употреблять можешь: *существо.* Человѣкъ есть существо.

Дитя.

Существо—существо—я этова не разумѣю.

Отецъ.

Видишь, мой другъ, когда мы чему нибудь такому, что мы видимъ или слышимъ, не умѣемъ дать настоящаго имени, то называемъ это вещію. Напримѣръ ты бы увидѣлъ соху въ полѣ, и не зналъ какъ ее назвать, тогда бы ты спросилъ: какая это вещь? также употребляется слово сіе для сокращенія разговоровъ: напримѣръ, естьли бы на столѣ у тебя лежали книги, яблоко, часы, перстень, карандашь, ножичекъ и проч, и ты бы захотѣлъ приказать все это спрятать; тогда, вмѣсто чтобъ каждую изъ сихъ вещей называть по имени, ты бы гораздо короче сказалъ дядькѣ своему: спрячь эти вещи. Но для того то, что все, даже и самое презрительное, можно называть вещію, слово сіе становится низко, и не приличествуетъ, чтобъ прилагать оное къ человѣку; и какъ слово существо тожъ самое означаетъ, что и вещь, того ради лучше говорить: человѣкъ есть существо, нежели человѣкъ есть вещь. Итакъ человѣкъ есть существо, но какое существо?

Дитя.

Живое.

Отецъ.

И кошка также жива; не ужъ ли же кошка человѣкъ?

Дитя.

И! батюшка.

Отецъ.

Почемужъ не такъ, мой другъ?

Дитя.

Она совсѣмъ не похожа на человѣка.

Отецъ.

Это правда; но и люди не точно одинъ на другаго похожи; и такъ одного вида для различенія сего не довольно, — Какъ называется все то, что мы у человѣка видимъ— голова его, шея, грудь, брюхо, ноги, и однимъ словомъ все?

Дитя.

Тѣло-человѣческое.

Отецъ.

А какъ называется то невидимое живое существо, которое въ этомъ тѣлѣ живетъ, и само тѣло дѣлаетъ живымъ?

Дитя.

Душа.

Отецъ.

Чтожъ ежели мы скажемъ: человѣкъ есть существо животное, составленное изъ души и тѣла?

Дитя.

Будетъ очень хорошо.

Отецъ.

Но у кошки есть ли тѣло?

Дитя.

Есть.

Отецъ.

А душа?

Дитя.

Этова я не думаю.

Отецъ.

Для чегожъ нѣтъ? развѣ кошечье тѣло не такоеже живое, какъ наше? и развѣ нѣтъ въ немъ также невидимаго живаго существа, или души, которая сіе тѣло ея дѣлаетъ живымъ?

Дитя.

Да, это правда.

Отецъ.

Стало быть кошка есть также живое существо, составленное изъ души и тѣла? стало быть все равно, что кошка, что человѣкъ?—ты онѣмѣлъ, мой другъ, Васинька! не знаешь что отвѣчать? послушай, я тебѣ скажу въ чемъ состоитъ разность. Какъ ты думаешь, въ состояніи ли кошка, подобно намъ, о чемъ нибудь разсуждать? можетъ ли она понять, какъ ты теперь понялъ, что такое существо?

Дитя.

Нѣтъ, этова она не можетъ.

Отецъ.

Сіе то самое дѣлаетъ, что она имѣетъ *неразумную*, а мы имѣемъ *разумную* душу.

Дитя.

Ахъ! теперь я знаю какъ сказать, когда у меня спросятъ: что такое человѣкъ?

Отецъ.

Какъ же ты скажешь?

Дитя.

Я скажу: человѣкъ есть живошное существо, состоящее изъ тѣла и разумной души.

Отецъ.

Вотъ это такъ! тогда всякой различитъ человѣка отъ кошки.

Дитя.

Но бываютъ ли другія существа, кромѣ человѣка и кошки?

Отецъ.

Другъ мой, мы можемъ всѣ вещи назвать существами, хотя бы онѣ нимало другъ на дружку не походили. Напримѣръ, человѣкъ совсѣмъ не то, что дерево; а дерево совсѣмъ не то, что камень; однако всѣхъ ихъ можно называть существомъ, для того что все то есть существо, что въ свѣтѣ находится или существуетъ.

Дитя.

Стало быть и звѣрей можно также называть существами?

Отецъ.

Конечно можно.

Дитя.

А цвѣты?

Отецъ.

И ихъ также.

Дитя.

Хорошо, я этова не забуду, и когда какой вещи не буду умѣть назвать, то назову ее существомъ.

Отецъ.

Такъ, моя душа! поцѣлуй же за это меня, ты мое милое существо!

РАЗГОВОРЪ III.

О томъ что такое часть.

Отецъ.

Петруша всѣ ли ты части тѣла своего знаешь?

Дитя.

Да я не знаю, батюшка, что такое часть.

Отецъ.

Я тебѣ тотчасъ это растолкую. Посмотри, вотъ яблоко: я разрѣжу его по поламъ. Теперь ты видишь два куска, или двѣ половины: одинъ изъ сихъ кусковъ можно ли назвать цѣлымъ яблокомъ?

Нѣтъ оба они дѣлають цѣлое яблоко.

Отецъ.

Хорошо. Сіи то самые куски и называются частями. На сколько частей я разрѣзалъ яблоко?

Дитя.

На двѣ части.

Отецъ.

Могу ли я сіи двѣ части разрѣзать еще на многія части? на примѣръ, ежели я каждой изъ сихъ двухъ кусковъ разрѣжу по поламъ сколько будетъ кусковъ?

Дитя.

Четыре.

Отецъ.

Хорошо. Итакъ яблоко это, которое было цѣлое, разрѣзано теперь на четыре куска; каждой такой кусокъ называется часть, и всѣ четыре части, когда мы ихъ сложимъ вмѣстѣ, составять цѣлое яблоко. Примѣчай же, мой другъ, что такимъ образомъ всѣ тѣла дѣлить можно, и ты самъ, то есть твое тѣло, также имѣетъ части.

Дитя.

Какъ, батюшка? да естьли мое тѣло разрѣзать на части, такъ я умру.

Отецъ.

Для различенія сихъ частей нѣтъ никакой надобности въ самомъ дѣлѣ отдѣлять ихъ. Я

для того разрѣзалъ яблоко, чтобъ яснѣе тебѣ растолковать, и дать увидѣть то глазами, что ты послѣ и умомъ понять можешь. Вотъ другое цѣлое яблоко; оно не разрѣзано; можемъ ли мы его также разрѣзать?

Дитя.

Конечно можемъ.

Отецъ.

Стало быть можемъ и не разрѣзывая его знать, что оно имѣетъ части, которыя бы мы тотчасъ глазами своими увидѣли, когдабъ разрѣзали оное.

Дитя.

Да, это правда.

Отецъ.

Сверхъ того есть тѣла, у которыхъ нѣкоторыя части сами по себѣ отдѣляются и довольно примѣтны. Взгляни на меня: ты видишь голову мою, шею, руки, ноги: это части моего тѣла. Ни которая изъ сихъ частей, одна особо отъ другихъ, не составляетъ цѣлаго тѣла моего, подобно какъ отрѣзанной отъ яблока кусокъ не составляетъ цѣлаго яблока. На примѣръ голова моя—составляетъ ли она все мое тѣло?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Однако она есть часть человѣческаго тѣла, потому-что принадлежитъ къ оному.

Могу ли я руку мою назвать всѣмъ моимъ тѣломъ?

Дитя.

Нѣтъ, но она принадлежитъ къ вашему тѣлу.

Отецъ.

Слѣдовательно она есть часть моего тѣла. Тожъ разумѣется и о другихъ частяхъ или членахъ онаго, какъ-то: голова, носъ, глаза, уши, плечи, грудь, брюхо, ноги и проч. Но какъ части нашего тѣла не всѣ одинаковы, того ради нѣкоторыя изъ нихъ называются *жидкими*, а другія *твердыми*: знаешь ли ты что жидкое, и что твердое тѣло?

Дитя.

Не знаю хорошенько.

Отецъ.

Послушай же. Я сказалъ тебѣ, что всѣ тѣла можно раздѣлять. Вотъ стоитъ блюдо съ водою. Смотри: я стану ножикомъ разрѣзывать воду, примѣчаешь ли ты, чтобъ она разрѣзалась на куски, какъ давишнее яблоко?

Дитя.

Нѣтъ! она все таковаже, какъ и была.

Отецъ.

Это отъ тово, что части, которыя отдѣляю я ножемъ, опять вмѣстѣ соединяются: вотъ по этому можешь ты узнать всякое жидкое тѣло. Что само собою опять соединяется, когда раздѣлено будетъ, то назы-

вается жидкимъ; а что будучи раздѣлено, остается раздѣленнымъ, то называется твердымъ. На примѣръ: ежели я возму кусокъ дерева, и разрѣжу или расколю его по поламъ, то будетъ два куска; они не сольются опять вмѣстѣ, какъ вода; вотъ почему познается твердое тѣло. Ну! теперь и о другихъ вещахъ можешь ты сказать, которая изъ нихъ твердая, и которая жидкая. На примѣръ уксусъ жидкое или твердое тѣло?

Дитя.

Жидкое.

Отецъ.

Пиво?

Дитя.

Жидкое.

Отецъ.

Сахаръ?

Дитя.

Твердое.

Отецъ.

Кровь?

Дитя.

Жидкое,

Отецъ.

Кости?

Дитя.

Твердое.

Отецъ.

Слезы?

Дитя.

Жидкое.

Отецъ.

Кожа?

Дитя.

Твердое.

Отецъ.

Изъ какихъ же частей состоитъ тѣло твое? изъ твердыхъ или изъ жидкихъ?

Дитя.

Изъ твердыхъ и жидкихъ.

Отецъ.

А можетъ ли одно и тожъ тѣло быть иногда жидкое, иногда твердое?

Дитя.

Мнѣ кажется нѣтъ.

Отецъ.

Для чего жъ нѣтъ, мой другъ, масло коровье когда оно растоплено, есть жидкое тѣло; а когда опять застынетъ, то и сдѣлается твердымъ. Золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ, и многія другія твердыя вещи, также растопляться могутъ.

РАЗГОВОРЪ IV.

О словѣ признакѣ.

Дитя.

Батюшка, сударь! вы мнѣ говорите, чтобъ я привыкалъ всегда размышлять, ког-

да что вижу или слышу; скажите, да о чемъ же я размышлять стану?

Отецъ.

Обо всемъ, мой другъ; малоли что тебѣ узнать надобно! когда ты что нибудь видишь или слышишь, что для тебя ново, или чего ты не знаешь хорошенько, то и подумай самъ въ себѣ: что это такое? изъ чего это состоитъ? какую приноситъ это пользу? и такъ далѣе. До чего самъ добраться не можешь, о томъ спроси у тѣхъ, которые тебя постарѣе и посвѣдущѣе: любопытствомъ пріобрѣтаются знанія.

Дитя.

Вотъ я и этова хорошенько не знаю, что такое любопытство.

Отецъ.

Любопытствомъ называется склонность, охота добираться, доспрашиваться, узнавать все то, чего мы не знаемъ. Любопытствовать значитъ любить испытывать.

Дитя.

А что такое пріобрѣтать знанія? какимъ образомъ это дѣлается?

Отецъ.

Знанія или свѣдѣнія пріобрѣтаются чрезъ подробное разсматриваніе вещей. Мы тогда только прямо знаемъ вещь, когда можемъ ее отъ всѣхъ другихъ вещей отличать. Напримѣръ, вотъ цѣлая корзина разныхъ плодовъ:

можешь ли ты изъ этой кучи выбрать яблоко, называемое барштапелемъ?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Это отъ тово, что ты не знаешь сего рода яблоковъ, то есть тебѣ неизвѣстны *признаки*, по которымъ бы ты ихъ отъ другихъ яблоковъ отличать могъ. Но между сими плодами есть также и груши: знаешь ли ты грушу?

Дитя.

Знаю.

Отецъ.

Покажи мнѣ ее.

Дитя.

Вотъ груша, вонъ и другая.

Отецъ.

Почему же ты знаешь, что это груша, а не яблоко?

Дитя.

Потому что она непохожа на яблоко.

Отецъ.

А мнѣ кажется похожа: яблоко зелено, и груша зелена.

Дитя.

Да! но яблоко кругло, а груша продолговата и къ концу остра.

Отецъ.

Хорошо! стало быть ты по нѣкоторо-

му признаку, по нѣкоторой примѣтѣ, различаешь грушу отъ яблока, а именно по виду, или образу. Груши имѣютъ иной видъ, иной образъ, не такой какъ яблоко. Но когда бы груши положишь вмѣстѣ съ фигами, тогда бы этотъ признакъ не годился, потому что фиги также продолговаты и остры къ концу, какъ груши. Въ такомъ случаѣ для различія ихъ надлежало бы тебѣ прибѣгнуть къ другому признаку, а именно къ цвѣту, для того что свѣжія фиги имѣютъ темный, а груши зеленой или желтый цвѣтъ. Сдѣлаемъ еще примѣрецъ: вотъ три лѣнты: пускай одна изъ нихъ будетъ твоя, другую я возму себѣ, а третья пусть принадлежитъ маленькому твоему братцу. Смотри я ихъ перемѣшалъ: узнаешь ли ты теперь свою?

Дитя.

Вотъ она.

Отецъ.

Почему ты узналъ?

Дитя.

Потому что она красная, а обѣ другія не красныя.

Отецъ.

Хорошо, стало быть красной цвѣтъ служилъ тебѣ примѣтою или признакомъ. Но возмемъ теперь три красныхъ лѣнты, одну я, другую ты, а третью дадимъ брату. Я перемѣшаю ихъ; выбери свою.

Дитя.

Вотъ она.

Отецъ.

Почему ты знаешь? вить онѣ всѣ три красныя.

Дитя.

Потому что моя длиннѣе.

Отецъ.

Изрядно; стало быть теперь длина послужила тебѣ примѣтою или признакомъ. Далѣе вотъ два лоскутка, оба равной величины и оба голубые; но этотъ шерстяной, а этотъ шолковой; погладь ихъ рукою, не примѣчаешь ли ты какой между ими розницы?

Дитя.

Примѣчаю.

Отецъ.

Дай же я ихъ перемѣшаю—на! узнай теперь, которой шерстяной, и которой шолковой.

Дитя.

Вотъ этотъ шолковой, а этотъ шерстяной.

Отецъ.

Какъ же ты это узналъ?

Дитя.

Шолкокой мягче и глаже, а шерстяной суровѣе.

Отецъ.

Очень хорошо. И такъ мы не однимъ

зрѣніемъ, но также и осязаніемъ можемъ замѣчать признаки, по которымъ распознавается одна вещь отъ другой. Ну еще нѣчто: вотъ стоятъ три бутылки, въ одной изъ нихъ вино, а въ другой уксусъ, въ третьей вода. Бутылки всѣ три, какъ ты видишь, величиною равны и цвѣтомъ одинаковы. Какова цвѣту въ нихъ напитокъ, этова ты сквозь бутылку примѣтить не можешь. Какъ же ты узнаешь, въ которой изъ нихъ вино, въ которой уксусъ, и въ которой вода?

Дитя.

Я отвѣдаю.

Отецъ.

Такъ, мой другъ, ты по вкусу доберешься до этова; но знаешь ли ты какой вкусъ имѣетъ вино, и какой уксусъ?

Дитя.

Знаю: уксусъ всегда киселъ, а вино бываетъ иногда сладкое, иногда крѣпкое.

Отецъ.

Хорошо; и такъ ты отвѣдавъ, и зная вкусъ вина, уксуса и воды, по симъ признакамъ будешь умѣть различать ихъ одно отъ другаго. Но положимъ, что ты не смѣешь отвѣдать, а между тѣмъ хочешь узнать, что въ которой бутылкѣ налито: какъ же ты до этова доберешься?

Дитя.

Естьли отвѣдать не смѣю, такъ и узнать не могу.

Отецъ.

Я скажу тебѣ еще одинъ признакъ: ты можешь это узнать по обонянію: вино имѣетъ отмѣнной запахъ отъ уксуса, а вода ничѣмъ не пахнетъ. — Знаешь ли ты братца своего Митюшу?

Дитя. (*смѣясь*)

Какъ же не знать батюшка.

Отецъ.

А почему же ты его узнаешь?

Дитя.

По лицу.

Отецъ.

Такъ, мой другъ, и хотя бы пятнатцать другихъ дѣтей стояли предъ тобою, ты ни одного изъ нихъ не примешь за братца твоего Митюшу, для того что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ точно такова лица: стало быть въ лицѣ его находишь ты такіе примѣты или признаки, по которымъ можешь различать оное отъ лицъ другихъ дѣтей. Такимъ же образомъ и во всякой вещи должно искать признаковъ, отличающихъ ее отъ другихъ вещей. Когда ты какую вещь отъ всѣхъ другихъ отличать можешь, такъ это называется что ты имѣешь о ней хорошее понятіе, то есть хорошо ее знаешь. Теперь посмот-

римъ, умѣешь ли шы находишь признаки: вошъ десять каршъ, замѣшь изъ нихъ одну, вошъ эшу: сыщи признаки, по которымъ бы шы ее ошъ прочихъ ошличишь могъ. Завшра я у шебя спрошу какая эшо карша, и шы мнѣ ее изъ десяши выбери.

РАЗГОВОРЪ V.

О словѣ свойство.

Дишя.

Башюшка! я никогда не видывалъ свойсшвъ, а часшо слыхалъ, что Богъ превосходныя и ни съ чѣмъ несравненныя свойсшва имѣешъ: желалъ бы я на нихъ посмошрѣшь.

Ошецъ.

Божьихъ свойсшвъ, мой другъ, видѣшь не льзя, шакже какъ и самаго Бога, создашеля нашего, пошому что онъ не шѣло, а духъ. Однѣ шолько шѣла, и свойсшва шѣлъ видѣшь можно.

Дишя.

Да что шакое свойсшво?

Ошецъ.

Я анагдась сказывалъ шебѣ, что шы при всякой вещи кошорую видишь, или о кошорой слышишь, долженъ сшарашься замѣчашь въ ней шо, чѣмъ бы шы ее ошъ другихъ вещей различишь могъ: помнишь ли шы эшо?

Дитя.

А! помню; признакъ.

Отецъ.

Хорошо, мой другъ, что ты помнишь: итакъ когда ты въ какой нибудь вещи замѣтишь чѣмъ она отъ другихъ вещей отличается, то и старайся узнать, всегда ли это видимое тобою неразлучно, или только на время и случайно сопряжено съ нею. Естьли ты тожъ самое всегда въ ней находишь будешь, такъ это ея свойство, и ты по этому признаку вѣрно узнавать ее можешь. А буде ты не всегда въ ней тожъ самое находишь станешь, такъ это не есть ея свойство, и не такой вѣрной признакъ, на которой бы ты въ узнаваніи ее полагаться могъ. Я растолкую тебѣ это примѣрами. Вотъ два тѣла—ты знаешь, что тѣломъ называется то, что ты видѣть и осязать можешь—одно изъ нихъ есть кусокъ кожи, а другое кусокъ дерева, умѣешь ли ты различить ихъ? покажи, которое кожа, и которое дерево?

Дитя.

Вотъ это кожа, а это дерево.

Отецъ.

Почему ты это знаешь?

Дитя.

Вы мнѣ сказали.

Отецъ.

Это не годится. По этому когда ты уви-

дишь гдѣ кожу вмѣстѣ съ деревомъ и никого не случится, кто бы тебѣ объ нихъ сказалъ, то ты и не будешь знать что кожа и что дерево? надобно самому въ каждомъ тѣлѣ отыскивать признаки, то есть примѣчать, въ чемъ оно отъ другихъ тѣлъ различествуетъ: такъ ли тебѣ кажется кожа какъ дерево, а дерево какъ кожа?

Дитя.

Нѣтъ: кожа сѣрая, а дерево бѣлое.

Отецъ.

Стало ты по цвѣту или краскѣ различаешь сіи два тѣла; но достаточенъ ли этотъ признакъ для всегдашняго различенія оныхъ? всякая ли кожа всегда бываетъ сѣрая, и всякое ли дерево всегда бываетъ бѣлое?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Ну такъ по этому признаку и не узнаешь ихъ. Отсюду заключить можешь, что сѣрой цвѣтъ не есть свойство кожи, и бѣлой цвѣтъ не есть свойство дерева, потому что тѣла сіи не всегда таковы бываютъ. Вотъ я тебѣ покажу другіе два кусочка: они оба бѣлые. Теперь ты и не узнаешь, которой изъ нихъ кожа, которой дерево. Но возми ихъ въ руки, можетъ быть ты найдешь въ нихъ нѣчто такое, почему легко различать ихъ бу-

дешь. Ну чувствуешь ли ты между ими какую разность?

Дитя.

Да! дерево жостко, а кожа мягка.

Отецъ.

Вотъ этотъ признакъ лучше перваго; но я тебѣ еще нѣчто покажу: смотри, кожу могу я гнуть и мять, а дерево нѣтъ. Тожъ самое примѣчается почти во всѣхъ родахъ кожъ, и во всѣхъ родахъ деревъ: итакъ это есть свойство кожъ, что они гнутся, и свойство деревъ, что они не гнутся, какіебъ то нибыли, сѣрые или бѣлые, чорные или красные. Взгляни на бѣдняжку брата своего: онъ теперь нездоровъ и блѣденъ; но всегда ли онъ бываетъ блѣденъ?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Стало быть это не свойство его, потому что не всегда съ нимъ бываетъ. И такъ блѣдность брата твоего не есть такое обстоятельство, которое бы тебѣ къ узнанію его всегда вѣрнымъ признакомъ служить могло. Но какіе у него волосы?

Дитя.

Чорные:

Отецъ.

Всегда ли они черны?

Дитя.

Всегда.

Отецъ.

Стало быть это есть свойство его волосъ, и признакъ, по которому ты его отъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ въ домѣ у насъ живущихъ людей, отличать можешь, потому что нѣтъ ни у ково такихъ чорныхъ волосъ, какъ у него. Еще одно: братъ твой всегда веселъ: слѣдовательно веселый нравъ есть свойство его, потому что онъ всегда, почти во всякое время, веселъ бываетъ. Такимъ образомъ всякая вещь имѣетъ свои свойства. Человѣкъ имѣетъ тѣлѣсныя и душевныя свойства: онъ прекрасенъ, онъ силенъ или крѣпокъ, онъ толстъ и прочее: это его тѣлѣсныя свойства. Онъ разуменъ, онъ прилѣженъ, онъ милосердъ и прочее: это его душевныя свойства. Богъ имѣетъ также свойства: онъ благъ, премудръ, онъ всевѣдущъ, то есть все вѣдаетъ; онъ всемогущъ, то есть все можетъ, что хочетъ; онъ всѣхъ на свѣтѣ вещей творецъ, господь и обладатель. Всякая вещь и существо имѣетъ хорошія и худыя свойства: Богъ одинъ совершенно благъ, совершенно щедръ, совершенно милосердъ, совершенно премудръ, и такъ далѣе. О сихъ то свойствахъ божіихъ слышалъ ты, что онѣ превосходны и ни съ чѣмъ несравненны.

РАЗГОВОРЪ VI.

О сходствѣ и несходствѣ, или о подобіи и различіи.

Дитя.

Батюшка! позвольте мнѣ у васъ нѣчто спросить.

Отецъ.

Спроси, мой другъ, и всегда, когда захочешь, спрашивай: мнѣ очень пріятно видѣть въ тебѣ охоту узнавать то, чего ты еще не знаешь.

Дитя.

Что такое *различіе?*

Отецъ.

Напередъ скажи мнѣ, знаешь ли ты что такое *сходство* или *подобіе?*

Дитя.

Нѣтъ; и этова я не знаю.

Отецъ.

Ну такъ по крайнѣй мѣрѣ знаешь ты что такое *свойство?*

Дитя.

Да, это я знаю: вы вчера мнѣ объ этомъ толковали.

Отецъ.

Примѣчай же: когда одна вещь имѣетъ одинакія свойства съ другою, тогда сіи вещи называются сходными или подобными между собою; а когда одна вещь имѣетъ

Всегда.

...кія, какъ другая, тогда сіи ...ися несходными.

Дитя.

Ста...
волосъ
отъ

Отецъ.

...ютъ здѣсь въ горницѣ шесть стульевъ: ...немъ изъ нихъ два, и чтобъ тебѣ лучше ...дѣть, поставимъ ихъ рядомъ. Ну скажи: точно ли похожи они одинъ на другаго?

Дитя.

Мнѣ кажется точно похожи.

Отецъ.

И я тожъ думаю: смотри, этотъ изъ краснова дерева, и этотъ также: у этова чорная подушка, и у этова также: какъ этотъ высокъ, такъ и этотъ: однимъ словомъ каковъ одинъ, таковъ и другой. Что же ты примѣчаешь въ сихъ стульяхъ, *сходство* или *различіе*?

Дитя.

Сходство.

Отецъ.

Хорошо. Теперь я принесу скамейку и поставлю подлѣ стула: похожъ ли стулъ на скамейку?

Дитя.

Совсѣмъ нѣтъ!

Отецъ.

Почему?

у что у стула есть спинка и
., а у скамейки этова нѣтъ.

Отецъ.

Такъ, мой другъ, это дѣлаетъ различіе между стуломъ и скамейкою. Ну еще одно, вотъ стоятъ два стола: какъ они тебѣ кажутся, сходными или различными?

Дитя.

О батюшка, они очень между собою различны!

Отецъ.

Въ чемъ же?

Дитя.

Этотъ круглой, а тотъ четвероугольной.

Отецъ.

Очень хорошо; но въ тожъ время и не малое сходство примѣчаемъ мы между ими: оба они одинаковой высоты, оба на четырехъ ножкахъ, оба деревянные, во всемъ этомъ они сходны, а только разнятся образомъ или видомъ досокъ, изъ которыхъ они сдѣланы. Такое же вмѣстѣ и сходство и различіе можемъ мы видѣть во многихъ вещахъ, напримѣръ въ деньгахъ: вотъ двѣ деньги, сходны ли онѣ, или различны между собою?

Дитя.

Различны.

Отецъ.

А мнѣ кажется сходны, для того что

у этой такая же величина какъ у той, эта круглая и та круглая.

Дитя.

Да; но эта желтая, а та бѣлая.

Отецъ.

Правда; итакъ онѣ различествуютъ цвѣтомъ своимъ, то есть цвѣтомъ состава или вещества своего: ты вить знаешь какъ это желтое вещество называется?

Дитя.

Золото.

Отецъ.

А это бѣлое?

Дитя.

Серебро.

Отецъ.

Слѣдовательно сіи двѣ деньги образомъ и величиною подобны или сходны между собою, а краскою или цвѣтомъ?—

Дитя.

Несходны.

Отецъ.

Или, что тожъ самое, различны.

БѢДНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ И ЕГО СЫНЪ.

Былъ нѣкто добрый гражданинъ,
Но въ бѣдности ему велѣла жить судьбина;
Лишась жены остался онъ одинъ,
Имѣя маленькаго сына.

Надежды нѣтъ у нихъ и ни кого родни;
Отецъ недуженъ, старъ, слабѣетъ,
Сынъ малъ еще и силъ работать не имѣетъ:
Въ такомъ нещастіи текутъ ихъ злые дни.
Отколь ждать помощи, какъ только не отъ неба?
Нещастный сей отецъ
Увидя наконецъ,
Что до послѣдняго уже доходитъ хлѣба,
Проливши слезный токъ,
Въ дрожащи хлѣбъ сей принялъ руки,
И сокрывая стонъ и муки,
Отрѣзалъ сыну ломотокъ.
Дитя хоть голодъ ощущаетъ,
Но скорбь отцову примѣчаетъ:
Великодушіе и въ дѣтяхъ есть:
Сей мальчикъ самъ себя превозмогаетъ
И говоритъ отцу, что онъ не хочетъ ѣсть.
Сыновняго къ себѣ почтенія свидѣтель,
И видя въ младости такую добродѣтель,
Ктобъ, будучи отцемъ, и въ бѣдности своей
Не пролилъ радостныхъ слезъ токи изъ очей?
Возьми, мой другъ, возьми, отецъ ему вѣщаетъ
И рѣжетъ для себя отъ хлѣба ломть другой....
Какое зрѣлище ихъ очи поражаетъ!
Какое чудо видятъ предъ собой!
Изъ хлѣба сыплются вдругъ деньги.—И какія?
Большою частью золотыя.
Отецъ оцѣпенѣлъ,

Когда сіе узрѣлъ;
Что это! вопіетъ смущенно,
Не трогай денегъ, сихъ,
Мой сынъ! Останься здѣсь и стереги ты ихъ,
А я ко хлѣбнику схожу мгновенно:
Конечно этотъ человѣкъ
Незапно какъ нибудь въ семъ хлѣбѣ ихъ запекъ,
Но въ цѣлости ему то будетъ возвращенно;
Долгъ требуетъ сего.
Пошелъ, и сына онъ хранителемъ оставилъ.
О какъ сей бѣдный стражъ на злато очи пялилъ!
Однако же отнюдь не тронулъ ничего.
Впослѣдокъ хлѣбникъ входитъ,
На деньги взоры онъ возводитъ
И говоритъ: друзья мои,
Не слѣдуетъ отъ васъ мнѣ деньги взять сіи,
Но вашей радости сорадуясь душою,
Я тайну эту вамъ охотно объясню:
Богатой нѣкто, какъ я мню,
Желая щедрою избавить васъ рукою
Отъ нищеты толь злой,
Прислалъ ко мнѣ сей хлѣбъ златой,
И клятву взялъ съ меня предъ небомъ,
Что естьли кто изъ васъ придетъ ко мнѣ за хлѣбомъ,
То хлѣбъ сей вамъ отдать;
А имя я его никакъ не могъ узнать.
Конечно Богъ, въ награду
Благихъ и честныхъ вашихъ дѣлъ,
Чрезъ мужа праведна послати къ вамъ хотѣлъ

Сію отраду.
Какимъ веселіемъ восхитились сердца,
По сихъ словахъ, и сына и отца!
Ихъ руки къ небу вознесенны,
Ихъ очи радостной слезою окропленны,
Ихъ мысли къ Богу устремленны,
)бою щастливыхъ являютъ чувство душъ,
О ты, почтенный нѣкто мужъ!

ПОВѢСТЬ.

О двухъ вѣрныхъ друзьяхъ.

Любочестъ и Добросердъ, два вѣрные)уга, отправились путешествовать, дабы ıучиться всему, что можетъ ихъ сдѣлать ·чшими и благоразумнѣйшими.

Они по долгомъ путешествіи прибыли ıпослѣдокъ въ Мекинецъ, столичной городъ ароксваго Императора.

Оттуда хотѣли они еще далѣе продол- атъ свой путь, и увидѣть тѣ земли фриканскія, въ которыхъ никто почти ıъ Европейцевъ не бывалъ.

Но Любочесту сдѣлался нѣкакой при- ıдокъ: за тѣмъ принужденъ онъ былъ :таться въ городѣ, а другъ его поѣхалъ ıинъ въ назначенный путь.

Между тѣмъ Любочестовъ служитель

познакомился съ нѣкоторыми живущими тамъ, которыхъ онъ почиталъ за честныхъ людей, но которые послѣ оказали себя бездѣльниками.

Сіи люди отдали ему на сохраненіе нѣкакія краденыя вещи, о которыхъ онъ не зналъ, что онѣ были украдены.

Хозяинъ вещей увидя ихъ нечаянно въ домѣ у Любочеста, заключилъ, что онъ ихъ укралъ, и просилъ правительство чтобъ посадили его въ темницу.

Всѣ его оправданія были тщетны; онъ не могъ защитить своей невинности.

Уже нѣсколько мѣсяцовъ страдалъ сей нещастной въ крѣпкомъ заточеніи, какъ возвратился другъ его Добросердъ изъ путешествія.

Едва свѣдалъ онъ о семъ нещастіи, приключившемся его товарищу, какъ исполненъ ужаса бросился въ темницу. По неотступнымъ прозьбамъ его позволили ему съ нимъ увидѣться.

Безпамятенъ почти упалъ онъ къ нему въ объятія, и блѣдное его лице оросилъ слезами.

Но какою горестію поразился онъ, когда узналъ обстоятельнѣе о его состояніи, и увидѣлъ, что онъ почти нагъ лежитъ на гнилой соломѣ, ибо одежда его истлѣла на немъ отъ сырости, которою зараженъ былъ

воздухъ въ семъ шѣсномъ и мрачномъ жилищѣ.

Тошчасъ накинулъ онъ ему на плечи епанчу свою, и ошдалъ все свое платье, оставя у себя шолько необходимо нужное, чтобъ не нагому ошпшоль вышши.

По нещасшію былъ онъ самъ ограбленъ во время своего пушешесшвія, и не осталось у него ни плашья, ни денегъ, кошорыми бы могъ онъ хошя нѣсколько усладишь горесшное сосшояніе своего пріяшеля.

Но всѣ препяшсшва преодолѣвающая дружба скоро научила его изобрѣсши къ шому способъ.

Онъ вырвался изъ объяшій своего друга, пошелъ и въ городѣ записался въ рабошники, гдѣ шяжкими и необыкновенными ему шрудами доставалъ сшолько денегъ, чшо въ вечеру, по окончаніи многошрудной своей рабошы, могъ сшраждущему другу своему ошносишь нѣкошорое пропишаніе.

Сей часто просилъ его со слезами, чтобъ онъ умѣрилъ свое великодушіе, и о самомъ себѣ сшарался: но шщешны были всѣ прозьбы.

Добросердъ не чувсшвовалъ ничего, кромѣ бѣдносши своего пріяшеля, и всякой шрудъ для него понесенной казался ему легокъ и сладокъ.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣ-

сяцовъ, какъ вдругъ запретили Добросерду ходить въ темницу.

Онъ отъ страха оледенѣлъ, когда о семъ услышалъ.

Ни прозьба его, ни слезы, ни обниманіе колѣнъ темничнаго стража, не могли пособить: велѣно было ему итти прочь.

Въ горестномъ отчаяніи побѣжалъ онъ къ судьѣ, назвалъ себя участникомъ мнимаго воровства, и просилъ, чтобъ посадили его въ тужъ темницу.

По желанію его было исполнено.

Радостныя слезы потекли изъ глазъ Любочеста, когда онъ нечаянно увидѣлъ его паки въ темницу къ себѣ вшедшаго.

Но сія радость скоро перемѣнилась въ ужасъ и печаль, когда онъ свѣдалъ, какою цѣною купилъ ее великодушной другъ его.

Между тѣмъ, какъ уже дѣла сего перемѣнить было не возможно, и надежды къ освобожденію своему никакой они не имѣли, то вознамѣрились рука съ рукою взявшись ожидать мужественно смерти.

Въ той же темницѣ сидѣли другіе невольники.

Одному изъ сихъ удалось въ ночную пору разломать стѣну, такъ что онъ въ сіе отверстіе пролѣзъ самъ, и увѣщевалъ другихъ невольниковъ послѣдовать его примѣру.

Всѣ они тожъ сдѣлали и освободились;

одинъ Любочестъ и Добросердъ были столько честны, что хотѣли лучше невинно страдать, нежели непозволеннымъ образомъ получить свободу. И такъ они остались.

По разсвѣтѣ дня узнали о семъ приключеніи.

Нѣкоторые верьховные судьи пошли въ темницу, чтобъ самимъ освидѣтельствовать сіе дѣло.

Какъ они удивились, когда спросивъ Любочеста и Добросерда о причинѣ, для чего они вмѣстѣ съ тѣми не ушли, въ отвѣтъ отъ нихъ слѣдующее услышали:

„Мы воспитаны въ такомъ законѣ, который учитъ насъ властямъ повиноваться хотя бы онѣ что и несправедливо дѣлали: для того мы хотѣли лучше умереть нежели употребить непозволенное средство къ спасенію нашей жизни."

Судьи пришли въ жалость.

Они увѣрились въ невинности сихъ добрыхъ людей, тотчасъ освободили ихъ и сдѣлали имъ изъ государственной казны такой подарокъ, съ которымъ они безъ нужды могли возвратиться въ свое отечество.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Въ день рожденія одной супруга, другой отца

Дочь.

Веселіе неся съ собою
Къ тебѣ я, маминька, лечу,
И радость раздѣлить хочу
Сей день намъ общую съ тобою.

Мать.

Бѣги, любезная, спѣши,
Въ моихъ объятіяхъ пребуди,
Прижатая къ моей ты груди
Дѣли со мной восторгъ души!

Обѣ.

О день утѣхъ неизрѣченныхъ,
Источникъ нашихъ дней блаженныхъ!

Мать.

Севодня онъ на свѣтъ рожденъ!

Дочь.

Онъ намъ севодня подаренъ!

Мать.

Мнѣ мой возлюбленной сожитель.

Дочь.

А мнѣ дражайшій мой родитель.

Мать.

Онъ сосланъ отъ небесныхъ силъ,
Чтобъ образъ ихъ въ себѣ явилъ,

Дочь.

Разуменъ, вѣренъ, тихъ, незлобенъ,
Онъ имъ во всѣхъ дѣлахъ подобенъ:

Машь.

О коль благословенъ вѣнецъ,
Давъ мнѣ супруга шоль драгова!

Дочь.

О коль всевышній щедръ Творецъ,
Давъ мнѣ родишеля шакова!

Объ.

Внемли, о Боже нашъ, внемли
Опъ чисшыхъ душъ благодаренье,
И шеплое къ шебѣ моленье:
Продли его шы вѣкъ, продли!

ВѢРНАЯ СЛУЖАНКА.

Недавно жила вдова — гдѣ? эшова я не могъ провѣдашь—кошорая почши всего досшавшагося ей послѣ мужа своего довольно досшашочнаго имѣнія нещасшнымъ образомъ лишилась. Осшалось у ней маленькое иждивеніе: она ошдала его въ росшъ, и шѣмъ кое какъ себя содержала.

Купецъ, кошорому она деньги свои повѣрила, и кошораго всѣ почишали богашымъ и благонадежнымъ человѣкомъ, вдругъ обанкрушился, шо есшь прошорговался, разорился. Бѣдная вдова пошеряла и послѣдній свой прожишокъ. Обсшояшельсшва ея сдѣлались весьма шѣсны: сшаросшь и недуги не позволяли ей рабошашь; и шакъ надлежало

ей одно изъ двухъ избрать: или записаться въ сиротской домъ, или ходить по міру.

Правда не подалеку отъ ней въ одномъ большомъ городѣ жилъ родственникъ ея, человѣкъ довольно достаточной, которой могъ бы ее прокормить; но по нещастію этотъ человѣкъ былъ изъ числа тѣхъ жестокосердыхъ людей, которые чужой нужды не чувствуютъ. Онъ отрекся ей помогать.

Въ семъ крайнемъ ея злополучіи, простая дѣвка, работница, изъ найму ей служившая, и которую теперь, по причинѣ совершенной бѣдности своей, хотѣла она отъ себя отпустить, сдѣлалась ея благотворительницею. Помня ласковое и кроткое обращеніе госпожи своей, когда она была еще въ хорошемъ состояніи, сердце доброй этой дѣвки восхотѣло оказать ей свою благодарность.

Нѣтъ, сказала она (когда госпожа стала ее отпускать), я не оставлю васъ покуда жива; вы до меня были добры, и мнѣ часто жаль было, что я ничего, кромѣ вѣрной службы моей, не могла для васъ сдѣлать.

„Никакой не надобно мнѣ платы: по прежнимъ милостямъ вашимъ есть у меня довольно и одежды и обуви. Сверхъ сего накопила я нѣсколько деньжонокъ, которыя отдала въ займы сосѣду. Я умѣю шить и чулки вязать; коли Богъ дастъ мнѣ здо-

ровье, что и вамъ и себѣ кусокъ хлѣба достану.“

Бѣдная вдова, по неотступной прозбѣ доброй этой дѣвки, съ благодарными слезами приняла наконецъ великодушное ея предложеніе.

Дѣвка сдержала слово, и три года цѣлыхъ работою рукъ своихъ кормила госпожу.

Напослѣдокъ родственникъ сей вдовы умираетъ и все его имѣніе достается ей по наслѣдству.

Но сія помощь была уже ей не нужна; ибо она сама лежала тогда при послѣднемъ издыханіи, и скоро послѣ того умерла, не успѣвъ новопріобрѣтенному имуществу своему никакова сдѣлать распоряженія.

Наслѣдниковъ послѣ нее никого не осталось: и такъ надлежало имѣнію сему поступить въ казну; но по щастію Государь узналъ о благодарномъ съ нею поступкѣ доброй этой дѣвки.

„Такое честное дѣло, сказалъ онъ, не долженствуетъ остаться безъ возмездія: да будетъ она имѣнія сего наслѣдницею.“

Дѣвка получила имѣніе, и всякъ, кто слышалъ о томъ, прославлялъ щедроту Государя, и радовался, что вѣрная служанка сія достойно была награждена.

СИЛА ДѢТСКОЙ ЛЮБВИ.

Крезъ, Царь Лидійскій, имѣлъ у себя единороднаго сына. Сынъ этошъ былъ нѣмъ. Крезъ взялъ его съ собой на войну, которую велъ онъ противъ Кира, Царя Персидскаго.

Однажды, во время сраженія, наскакалъ на Креза непріятельской воинъ и вознесъ на него мечъ свой, чтобъ отрубить ему голову: сила устрашенной любви сыновней была такъ велика, что вдругъ отверзла гортань его и онъ провозгласилъ:—„воинъ! что ты дѣлаешь? это Крезъ!"

Воинъ испугался: Царь спасенъ былъ, и сынъ его престалъ быть нѣмъ.

УТРЕННЯЯ НИКОЛАШИНА ПѢСЕНКА.

Солнца съ первыми лучами
Бодръ и веселъ я возсталъ:
Свѣтъ пріятный, воздухъ чистый,
Жизнь утѣшну, радость многу,
Новы силы мнѣ даютъ.

Пѣть хочу; мой духъ взлетаетъ
Вмѣстѣ съ утренней зарей,
Вмѣстѣ съ жаворонка пѣсньми,
И цвѣтовъ съ благоуханьемъ,
Въ радостномъ восторгѣ въ верхъ.

Все вокругъ меня въ весельи,
Все, мое что око зритъ;
Тамо въ воздухѣ высоко,
Тамъ въ морской глубокой безднѣ,
Все дышитъ и все живетъ.

Обитатели земные,
Существующи со мной,
Птицы, гады, рыбы, звѣри,
Горы, лѣсъ, луга, долины,
Я сорадуюся вамъ.

Но безъ зависти взираю
На блаженство вашихъ дней:
Ты прекрасна нѣжна роза,
Ты пригожъ павлинъ спѣсивый,
Всѣ вы милы, всякъ хорошъ.

Но моя судьба всѣхъ лучше,
Я предъ вами предпочтенъ:
Разумъ, слово, добродѣтель,
Преимущества большія
Мнѣ Творецъ вселенной далъ.

Ими, ими одаренный,
Силенъ, крѣпокъ человѣкъ!—
Вы со мною всѣ созданны,
Твари, жители земные,
Рцыте, рцыте, гдѣ Господь?

Благолѣпный, вѣнценосный,
Кроткій духомъ, всеблагій,

Милосердія источникъ,
Общій нашъ отецъ, Создатель,
Рцыте, рцыте, гдѣ есть Онъ?

Онъ въ долинахъ, Онъ и въ рощахъ,
Онъ на небѣ, на земли,
И въ глубокихъ Онъ вертепахъ,
И гдѣ солнце свѣтитъ, тамо,
И со мной, гдѣ я стою.

Богъ вездѣ—вездѣ услышитъ
Гласъ молитвы Онъ моей:
Съ тихой утренней зарею,
И съ вечернимъ вѣтерочкомъ,
Я всегда Ему пою.

Чѣмъ воздамъ тебѣ, Владыко,
За Твою ко мнѣ любовь?
Ты мнѣ око далъ, да вижу;
Ты мнѣ ухо далъ, да слышу;
Солнце и луна, твой даръ.

Но на долголь?—вянетъ роза,
Исчезаетъ свѣтъ и день;
Все, что красно и любезно,
Жизнь и радость, все преходитъ,
Все минется, протечетъ!

Нѣжный на щекахъ румянецъ,
Младость, живость, бѣлизна,
Пестрота полей, луговъ,

Зелень древъ, исчезнуть могутъ,
Завтра, днесь, въ единый мигъ.

Но невинность, добродѣтель,
Мудрость, правда, кротость, честь,
Чувство дружбы, благодарность,
Духъ любви и состраданья —
Нѣтъ, не могутъ умереть!

Естьлижъ правый путь оставя,
Я порокамъ въ слѣдъ пойду;
Естьли зависть, гнѣвъ, гордыня,
Праздность, ложь, лукавство, злоба,
Поселятся въ грудь мою:

Что въ моей тогда мнѣ жизни?
Пусть меня сокроетъ гробъ,
Пусть какъ роза я увяну,
Какъ листочикъ пожелтѣю,
Какъ былинка пропаду.

МАЛЕНЬКОЙ ПТИЦЕЛОВЪ.

Петруша (*прибѣжавъ къ матери*)

Матушка! матушка! посмотрите что у меня.

Мать.

Что такое другъ мой?

Петруша.

Птичка, маленькая птичка.

Мать.

Право! да гдѣ ты ее взялъ?

Петруша.

Самъ, самъ я поймалъ, матушка.

Мать.

Гдѣ?

Петруша.

Въ саду, на гнѣздышкѣ. Тамъ осталось у ней много дѣтенышковъ; крошечные и всѣ еще голинькіе.

Мать.

Да куда же ты ее дѣнешь?

Петруша.

Посажу въ клѣтку и стану кормить. Она будетъ пѣть.

Мать.

А съ дѣтьми ея что ты сдѣлаешь?

Петруша.

Я и тѣхъ возму, посажу ихъ въ другую клетку, и стану также кормить. Дамъ имъ яичекъ, и молочка, и сахарцу, и всего, что они хотятъ.

Машь.

Другъ мой, ихъ кормишъ машь; безъ ея попеченія они не будушъ живы.

Петруша.

Какъ же мнѣ съ ними быть? куда ихъ дѣвашь?

Машь.

Не знаю. Но послушай Пешрушинька: шеперь намъ не до шого, чшобъ ушѣшашься пшичками. Съ нами великая бѣда случилась.

Пешруша.

Какая, машушка?

Машь.

За мною скоро пришлюшъ, и возмушъ меня ошъ васъ прочь.

Пешруша.

И! маминька. На чшо вы меня пугаеше?

Машь.

Чшожъ дѣлашь, моя душа? меня велѣно взяшь и посадишь въ шемницу.

Пешруша.

Чшо это шакое шемница?

Машь.

Подземная изба, къ кошорую меня запрушъ, и шолько чшо кормишь будушъ, а никогда уже изъ ней не выпусшяшъ.

Пешруша.

А мы гдѣжъ будемъ: я и брашецъ, и маленькая сесшрица въ колыбелькѣ?

АНДРЮШИНА ПОХВАЛА ЗИМѢ.

Не тебя одну, весна,
Въ пѣсняхъ громко воспѣваю;
Хоть зима и холодна,
Я утѣхъ въ ней тьму вкушаю.

Хоть пріятной вѣтерокъ
Ужъ не рѣзвится съ листками,
Хоть не зеленъ сталъ лужокъ,
Не пестрѣетъ ужъ цвѣтами.

Хоть не видно какъ текутъ
По каменьямъ быстры рѣчки,
Соловьи хоть не поютъ,
Не пасутся ужъ овечки.

Но лишь я приду къ окну,
Веселящееся око,
Какъ по бѣлому сукну,
Простираетъ взоръ широко.

Снѣгъ я вижу на лугахъ,
Снѣгъ долины покрываетъ,
И при солнечныхъ лучахъ
Весь какъ искрами блистаетъ.

Хорошо въ поляхъ весной;
Но не худо и зимою:
Не мѣшаетъ лѣсъ густой
Все мнѣ видѣть предъ собою.

Красно солнышко! и ты
Кротче къ намъ зимой сіяешь,
Прямо зрѣть на красоты
Намъ твои не возбраняешь.

Зимнихъ мало ли утѣхъ?
Тамъ вечернія бесѣды,
Тамъ веселье, пляски, смѣхъ,
Тамъ катанья и обѣды.

А ребята, пузыри,
Собираяся толпами,
Пишутъ разны цифири
По льду гладкому коньками.

Или съ горъ крутыхъ летятъ,
Иль снѣжками индѣ бьются,
Иль другъ друга повалятъ,
И хохочутъ и смѣются.

Часто право по утру,
Какъ на санкахъ я летаю,
Иль рѣзвлюсь по вечеру,
Я про лѣто забываю.

Пусть изнѣженно дитя
Толстой шубой давитъ тѣло,
Я не кутая себя
По снѣгамъ шагаю смѣло.

ЛУКАША И МАТЬ ЕГО.

Лукаша прибѣжалъ къ машери, хохочетъ и ей расказываетъ:

,,Я шолъ подлѣ изгороды, а тамъ сидитъ вдовы Ѳедосьи маленькой сынъ Андрюша, сидитъ и плачетъ.,,

Машь.

Знашь онъ голоденъ.

Лукаша.

И вѣдомо. Плачетъ да кричитъ: ѣсть хочется! ѣсть хочется! Ужъ я на нево хохоталъ, хохоталъ.

Машь.

А ты этому смѣешься?

Лукаша.

Какъ же не смѣяться? о чомъ онъ плачетъ; для чево къ намъ не придетъ поѣсть? у насъ такіе добрые щи!

Машь.

А! такъ ты этому-то смѣялся? обойми меня, ты доброй малой.—Побѣги же къ нему и приведи его сюда; онъ можетъ быть думаетъ, что мы ему ничего дать не хотимъ.

Лукаша.

Ничего дать не хотимъ? Вотъ тебѣ на!—Сказавъ сіе Лукаша побѣжалъ бѣгомъ.

КОНЬ И СЛѢПЕНЬ.

Слѣпень коня кусаетъ,
Конь бьется и брыкаетъ,
Хвостомъ и головой махаетъ,
Слѣпня сгоняетъ.
Слѣпень прильнулъ къ коневьему плечу,
Впустилъ глубоко жало,
И говоритъ: тебя я не боюсь ни мало,
И право не слечу;
Хоть сколько ты брыкать ни станешь,
Скорѣе самъ устанешь,
Какъ нежели ты конь меня достанешь.
Устали конскіе и хвостъ и голова,
И началъ конь смиренно
Слѣпня просить уничиженно:
Слѣпень скочилъ мгновенно,
И говоритъ: сдаюсь на ласковы слова.

ЛЮБОВЬ У БРАТА СЪ СЕСТРОЮ.

Братъ.

Сестрица! посмотри на этихъ голубковъ,
Какая въ нихъ видна другъ ко другу любовь!
Какъ свыклися они! какъ дружны межъ собою!
Веселье одного другаго веселитъ,
Коль тотъ нахмурится, и этотъ загруститъ.
Велика дружба ихъ: знать это братъ съ сестрою.

Сестра.

И я такъ думаю: вить также какъ они,
Въ согласіи съ тобой и мы проводимъ дни.
Гдѣ нѣтъ тебя, тамъ нѣтъ веселья для
Параши,
Все щастіе мое во щастьи Николаши;
Усерднѣе къ тебѣ никто не можетъ быть.
Ахъ! станемъ вѣчно такъ другъ друга мы
любить.

Братъ.

Отгонимъ зависть прочь мы дружбою пылая;
Корыстолюбію затворимъ съ сердце путь;
Любовію союзъ мы кровный утверждая,
Чистосердечіемъ свою наполнимъ грудь.
Пусть щастье одного составитъ щастье
наше;
Союзъ родства красенъ, но дружбою онъ
краше.

КРОВОПУСКАНІЕ,

зрѣлище для дѣтей.

Дѣйствующія лица.
Честнодумовъ, живописецъ.
Честнодумова, жена его.
Алексѣй, старшій сынъ ихъ 16 лѣтъ.
Софья, дочь ихъ 18 лѣтъ.
Алексаша, младшій сынъ 6 лѣтъ.

Дитя двухъ лѣтъ, въ колыбели.
Графъ Добросердъ.

Дѣйствіе происходитъ въ горницѣ въ Честнодумовомъ домѣ; въ ней видно нѣсколько худыхъ домашнихъ приборовъ, на стѣнѣ повѣшена картина еще недоконченная; въ сторонѣ стоитъ колыбель, въ которой лежитъ спящее дитя.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Честнодумова, Софья, Алексаша.

Честнодумова прядетъ, Алексаша стоя подлѣ нее треплетъ ленъ и часто останавливается, чтобъ нѣсколько отдохнуть; Софья сидитъ подлѣ колыбели и вяжетъ чулки,-----Время около трехъ часовъ послѣ полудня.

Софья (*глядя на колыбель говоритъ тихо*).

Со вчерашняго дня ничего не ѣлъ, а такъ спокоенъ! Слава Богу, что ты спать можешь.

Честнодумова.

Спитъ онъ, Софья?

Софья.

Спитъ, матушка.

Честнодумова.

Дай Богъ, чтобы долѣе спалъ!—бѣдное дитя! я боюсь чтобъ онъ не проснулся— Что отецъ его нейдетъ такъ долго?

Софья.

Онъ сказалъ, что пойдетъ просить хоть маленькаго задатку за начатую имъ картину.

Честнодумова.

А еще назадъ не возвратился! — Боже! что съ нами будетъ, естьли онъ ничего не достанетъ?

Софья.

Этому быть не можно: человѣкъ, для котораго онъ работаетъ, очень богатъ.

Честнодумова.

Богатъ, но можетъ быть не жалостливъ.

Софья.

Батюшка не о подаркѣ проситъ его станетъ; но только о нѣкоторой части тѣхъ денегъ, которыя онъ послѣ трудами своими заслужитъ, и которыя тотъ долженъ будетъ ему заплатить.

Честнодумова.

Это правда, но его работа еще не готова, а деньги напередъ не всякой охотно платитъ.

(*Бьетъ три часа*)

Алексаша (*перестанъ трепать.*)

Ужъ три бьетъ, матушка; не ужъ то намъ севодня вовся не ѣсть?

Честнодумова.

Ты видишь, Алексашинька, что ни отца твоего ни брата нѣтъ дома; развѣ ты безъ нихъ хочешь обѣдать?

Алексаша.

О, нѣтъ, маминька! Но можетъ быть они уже отобѣдали; мы не знаемъ гдѣ они--- Да притомъ же.---

Честнодумова.

Ну что такое?

Алексаша.

О матушка!----ужъ такъ поздо-----и можетъ быть—

Честнодумова.

Но можетъ также быть что они и не обѣдали. Ты видишь, душинька, что ни я, ни сестра твоя, ни маленькой братъ также какъ и ты ничего еще не ѣли, ты одинъ хочешь быть нетерпѣливъ.

Алексаша (*заплакавъ.*)

Да мнѣ очень ѣсть хочется!

Честнодумова. (*взявъ его къ себѣ на колѣни и обливая его слезами.*)

Другъ мой, милое мое дитя, успокойся, потерпи немножко; Богъ конечно пошлетъ намъ что нибудь на пищу. Повѣрь мнѣ, что я голодомъ твоимъ больше мучусь, нежели ты самъ.

Алексаша. (*обнимая ее и утирая свои слезы.*)

О! нѣтъ любезная маминька, не крушись столько о моемъ голодѣ. Посмотри! ужъ прошло, я не плачу больше.—Я опять стану работать, чтобъ позабыть о томъ,

что я голоденъ. (*Идетъ и съ великимъ прилѣжаніемъ принимается опять за работу*).

Честнодумова. (*въ сторону.*)

Не ужъ ли страданіе мое еще не довольно велико? о Боже! доколѣ мнѣ сносить оное?

Софья.

Батюшка еще не возвращается: не сдѣлалось бы съ нимъ какова нещастія.

Честнодумова.

Я догадываюсь что тому причиною: конечно отказали ему въ его прозьбѣ, и онъ не имѣетъ сердца съ пустыми руками къ намъ возвратиться. Но я дивлюсь брату твоему Алексѣю. Когда онъ отселѣ ушолъ?

Софья.

По утру въ десять часовъ.

Честнодумова.

Чудно это! онъ, которой всегда былъ такой доброй сынъ и братъ, оставляетъ насъ теперь, когда намъ помощь его такъ нужна: меня это весьма печалитъ.

Софья.

Не безпокойтесь матушка; онъ конечно пошелъ куда нибудь съ добрымъ намѣреніемъ: я знаю его сердце, знаю какъ бѣдность наша его сокрушаетъ. Онъ безсомнѣнія за тѣмъ пошолъ, чтобъ сыскать намъ какую помощь.

Честнодумова.

Но какимъ образомъ можетъ онъ это сдѣлать?

Софья.

Нужда научитъ его найти къ тому какой нибудь способъ: онъ казался быть въ великомъ отчаяніи?

Честнодумова.

Что ты говоришь? ахъ Софья! Ну, есть ли онъ что либо безчестное предприметъ? меня это лишитъ жизни: все можно сносить, пока совѣсть наша чиста.

Софья.

Не опасайтесь, я знаю братца.

Честнодумова.

Отецъ твой возвратится ни съ чѣмъ, изнуренъ печалію и голодомъ. Увидя его въ семъ состояніи сердце мое разорвется. О мои любезные дѣти! мы должны къ послѣднему и весьма горестному средству прибѣгнуть.—О небо—другъ мой Александринька! хотѣлъ ли бы ты что нибудь для меня сдѣлать?

Алексаша.

Я, матушка? о скажи лишь что такое?

Честнодумова.

Обойми меня, душа моя — милой мой сынъ. — о нужда!—къ чему ты меня приводишь!—надобно тебѣ итти просить милостыни. Поди, старайся возбудить сожалѣ-

ніе, представь нашу бѣдность, и проси, чтобъ тебѣ что нибудь дали!

Алексаша. (*послѣ того какъ онъ сію рѣчь со вниманіемъ выслушалъ.*)

Матушка, не это ли называютъ по міру ходить?

Честнодумова.

(*Въ сторону*) о Боже!—(*громко*) такъ, мой другъ.

Алексаша.

Этова бы мнѣ не хотѣлось.—Да у ковожъ мнѣ просить? у всякаго?

Честнодумова.

У всякаго, мой другъ, которой покажется тебѣ такимъ, что можетъ нѣчто подарить.

Алексаша.

А коли они мнѣ откажутъ?

Честнодумова.

Богъ приведетъ тебя къ такимъ сердцамъ, которыя надъ тобою и надъ нами сжалятся.

Алексаша. (*печально*)

Ну хорошо!—такъ прощай же матушка!

Честнодумова. (*цѣлуя его*)

Прости, мое милое дитя! естьлибъ сіе не касалось до жизни твоего отца, братьевъ твоихъ и сестры, то бы я тебя къ этому не понудила. (*Алексаша плача отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Честнодумова и Софья.

Софья. (*смотритъ въ слѣдъ брату и плачетъ*)

Бѣдное дитя!—чтобъ глядя на него не заплакалъ!—какъ ему этово не хотѣлось!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Честнодумова и Софья, *которыя хранятъ печальное безмолвіе, потомъ* Честнодумовъ.

Честнодумовъ (*входитъ съ великимъ уныніемъ, блѣденъ и утомленъ; одежда его изъявляетъ величайшую бѣдность.*)

О жена моя! о дочь! намъ должно умереть! (*бросается на стулъ и смотритъ кругомъ пылающими очами*) но гдѣ мой малютко? Алексѣй еще не возвратился?

Честнодумова.

Я предчувствовала, мой другъ, что ты ничего не получишь.

Честнодумовъ.

Нѣтъ жалости! нѣтъ соболѣзнованія!—

Честнодумовъ.

Ни полушки! я ужъ знаю, говорилъ онъ, каково давать напередъ деньги за работу еще неоконченную: обыкновенно позже получишь ту вещь; или еще совсѣмъ не получишь. Тщетно давалъ я честность свою порукою: я тебя не знаю, отвѣчалъ онъ, и ушолъ. О какая горесть овладѣла мною.—

Чесшнодумова.

Не безпокойся, другъ мой! есть Богъ, которой видишъ нашу бѣдность, и которой инымъ образомъ о насъ попечется. Я послала Алексашу—можешъ быть будетъ онъ столько счасшливъ, что исходашайствуешъ намъ хошя малую помощь.

Чесшнодумовъ.

Не надѣйся мой свѣтъ: о человѣки, человѣки!—одна смерть намъ поможешъ. Но я не понимаю куда скрылся нашъ Алексѣй. На шакое долгое время онъ никогда не отлучался; и надобно этому случиться севодня, когда намъ помощь его наиболѣе потребна! это не просшишельно!

Софья.

Я слышу кто-то идетъ; конечно это онъ (*она идетъ къ дверямъ.*)

Чесшнодумовъ.

Чтобъ онъ и на глаза ко мнѣ не ходилъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Чесшнодумовъ, Чесшнодумова, Софья, Алексѣй, (*сей послѣдній входитъ блѣденъ и слабъ съ завязанною и окровавленною рукою, неся съ собой два хлѣба.*)

Алексѣй. (*бросая хлѣбы на столъ*).

Вотъ, любезные родители? кушайте! мнѣ

дорого это стоитъ; я не могу больше—(*падаетъ безъ чувства на стоящій по близости его старой сундукъ.*)

Честноумовъ.

Что это такое? не ужъ ли это плоды каково либо безчестнаго дѣла? А! нещастный!

Алексѣй. (*слабымъ голосомъ*).

Кушайте, не опасайтесь; я васъ еще достоинъ.

Честнодумовъ.

Но что значитъ сіе состояніе, въ которомъ я тебя вижу?

Честнодумова. (*примѣтя кровь на его рукѣ*).

О небо! кровь? скорѣе, Софья сыщи какую нибудь тряпку.—Какъ? ты дрался съ кѣмъ нибудь?

Софья.

Ахъ, матушка!—посмотрите, у него скинулась перевязка; онъ конечно пускалъ кровь и жила опять растворилась!

Алексѣй (*съ великой слабостью*).

Батюшка!——Матушка!——Сестрица!——я сдѣлалъ это, чтобъ достать вамъ кусокъ хлѣба.

Честнодумовъ и Честнодумова. (*вдругъ.*)

О сынъ!

Софья.

Ахъ братецъ!

(Отецъ и мать заключаютъ его въ свои объятія; Софья старается перевязать у него руку).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Прежніе, Графъ Добросердъ, Алексаша и служитель Графской, *которой несетъ корзину съ кушаньемъ.*

Графъ.

Гдѣ сіи нещастные? какъ могли они такъ долго отъ меня укрываться?

Алексаша.

Вотъ они, сударь! это мой батюшка и моя матушка; они умираютъ съ голоду.

Графъ. *(предлагая корзину)*

Вотъ вамъ, друзья мои, на севоднишній день пища: примите ее отъ моей руки.

Честнодумова.

Ахъ милостивой государь! коль чувствительно для насъ ваше великодушіе! но можемъ ли мы чѣмъ наслаждаться, пока сей нашъ любезный сынъ *(указывая на Алексѣя)* —сынъ добродѣтельнѣйшій — будетъ находиться въ смертной опасности? — Ахъ! естьли бы вы знали——

Алексаша.

Братецъ голубчикъ, что съ тобою сдѣлалось? *(бѣжитъ къ нему.)*

Графъ. (*къ Алексѣю*).

Какъ? кто нибудь тебя поранилъ?

Алексѣй. (*Слабымъ и прерывнымъ голосомъ.*)

Нѣтъ, государь. — — Я не могъ сносить ещастнаго состоянія моихъ родныхъ — для ого въ отчаяніи побѣжалъ сегодня поутру, эзнамѣрясь твердо или обрѣсти имъ поощь или умереть. Со мною — ахъ!

Графъ.

Отдохни немного.

Алексѣй. (*по нѣкоторомъ молчаніи.*)

Со мною встрѣтился одинъ изъ моихъ ріятелей, такойже бѣдной и нещастной еловѣкъ, какъ мы. Онъ, увидя меня въ отаяніи, ужаснулся — куда ты идешь? спросилъ еня; что съ тобою сдѣлалось? — ахъ, мой ругъ! они со вчерашняго утра ничего не ли — мой бѣдный отецъ — моя бѣдная мать — не знаю куда иду — не знаю гдѣ я — они мрутъ съ голоду! (*падаетъ опять въ обмоэкъ*).

Графъ.

Воды немного, воды?

Алексѣй. (*пришедъ опять въ себя.*)

Ужъ прошло. — Тогда сказалъ онъ мнѣ: этъ мой другъ, и сунулъ мнѣ десять коѣекъ въ руку, вотъ все, что я имѣю; но этьли ты нѣчто заслужить хочешь, я знаю ь тому способъ. — Ахъ! отвѣтствовалъ я,

я все сдѣлаю охотно: конечно ужъ это непостыдной способъ.—Нѣтъ, повторилъ мой добродѣтельный другъ: тамъ въ угловомъ домѣ живетъ зажиточной молодой человѣкъ, которой обучается врачебному искуству, дабы въ своей деревнѣ помогать бѣднымъ людямъ, когда имъ случится нужда въ лѣкарѣ. Онъ упражняется въ кровопусканіи и даетъ тѣмъ деньги.—Я разумѣю тебя, сказалъ я, и побѣжалъ тотчасъ въ тотъ домъ, на которой онъ мнѣ указывалъ. Человѣкъ этотъ пустилъ мнѣ кровь, сперва изъ правой, потомъ изъ лѣвой руки; ибо я его о томъ просилъ для полученія двойной платы. По семъ далъ онъ мнѣ деньги, я побѣжалъ тотчасъ въ хлѣбню, и въ торопливости не примѣтилъ, что перевязка у меня съ одной руки скочила. Послѣ того, хотя уже я и примѣтилъ сіе, но мнѣ не хотѣлось мѣшкать, вѣдая, что любезные родители мои между тѣмъ истаеваютъ голодомъ.—И сіе то меня такъ обезсилило—(*съ восторгомъ*). Но щастливъ, естьли смертію моею дражайшую жизнь ихъ хотя на одинъ день продолжу: (*подаетъ руку отцу и матери, которые въ слухъ рыдаютъ*).

Графъ. (*чувствуя великую жалость.*)

Благодарной юноша! ты примѣръ добродѣтели; но имѣешь у себя брата, которой нѣкогда тебѣ уподобится. Этотъ не-

щастный мальчикъ (*указывая на Алексашу*) упалъ въ обморокъ предъ моими окнами. Къ щастію взглянулъ я на эту пору въ окошко и его увидѣлъ; по приказанію моему принесли его ко мнѣ и нѣсколько капель крѣпкаго спирту возвратили ему прежнія чувства. Я велѣлъ посадить его за столъ, но онъ не хотѣлъ ничего ѣсть, а просилъ меня со слезами, чтобъ я поставленную предъ него пищу позволилъ ему взять съ собою: батюшкѣ моему, матушкѣ моей, говорилъ онъ, надобно сперва сдѣлать помощь: могу ли я ѣсть въ то время, какъ они умираютъ съ голоду?

Честнодумовъ. (*съ великимъ сердолюбіемъ.*)

О мои дѣти!—вы достойны лучшей участи!

Графъ.

Не печальтесь; отъ сего времени беру я на себя имѣть о васъ попеченіе. Доколѣ живъ, буду я благословлять щастливую минуту, которая подала мнѣ случай, столь же добродѣтельному, сколь нещастному семейству, услужить. Сынъ вашъ слава Богу только что слабъ; въ его лѣта скоро это пройдетъ. (*Положа на столъ кошелекъ съ деньгами*) Между тѣмъ вотъ нѣсколько, чѣмъ можете вы достать все нужное какъ къ его укрѣпленію, такъ и къ своей отрадѣ:

чрезъ немногіе дни услышите вы лучшія вѣсти: покамѣстъ прощайте.—(*Здѣсь Честнодумовъ со всей своей семьею бросается предъ нимъ на колѣни, но онъ ихъ удерживаетъ*). Благодарности я не требую, друзья мои! я уже собственнымъ моимъ чувствованіемъ награжденъ довольно.

Алексѣй. (*вскочивъ и хватая у него руки*).

Еще одна прозьба, милостивый государь!

Графъ.

Какая, мой другъ?

Алексѣй.

Чтобъ вѣрной пріятель мой, которой сегодня всѣмъ своимъ имѣніемъ мнѣ помогъ, въ благодѣяніяхъ къ намъ вашихъ имѣлъ равное участіе.

Графъ.

Пречестный юноша! знай, что у меня положено уже было на сердцѣ также и о немъ пещися. Завтра объ эту пору приду я опять къ вамъ; постарайся, чтобъ я здѣсь его нашелъ. (*Уходитъ*).

(*Всѣ долгое время въ безмолвномъ удивленіи смотрятъ въ слѣдъ ему. Потомъ Честнодумовъ воздѣвъ на небо руки, бросается на колѣни и съ великимъ жаромъ говоритъ*):

Боже! Боже! пролей благодать твою святую на сего великодушнаго благодѣтеля,

на сего Ангела, которага ты къ намъ послалъ! и да буди вѣчно, вѣчно, вѣчно славимо имя твое, о ты источникъ любви и спасенія, всемогущій Боже!—(*Вскочивъ*) Ну, дѣти! насытимся съ благодарностію даромъ небеснаго Творца, и возвеличимъ имя его во всю жизнь нашу!— . . . . . .

(*Они всѣ съ радостными въ очахъ слезами садятся за столъ*).

СОБАКА СЪ КУСКОМЪ МЯСА.

На кухню къ повару, которой былъ зѣвака,
Зашла голодная собака,
Зашла не званая и по собачьи мнитъ:
Здѣсь много всякаго припаса,
И плохо все лежитъ,
Такъ я могу схватить любой кусочикъ мяса.
Схватила и бѣжитъ,
Бѣжитъ что мочи есть съ добычею такою
Неся ее въ зубахъ,
Мечтаетъ повара съ дубиной за собою,
Но то не поваръ былъ, а страхъ,
Преступниковъ гонитель,
И къ ихъ мученію въ сердцахъ ихъ вѣчный житель.
Трусливая дрожитъ собака та ужасно,
Не знаетъ гдѣбъ найти ей мѣсто безопасно.

Случилась тутъ рѣка;
Собака думала я плавать мастерица,
Не раздѣваться мнѣ,
И это небылица,
Чтобъ поваръ могъ найти на той меня странѣ;
Переплыву я вскорѣ,
И тамо скушаю кусокъ свой на просторѣ.
Отъ мысли сей повеселѣе ставъ,
Пускается собака вплавъ:
Шерсть распустилася у ней какъ юпка,
Ногами какъ весломъ гребетъ,
Плыветъ
Какъ шлюбка,
И держитъ голову высоко какъ олень,
Но въ гладкой тамъ водѣ свою вдругъ видитъ
тѣнь,
Такую же собаку,
Съ такимъже, какъ она, во рту кускомъ;
Завидуетъ ей въ томъ,
Пуститься хочетъ въ драку,
Чтобъ тотъ кусокъ отнять у ней,
У зависти всегда желаніе такое:
Насущнаго ты хлѣба не имѣй;
А у нее всего бъ излишно было втрое.
Съ собакой мнимой сей она вступила въ бой,
Залаяла и заворчала.
О дура! то былъ видъ пустой;
Его ты не поймала,
А твой
Кусокъ упалъ, вода его умчала,

Проситися съ нимъ и будь какъ прежде голодна.
Колико зависть ты безумна и черна!

ТРОЕ МОЛОДЫХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ.

Три сына, богатыхъ родителей, скопили, отъ получаемыхъ ими на разныя бездѣлицы денегъ триста рублей.

Они согласились, чтобъ имъ для своего удовольствія съѣздить за сіи деньги посмотрѣть нѣкоторыхъ городовъ, и получили на то позволеніе отъ своихъ родителей,

И такъ отправились они и радовались напередъ, что поѣдутъ чрезъ многія хорошія мѣста и время проведутъ очень весело.

Но лишь отъѣхали нѣсколько верстъ, какъ увидѣли въ деревнѣ пожаръ.

Они поскакали туда и нашли нещастныхъ жителей сея деревни бѣгающихъ и старающихся тушить огонь, которой нѣсколько избъ обратилъ уже въ пепелъ.

Благородные сіи юноши не были простыми зрителями, но помогали сами тушить огонь, сколько могли. Напослѣдокъ пожаръ потухъ.

Стали ихъ благодарить за ихъ вспоможеніе; а они смигнувшись между собою и мысли другъ друга уразумѣвъ, пошли къ свя-

щеннику и отдали ему всѣ триста рублей, которые проѣздить хотѣли.

Употребите сіи деньги, сказали они ему, на поправку состоянія сихъ бѣдныхъ погорѣлыхъ людей.

Мы намѣренія своего достигнули и теперь можемъ возвратиться назадъ, ибо мы хотѣли издержать сіи деньги въ свое удовольствіе, что уже и исполнилось.

По сихъ словахъ оставили они удивленнаго священника и возвратились въ городъ, сопровождаемы благодарностію и усердными о здравіи ихъ молитвами отъ сихъ земледѣльцевъ, и отъ всѣхъ тѣхъ, которые о семъ похвальномъ дѣлѣ узнали.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Братъ.

Сестрица, душинька, посмотри какое у меня прекрасное яблочко! поди ко мнѣ, скушаемъ его вмѣстѣ.

Сестра.

Братецъ, голубчикъ, у меня ничего нѣтъ, чѣмъ бы я могла тебя также попотчивать.

Братъ.

Меня? да на что? естьли я одинъ съѣмъ это яблоко, то оно мнѣ не такъ покажется вкусно, хотя бы оно и вдвое больше бы-

ло; а когда съ тобою раздѣлю, сестрица, тогда и половинна будетъ для меня гораздо лучше цѣлаго яблока.

ЩАСТІЕ БЛАГОДѢТЕЛЬСТВА.

Красны какъ пришли деніочки,
Я гулялъ въ лугу весной;
Тамъ всѣ птички и звѣріочки
Веселилися со мной.

И гдѣ рѣчка протекаетъ
По зеленому лужку,
Тамъ, я видѣлъ, отдыхаетъ
Старичокъ на бережку.

Хворъ и сѣдъ, мое сердечко,
Жосткимъ рубищемъ покрытъ;
Отъ него тутъ недалечко
Посошокъ его лежитъ,

И кусочикъ чорства хлѣба
Положенъ въ его суму,
Убоясь знать кто-то неба
Христа ради далъ ему.

Онъ во снѣ поворотился,
И проснулся тотъже часъ:
Слезъ источникъ покатился
Горькихъ у него изъ глазъ.

Отъ чего старикъ любезной,
Съ сожалѣньемъ я спросилъ,
Отъ чего потокъ сей слезной?
Развѣ свѣтъ тебѣ не милъ?

Онъ въ унынiи глубокомъ
На меня тогда взглянулъ,
Бѣдный, толь печальнымъ окомъ,
Что и самъ я воздохнулъ.

,,О дитя мое любезно!
Томнымъ голосомъ онъ рекъ:
,,Житiе веду я слезно,
,,И не кончится мой вѣкъ!

,,Изнуренъ печалью злою,
,,Тяжкой старостью сотбенъ,
,,Нѣтъ ни пищи, ни покою,
,,А работать силъ лишенъ!

,,Сынъ мой въ младости скончался,
,,Сирыхъ мнѣ оставя чадъ.
,,Я одинъ у нихъ остался.
,,Малы всѣ и терпятъ гладъ.

,,Испрошенный сей слезами
,,Хлѣбецъ малый предъ тобой,
,,Съ пятерыми я дѣтями
,,Раздѣлю пришедъ домой.

„Се послѣдня можешъ пища,
„Что рука имъ дасть моя:
„Завтра—Боже призри нища!—
„Можешъ мертвъ ужъ буду я!

Онъ умолкъ, но мукой злою
Взоръ его былъ помраченъ;
Я крушась его тоскою
Самъ былъ въ слезы приведенъ.

У меня тогда по щастью
Кошелекъ въ карманѣ былъ;
Огорченному напастью
Старцу я его вручилъ.

О коль жаръ благодаренья
Въ хладномъ сердцѣ былъ великъ!
О коликаго почтенья
Былъ достоинъ сей старикъ!

Сладость помогать убогимъ,
Я впервые тутъ вкусилъ,
И съ веселіемъ премногимъ
Весь тотъ вечеръ проводилъ.

МОЛОДОЙ ОСЕЛЪ,

знатностію породы своей надутый.

Молодой оселъ, по имени Длинноухъ, наслышался, что онъ отъ знатнаго и весьма древняго поколѣнія происходитъ.

Собесѣдница его, утка, великая грамотѣиха, часто расказывала ему, какъ предки его славны въ лѣтописяхъ.

,,Господа длинноухіе, говорила она, въ ,,старину были важныя въ свѣтѣ лица.

,,Сказываютъ, на нихъ никто не ѣзжалъ, ,,кромѣ самыхъ первѣйшихъ особъ.

,,Знатность муловъ уступаетъ имъ въ ,,древности, какъ то видно и по ушамъ ихъ, ,,которыя гораздо короче ослиныхъ; что ка- ,,сается до лошадей, они составляли про- ,,стой народъ, и господа ослы никогда съ ,,ними не обращались.

Молодой господчикъ нашъ не пропустилъ ни одного слова изъ ея рѣчей.

Какъ только выгонятъ его въ поле, и прежніе товарищи его, игривые жеребятки, захотятъ съ нимъ порѣзвиться; то онъ съ презрѣніемъ отъ нихъ отворотится и скажетъ, чтобъ они играли съ подобными себѣ.

Съ того времени вовся не хотѣлъ онъ учиться.

Вишь я не изъ простова народу, раз-

мышлялъ онъ; за чѣмъ мнѣ боярскому сынку, словно какъ простолюдинцу, мучишь себя наукою? довольно одной знашной породы моей, чтобъ пришти у всѣхъ въ любовь и почшеніе.

Разсуждая шакимъ образомъ, никогда не хаживалъ онъ въ манежъ, а всегда смошрѣлъ шолько изъ дали на обучающихся лошадей, и почишалъ себя щасшливымъ, что не подверженъ шакому какъ они мушшрованью.

И шакъ выросъ онъ и ни чему не выучился.

Въ одинъ день вмѣсшѣ съ просшородными шоварищами своими, кошорые сдѣлались уже весьма добрыми конями, отведенъ онъ былъ въ городъ на ярмонку.

Онъ надѣялся, что конечно сыщется какой нибудь царевичъ, кошорой за шо, что у него шакія длинныя уши, полюбишъ его и возмешъ къ себѣ въ службу.

И подлинно былъ шамъ одинъ Князь.

Сей Князь лишь шолько увидѣлъ молодыхъ выученныхъ лошадей, шошчасъ онѣ ему полюбились, онъ подошелъ къ нимъ, сшалъ гладишь, купилъ ихъ и нарядилъ въ пребогашой конской уборъ.

А на господчика Длинноуха ниже взглянулъ кшо нибудь.

Напослѣдокъ сыскался какой-шо мѣльникъ, кошорой купилъ его, чтобъ возишь на

немъ мѣшки съ мукою, и на первой случай сильнымъ ударомъ плѣши далъ ему разумѣть, что онъ долженъ съ нимъ идти.

Тогда-то господчикъ нашъ заревѣлъ страшнымъ голосомъ.

Муа! муа! муа! зарычалъ онъ громко; а сіе значило:

„Не за того меня принимаютъ: я боярской сынъ Длинноухъ, одинъ изъ моихъ „предковъ служилъ великому Силену! (*)

Вотъ я тебѣ дамъ муа! сказалъ мѣльникъ и погналъ его плѣтью.

ФЕДЮШИНО УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ И МОЛИТВА.

Пріятный, теплый день насталъ,
Мракъ ночи хладной удалился:
Я здравъ и духомъ бодръ восталъ,
Мой сонъ сладчайшій прекратился.
Подобно такъ туманъ густой
Поля и нивы покрываетъ,
Но солнца красна лучъ златой,
Его мгновенно разсыпаетъ.

(*) Старикъ въ баснословной исторіи, котораго изображаютъ всегда ѣдущимъ на ослѣ.

Земля изсохшая въ песокъ
Когда туманомъ напоится,
Отъ влажности сея листокъ
И травка на полѣ родится:
Полезенъ и туманъ для насъ;
Но солнечны лучи любезны,
Еще, еще того въ пять разъ,
Или и болѣе полезны.

Хотя намъ ночью сонъ и милъ;
Съ высотъ ниспосланъ онъ небесныхъ,
Для укрѣпленья нашихъ силъ
Душевныхъ купно и тѣлесныхъ;
Но любо поутру востать,
Какъ дневное взойдетъ свѣтило:
Всегда безпрестанно спать,
Кому бы то пріятно было?

Величественъ твой, солнце, зракъ,
Великолѣпно ты, прекрасно!
Ты разсыпаешь ночи мракъ,
И все даешь намъ видѣть ясно.
Все нужное для насъ сбирать
Своими можемъ мы руками,
Пить, ѣсть, ходить вездѣ, гулять,
Твоими веселясь лучами.

Мнѣ кажется, что въ этотъ часъ,
Какъ солнца всходитъ лучъ свѣтящій,
Отца чадолюбива гласъ

Съ небесъ я слышу низходящій:
Ну, дѣти, вотъ вамъ дневный свѣтъ,
Играйте, радуйтесь, скачите,
И что кому на умъ вспадетъ,
То дѣлая, меня любите!

Тогда всѣ съ радостью встаютъ,
Повсюду люди шевелятся,
Творцу небесному поютъ,
Работаютъ и веселятся.
Твой свѣтъ, о боже! полнъ добротъ:
Онъ разумъ мой въ восторгъ приводитъ;
По истинѣ безуменъ тотъ,
Кто въ немъ утѣхи не находитъ.

Хотя еще незрѣлый умъ
Мой мало въ свѣтѣ искусился,
Однако бы своихъ я думъ
Конечно крайне устыдился,
Когда бъ мнѣ въ голову пришло
Такое размышленье ложно,
Что все на свѣтѣ худо, зло,
Что въ немъ довольну быть не можно.

Тогдабъ мой страхомъ каждый шагъ
Средь рощъ густыхъ сопровождался;
Во всякомъ деревѣ мой врагъ,
Меня стрегущій, мнѣбъ мечтался;
Какъ будто бы со всѣхъ сторонъ
Меня злодѣи окружали,

И дикимъ голосомъ: вошъ онъ!
Вошъ онъ! ошвсюду вопіяли.

Ахъ! Есшьли правду говоряшъ,
Что будшо люди есшь шакіе,
Которые Творца хуляшъ:
Какіе же они слѣпые:
Какъ долженъ бышь ихъ умъ легокъ!
Какая слабосшь, нешерпѣнье!
Пыль, дождикъ, шучка, вѣшерокъ,
Уже ихъ вводишъ въ огорченье!

Нѣшъ, Боже праведный, Твою
Я чшу премудросшь безконечну,
Не умсшвую, но всю мою
Любовь и просшошу сердечну
Тебѣ со вздохомъ приношу,
И лишь о шомъ Тя, милосердый,
Со умиленіемъ прошу:
Даждь, даждь, всегда мнѣ духъ сей шведый.

ВЕЛИКОДУШІЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ.

Англинскаго корабельщика, именемъ Ричардсона, захвашила неподалеку ошъ Данцига жесшокая буря. Съ великимъ шрудомъ насилу могъ онъ войши въ гавань.

Другое судно, кошорое позади его слѣдовало, не было шакъ щасшливо: оно брошено было на мѣль, и шесшнадцашь чело-

вѣкъ бывшихъ на немъ ожидали ежеминутно, что судно ихъ проломится и они въ волнующемся морѣ потонутъ.

Рихардсонъ увидѣлъ ихъ бѣдствіе; но собственное судно его находилось въ такомъ худомъ состояніи, и люди его такъ были трудами и смертнымъ страхомъ умучены, что не возможно ему было ни какъ возвратиться назадъ для поданія помощи страждущимъ.

Не взирая на то, сердце его не давало ему покоя: не могъ онъ быть празднымъ зрителемъ на злощастіе себѣ подобныхъ. Чтожъ онъ сдѣлалъ?

Онъ побѣжалъ къ корабельщику другаго судна, которое неподалеку отъ него стояло на якорѣ, и просилъ его исполнить долгъ человѣчества, котораго онъ самъ исполнить не въ силахъ.

Но этотъ корабельщикъ былъ одинъ изъ тѣхъ хладнокровныхъ и малодушныхъ людей, которые, когда дойдетъ до нихъ дѣло оказать кому либо какую услугу, напередъ размышляютъ и сами себя спрашиваютъ: нѣтъ ли тутъ собственной моей опасности? будетъ ли мнѣ отъ того какая прибыль?

Гнусный образъ мыслей!

И такъ, какія добросердечный Рихардсонъ ни дѣлалъ представленія, не могъ сего

малодушнаго корабельщика убѣдить, чтобъ онъ вдался самъ въ опасность для спасенія жизни другихъ.

Потомъ просилъ его Рихардсонъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ далъ ему своего ялика, по тому что Рихардсоновъ яликъ былъ не такъ великъ и крѣпокъ какъ его; однакожъ сей недоброхотный человѣкъ и въ томъ ему отказалъ, опасаясь, чтобы въ такую великую бурю не лишиться своего ялика.

Праведнымъ огорченіемъ дышущъ и кипя великодушною ревностью, побѣжалъ Рихардсонъ на корабль свой и къ утомленнымъ матрозамъ возгласилъ: „други, есть ли въ васъ еще столько силы и мужества, чтобъ исполнить богоугодное и человѣколюбивое дѣло?

Видите вы сихъ нещастныхъ, которые стоятъ при концѣ жизни? въ комъ изъ васъ есть сердце, тотъ ступай за мною!„

Сказавъ сіе вскочилъ въ яликъ, куда четыре человѣка сильныхъ матрозовъ за нимъ послѣдовали.

Мужественно гребли они поверхъ пѣнящихся валовъ, и напослѣдокъ привалили благополучно къ стоящему на мѣли судну. Но въ маленькой яликъ свой не могли они вдругъ больше шести человѣкъ посадить.

И такъ отвезти сперва сихъ на берегъ,

два раза возвращались они попомъ для забранія всѣхъ остальныхъ.

Избавленные ими благодарили ихъ со слезами; сами же они плодами добраго дѣла своего услаждаясь, вкушали ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе.

Между шестнатцатью человѣками, которыхъ жизнь они спасли, былъ одинъ богатой купецъ изъ Смирны. Сей на другой день пришелъ къ Рихардсону и принесъ ему тысячу гиней, что сдѣлаетъ слишкомъ пять тысячъ рублей на наши деньги.

На что это, спросилъ Рихардсонъ?—— Это тебѣ, отвѣтствовалъ купецъ; прими ихъ пожалуй и поставь сіе за нѣкакой малой знакъ моей благодарности.

Чтобъ я ихъ принялъ? вскричалъ Рихардсонъ: сохрани меня Боже! развѣ я затѣмъ спасъ твою жизнь, чтобъ взять съ тебя за то деньги?

Такимъ образомъ купецъ продолжалъ ему ихъ навязывать, а Рихардсонъ отъ нихъ отговариваться. Напослѣдокъ сей спросилъ:

Скажи пожалуй! ты, которой хочешь сдѣлать мнѣ такой великой подарокъ,—развѣ ты такъ богатъ?

Такъ богатъ, отвѣтствовалъ купецъ, что я безъ разоренія себѣ могу сдѣлать тебя и всѣхъ твоихъ матрозовъ щастливыми.

Когда шакъ, повшорилъ Рихардсонъ, што я подарокъ швой возму. Посемъ взялъ онъ мѣшокъ съ деньгами, созвалъ машрозовъ своихъ на палубу и раздѣлилъ между ими все, не оставя себѣ ни полушки.

Между шѣмъ, какъ сіи ошъ радосши восклицали, Смирнской купецъ сшоялъ и плакалъ.

Что съ шобою сдѣлалось?—Спросилъ у него Рихардсонъ.

Мнѣ досадно, ошвѣчалъ купецъ, что человѣкъ, кошорому я обязанъ жизнію, столько гордъ, что не позволялъ мнѣ имѣшь удовольсшвія оказашь мою благодарносшь.

Божусь шебѣ, что шы обманываешься, вскричалъ Рихардсонъ: не изъ гордосши раздѣлилъ я подарокъ швой между ими, но по шому, что имъ гораздо нужнѣе нежели мнѣ, и что безъ ихъ помощи не могъ бы я шебя спасши.

Такъ шы, думаешь, продолжалъ купецъ, что я забылъ бы ихъ? Вошъ что! — (вышащивъ кошелекъ съ деньгами) вошъ что я имъ назначалъ!—но шы, какъ я уже сказалъ, презрѣлъ мою благодарносшь!

Клянусь шебѣ всею свяшосшію, что я ее не презираю! вскричалъ Рихардсонъ съ нѣкошорымъ жаромъ.

Такъ возьми по крайней мѣрѣ вошъ это, примолвилъ купецъ, подавая ему драгоцѣн-

ный перстень, которой онъ снялъ у себя съ руки.

Рикардсонъ взялъ его.

Всѣ, слышавшіе сей почтенія достойный споръ, находились въ сомнѣніи, кому изъ двухъ должны они больше удивляться, великодушному ли корабельщику, или благодарному купцу, но всѣ согласны были въ томъ, что оба сіи мужи всякой чести и похвалы достойны.

ОСЕЛЪ И ЛОШАДЬ.

Въ какое-то, не помню, время,
Оселъ претяжкое несъ бремя,
Удобное ему дать матъ..
Съ нимъ вмѣстѣ конь, не знаю что тому виною,
Съ порожней шелъ спиною.
Оселъ ему сказалъ: конь братъ!
Мой конь любезный!
Пожалуй сжалься ты на рокъ мой слезный;
Ты видишь ношу на моей спинѣ,
Будь добръ и помоги ты мнѣ. —
Кто? я? я за тебя работать стану?
Лѣнтяй! такому я, какъ ты, болвану
Могу ли быть слугой? —
О конь мой дорогой!
Пищалъ оселъ, я умираю.
Ты силенъ; я передъ тобой дитя,
Полъ-ноши ты моей снесешь шутя;

Спаси меня, я весь изнемогаю.
Нѣтъ, не хочу, конь гордо отвѣчалъ.
Оселъ бѣдняжка замолчалъ.
Въ уныніи глубокомъ,
Въ поту, въ жару жестокомъ,
Разъ пять еще ступилъ,
Упалъ и духъ свой испустилъ.
Тотчасъ сѣдло, подпруги, стремя,
Кульки, мѣшки и всякое беремя,
Съ осла долой,
Везти домой,
Взвалили на лошадь, на горду эту дуру,
И сверхъ того еще ослову шкуру.

МОЛОДОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Молодой скорохватъ, которой имѣлъ великую охоту путешествовать, отправился съ наставникомъ своимъ въ путь.

Лишь только успѣетъ онъ пріѣхать въ какое-нибудь чужестранное мѣсто, то ужъ и спрашиваетъ: кудажь мы отселѣ поѣдемъ? и никогда не хотѣлъ въ одномъ мѣстѣ пробыть столько времени, чтобъ осмотрѣть все, что было тамъ добраго и примѣчанія достойнаго.

Такую великую имѣлъ нетерпѣливость переѣзжать изъ мѣста въ мѣсто!

Наставникъ прашивалъ его иногда промѣшкать подолѣе, представляя, что путе-

шествіе не принесетъ ему ни малой пользы, естьли онъ станетъ только что перелетать изъ одного мѣста въ другое.

Тщетно! онъ не могъ его убѣдить. Но что последовало? Когда сей молодой человѣкъ возвратился домой, то не умѣлъ онъ ничего сказать о тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя пролеталъ, кромѣ одного ихъ имени.

Тогда позналъ онъ свою глупость, и долженъ былъ вознамѣриться вторично предпріять сіе путешествіе, когда хочетъ почерпнуть изъ того пользу.

Такъ точно бываетъ съ тѣми, которые не слушая хорошенько, что имъ учитель изъясняетъ, всегда только о томъ спрашиваютъ, что далѣе слѣдуетъ, и чрезъ то напослѣдокъ ничего не знаютъ.

Кто хочетъ чему твердо научиться, тотъ долженъ безъ всякой поспѣшности выслушивать, и не прежде за конецъ книги хвататься, какъ уже совершенно выразумѣвъ начало оной.

НЕТЕРПѢЛИВОЙ МУЖИКЪ.

Съ однимъ уже немолодымъ мужикомъ, но которой въ молодости походилъ на скоскорохвата, подобное же случилось.

Онъ нанялъ плотника построить себѣ избу о трехъ срубахъ.

Между тѣмъ какъ плотникъ строилъ

первой срубъ, мужикъ торопилъ его, чтобъ онъ поскорѣе принялся за другой.

Плотникъ увѣщевалъ его взять терпѣніе, покуда отдѣлается первой срубъ; но тотъ не давалъ ему ни на часъ покою, требуя отъ него, чтобъ онъ непремѣнно исполнилъ его волю и зачалъ строить второй срубъ не докончивая хорошенько перваго.

Потомъ когда второй срубъ началъ приходить къ окончанію, то сталъ онъ опять требовать, чтобъ приняться за послѣдній; ибо онъ въ крайней былъ нетерпѣливости домъ свой поскорѣе видѣть построеннымъ. Но что сдѣлалось?

Прежде нежели верьхъ дома былъ готовъ, все зданіе обрушилось, потому что срубы онаго не имѣли надлежащей между собою связи и укрѣпленія.

ВЛАСТЬ НАДЪ САМИМЪ СОБОЮ.

Горячъ Мишюша нравомъ былъ,
И хоть отецъ ему твердилъ,
Чтобъ онъ себя воздерживать старался
И сердцу воли не давалъ;
Мишюша обѣщался,
Но въ словѣ не стоялъ:
За сущій вздоръ, за малость всяку,
Онъ часто шумъ и драку

Съ дѣтьми другими поднималъ,
И послѣ такъ передъ отцомъ
Съ слезами извинялся:
Я виноватъ, раскаиваюсь въ томъ,
Но братецъ разсердилъ, и я не воздержался.
Послушай Мишинька! сказалъ отецъ,
Воздержность въ нашей власти,
Кто хочетъ съ твердостью, отъ всякой на конецъ
Свободенъ будетъ страсти;
Тотъ лишъ ей рабъ,
Кто слабъ
Самъ управлять собою,
Поди ты въ садъ теперь, поди,
И тамъ покамѣстъ походи.
Я тотчасъ буду за тобою.
Митюша побѣжалъ и долго ждетъ,
Отецъ нейдетъ:
Терпѣть Митюша не умѣетъ,
Досадуетъ и гнѣвенъ онъ,
Однако же изъ сада вонъ
Уйти не смѣетъ:
Уставъ такой у насъ въ сердцахъ,
Что гнѣва въ нихъ сильнѣе страхъ.
Въ послѣдокъ съ прочими пришелъ отецъ сынами.
Какъ ни былъ Митя разсерженъ,
Однако видъ казать веселый принужденъ,
Не льзя шутить съ отцами.
Съ начала онъ къ притворству прибѣгалъ,

А послѣ, какъ пришелъ къ нему умишко,
И какъ прошло его сердчишко,
Такъ онъ и вподлинну повеселѣе сталъ.
Отецъ имъ говоритъ: ну дѣтки!
Во что хотите вы играть?
Кто въ жмурки, кто въ веревку, кто въ насѣдки;
Митюшѣ жъ змѣй хотѣлося спускать:
Въ играхъ, гдѣ бѣгаютъ, онъ былъ не очень совокъ;
Ловитъ другихъ неловокъ;
Однако же на этотъ разъ
Играть въ насѣдки былъ всеобщій гласъ.
Митюша внутренно хотя и побѣсился,
Но дѣлать нечего, сжавъ сердце согласился.
Пошла игра и бѣги чередой,
Бѣгутъ отъ коршуна, а коршунъ ихъ хватаетъ,
Митюша коршунъ былъ худой,
Изъ рѣзвыхъ ни кого цыплятокъ не поймаетъ
Онъ сердится, но сердце вишь не дастъ
Тому помоги,
Кто бѣгать не гораздъ,
Не сердце надобно тутъ, ноги.
Еще онъ побѣжалъ,
Споткнулся, на траву упалъ,
И ноги къ верьху у Митюши
Торчатъ какъ зайчьи уши!
Упасть не грѣхъ,
Лишь только бъ не убиться;

Со всякимъ можетъ то случиться,
Однакожъ всѣхъ
Беретъ въ такомъ случаѣ смѣхъ.
Хохочутъ дѣти: Миша злится!,
Сердчишко въ немъ кипитъ:
Онъ радъ бы въ волосы вцѣпиться,
Да тутъ отецъ стоитъ!
И такъ, какъ ни было въ немъ сердце воспаленно,
Однако же, тая свои грѣхи,
Тудаже съ прочими, хотя и принужденно,
Кусая губы,
Хи хи, хи хи,
Ворчитъ сквозь зубы
Межъ тѣмъ не вѣченъ гнѣва пламень,
Вишь сердце въ насъ не камень,
Оно смягчается и простываетъ:
Кто сердится когда играетъ?
Прошолъ Мишюшинъ жаръ и пылъ,
Игра другая началася,
Онъ бѣгая, рѣзвясь, смѣяся,
Всемъ сердцемъ веселъ былъ.
Тогда отецъ ему спокойно
И съ кротостью сказалъ:
Вотъ, Мишинька! ты велъ себя благопристойно,
Рѣзвился и игралъ
Безъ всякой брани и безъ шуму;
Возмижъ себѣ ты крѣпко это въ думу
Что можемъ мы себя преодолѣть,

Лишь надо твердо захотѣть.
Когда бы прежде хорошенько
Подумалъ ты о семъ,
Давно бы велъ себя смирненько
И былъ любезенъ всѣмъ.
Севодни показалъ ты эту добродѣтель
За тѣмъ, что я былъ дѣлъ твоихъ свидѣтель;
Но ежели при мнѣ ты воздержаться могъ,
То какъ не разсуждаешь,
Что гдѣ ты ни бываешь,
И что ни дѣлаешь, всему свидѣтель Богъ?

У ДОБРАГО ГОСПОДИНА И СЛУГИ ДОБРЫЕ.

Изъ Кронона, что во Франціи, писали недавно слѣдующую пріятную вѣдомость:

Господинъ сего мѣста (которой конечно доброй человѣкъ, потому что любитъ добрыхъ людей) дѣлаетъ все что можетъ, дабы благодѣтельствовать своимъ домочадцамъ.

Онъ ежегодно удѣляетъ изъ своихъ доходовъ двѣсти талеровъ, и раздаетъ ихъ тѣмъ, которые хорошо себя ведутъ, взрослой ли то человѣкъ случится или мальчикъ, пожилая ли женщина или дѣвушка.

Онъ даетъ имъ сіи деньги всенародно

въ церквѣ: тамъ объявляютъ при всемъ собраніи ихъ имена, и расказываютъ ихъ добрыя дѣла, по которымъ они удостоились сего награжденія.

Изъ награжденныхъ въ нынѣшнемъ году суть одинъ старикъ и одна дѣвица.

Старикъ объявленъ добрымъ по тому, что онъ жилъ на свѣтѣ семдесятъ восемь лѣтъ, и ни кого не было, кто бы про него сказалъ что-нибудь худое, но напротивъ каждой утверждалъ, что онъ отъ самой юности своей всегда прилѣжно работалъ, что всегда былъ услужливъ и благопріязненъ къ каждому, и что шестерыхъ дѣтей воспиталъ, которыми всякъ былъ доволенъ; сверхъ того имѣлъ онъ осмидесятилѣтнюю жену, изъ давняго времени слѣпую, которая дряхлостію своею не малый трудъ ему наводила, и о которой однакожъ спокойствіи прилагалъ онъ всевозможное попеченіе, безъ всякаго притомъ роптанія, и ниже когда-либо на нее или на судьбу свою жаловался.

Что касается до дѣвушки, то мы не можемъ лучшаго сдѣлать описанія, какъ скажемъ то, что говорилъ о ней священникъ. Вотъ его слова:

,,Когда я пришелъ дѣвицѣ сей объявить, ,,что она есть та, которая назначается ,,нынѣшней годъ къ награжденію: то нашелъ ,,ее упражняющуюся въ шитьѣ платка на

„грудь больному своему отцу; и когда я „сказалъ ей, что въ будущее Воскресеніе „надѣнутъ на нее вѣнокъ, и она всенародно „получитъ отъ имени господина своего по„дарокъ за извѣстныя уже всѣмъ ея добро„дѣтели, то она отвѣтствовала: „я сего „не заслуживаю.

„Добродѣтель твоя это заслуживаетъ, „повторилъ я.

„Тогда взглянувъ на меня съ нѣкото„рымъ удивленіемъ молвила она: „я ни о ка„кой добродѣтели не знаю.

„Какъ? сказалъ я, развѣ мы ее не за ту „принимаемъ? та ли это, которая на один„натцатомъ году возраста своего пошла „служить въ чужіе люди?

„Такъ говорила она, но я тогда не хо„тѣла у бѣдныхъ родителей моихъ понапрас„ну ѣсть хлѣбъ, а хотѣла его сама себѣ „доставать.

„И такъ, спрашивалъ я далѣе, это та „самая, которою всѣ были довольны, кому „она ни служила?

„Она повторила: „я старалась о томъ, „сколько могла, и сіе составляло все мое „желаніе.

„Не правда ли, продолжалъ я спраши„вать, что она на пятнатцатомъ году воз„раста своего возвратилась назадъ и была „безотлучно въ домѣ своего отца?

„На сіе она сказала: „шакъ, эшо я. Ма„шушка моя шогда занемогла, и надобно „было за нею ходишь, а по смерши ея шак„же и за башюшкою, кошорой, какъ вы ви„дише, сшаръ и хворъ.

„И шакъ эшо ша самая, продолжалъ я, „кошорая рабошою рукъ своихъ пишала сша„рика ощца своего и маленькую сесшру?

„Я сшаралась о семъ сколько могла, „ошвѣшсшвовала она; но сіе было бы весьма „гнусно, есшьли бы кшо сего дѣлашь не „сшалъ! онъ вишь мой ошецъ, онъ меня вос„пишалъ, а сесшра моя не могла бы сего „сдѣлашь: она еще очень мала.

„Тушъ увидѣлъ я, что не ошибаюсь, и „для шого сказалъ ей: будь спокойна, до„сшойная дѣвица! скоро шруды шводи умень„шашся.

„Сшо шалеровъ шы получишь, и чая„шельно не умедлишъ найшшься доброй „человѣкъ, кошорой на шебѣ женишся.—Она „ошвѣшсшвовала: дѣло эшо еще не шакъ „скоро сбудешся! хошя мнѣ ужъ двашцашь „одинъ годъ, но сесшра моя мала еще и не „можешъ прокормишь ни себя, ни башюшку.„

Сіе расказывалъ священникъ объ эшой доброй дѣвицѣ: изъ сего видно, кого нашъ господинъ и наши люди признаюшъ за добрыхъ.

ГОЛУБЬ И ПЧЕЛА.

Фортуна колесо катящеесь по глади,
Вертится въ верхъ и въ низъ, покорствуя
судьбѣ:
Севодня нищему ты подалъ христа ради,
А завтра можетъ быть и онъ подастъ тебѣ.
Упала въ воду пчелка и тонула;
Увидѣлъ это голубокъ,
Принесъ и бросилъ ей листокъ.
И койкакъ на него вспрыгнула
Обмоклая пчела,
И къ берегу на немъ щастливо приплыла.
По нѣкоторыхъ дняхъ, въ смиреніи глубокомъ,
Сидитъ мой голубокъ на деревѣ высокомъ.
Охотникъ изъ ружья прицѣлялся въ него
Готовится ему смертельную дать муку.
Явилась вдругъ пчела и жаломъ тыкъ его
Въ хотящую уже курокъ спускати руку!
Ружье хотя и пафъ!
Однако голубокъ ты живъ и здравъ.

ПОВѢСТЬ

о трехъ добрыхъ мужахъ.

1. Волтемадъ.

Противъ мыса Доброй Надежды лежалъ на якорѣ корабль, которому надлежало идти въ Батавію.

Онъ ожидалъ благополучнаго вѣтра, но вдругъ поднялась сильная буря.

Она продолжалась двои сутки: волны возносили корабль высоко въ воздухъ, а потомъ свергался онъ въ глубокія бездны.

Напослѣдокъ поломались у него мачты, порвались якорные канаты, и бросило его на мѣль, гдѣ по нѣсколькихъ ударахъ онъ разсѣлся.

Жители лежащей на берегу деревни видѣли сіе.

Они охотно желали бывшимъ на кораблѣ нещастнымъ людямъ сдѣлать вспоможеніе, но не имѣли судовъ. Между ими находился одинъ семидесятилѣтній старикъ по имени Волтемадъ.

Сей, не говоря ни слова, бѣжитъ немедленно въ свой домъ, садится на лошадь, скачетъ назадъ къ берегу и кричитъ предстоящимъ: люди спасемъ людей!

Сказавъ сіе кидается съ лошадью въ пѣнящееся море, плыветъ посреди свирѣпыхъ волнъ на корабль, отстоящій отъ берега на триста шаговъ, и принесши къ нещастнымъ помощь и отраду такъ вопіетъ имъ:

,,Двое изъ васъ скочивъ схватитесь за ,,гриву моей лошади! Богъ поможетъ намъ ,,переплыть; потомъ возвращусь я опять за ,,другими.

Въ одно мгновеніе ока двое изъ сихъ

людей схватились за гриву лошади его, и старикъ съ ними поплылъ.

Едва успѣлъ онъ благополучно привезть ихъ на берегъ, какъ вторично пускается въ свирѣпое море, паки къ опасному плаванію своему приглашаетъ съ корабля двухъ товарищей, привозитъ ихъ также на берегъ, и такимъ образомъ продолжая спасаетъ четырнатцать человѣкъ.

Родственники его и друзья со слезами въ очахъ заклинаютъ его, и сами избавленные имъ почти уже просятъ, чтобъ онъ въ новую опасность не вдавался.

Но тщетны всѣ прозьбы!

Волтемадъ не слышитъ и не видитъ ничего кромѣ тѣхъ, которые находятся еще въ опасности; онъ вырывается изъ рукъ умоляющихъ его, плыветъ опять къ кораблю и вызываетъ отчаянныхъ по прежнему.

По несчастію не послушавъ словъ его бросается съ корабля еще третій человѣкъ; съ разлету хватается онъ за узду утомленной уже лошади, втягиваетъ голову сей бѣдной твари въ море, и утопляетъ самаго себя, двухъ товарищей, а съ ними—ахъ! и великодушнаго Волтемада!

2. Бусардъ.

Не давно случилось, что одно купецкое суднишко долгое время носимо было крѣпкими вѣтрами по морю, такъ что находив-

шіеся на немъ нещастные люди не имѣли у себя больше ни сухарей ни воды.

Продолжающаяся буря, голодъ и безпрестанная работа въ такое привели ихъ изнеможеніе и отчаяніе, что они перестали управлять судномъ и предали себя на произволъ судьбѣ.

Нѣсколько времени спустя прибило ихъ къ одному Французскому порту, который окруженъ былъ подводными каменьями и мѣлями, весьма опасными для мореплавателей, а особливо никогда въ семъ мѣстѣ не бывавшихъ, и слѣдовательно не могущихъ знать, какова пути надлежитъ держаться, чтобъ пройти безбѣдственно въ пристанище.

Тогда наступилъ уже вечеръ, и темнота ночная присоединила страхъ свой къ ужасу свирѣпствующаго моря.

Бывшіе на семъ суднишкѣ нещастные люди, увидя близко берегъ и городокъ, частію обрадовались, частію же испугались; ибо приближалась минута, опредѣляющая имъ либо спасеніе либо смерть.

Напослѣдокъ собравшись съ послѣдними силами стали они держать прямо къ городу.

Бѣдные, они того не вѣдали, что сей путь ведетъ на каменья, гдѣ лютая смерть, челюсть свою разинувъ, уже ихъ ожидала.

Городскіе жители хотя видѣли сіе суд-

вишко идущее на неизбѣжную погибель, но удерживаемые страхомъ угрожающей бури, не могли инаго сдѣлать, какъ только сожалѣли о находящихся на немъ нещастныхъ людяхъ.

Вдругъ сыскивается между сими жителями одинъ великодушной мужъ, которой собственную жизнь свою вознамѣрился подвергнуть опасности, чтобъ спасти жизнь незнакомыхъ ему людей.

Бусардъ имя его: а состояніе и чинъ?— Не больше какъ убогой лоцманъ!

Сперва хотѣлъ было онъ взять большую трубу и напрягши всѣ силы голоса кричать судну, чтобъ оно отъ сего опаснаго мѣста прочь поворотило; но далекое разстояніе и шумъ стенящаго моря дѣлали сіе намѣреніе его тщетнымъ.

И такъ, не видя инаго способа, вырывается онъ изъ рукъ удерживающихъ его родственниковъ, садится на маленькую лодочку, и не взирая на великое волненіе пускается въ море.

Но едва успѣлъ онъ нѣсколько саженъ отдалиться отъ берегу, какъ нашедшій внезапу страшный валъ лодку его опрокинулъ, и онъ поглощенъ былъ водою.

Однако къ великому щастію его слѣдовавшій позади столь же грозный валъ въ

одно мгновеніе она выбросилъ его паки на берегъ.

Сіе неудачное и опасное покушеніе ни мало не погасило въ немъ искръ жалости и человѣколюбія: устремивъ всѣ свои мысли къ спасенію нещастныхъ, и только того опасаясь, чтобъ судно ихъ не разбилось о каменіе и чрезъ то не сдѣлало помощь его позднюю, ниже хотѣлъ онъ столько промѣшкать, чтобъ перемѣнить мокрое платье свое, но тотчасъ бросился искать другую лодку, и сѣвъ въ нее пустился вторично въ море.

Сидя на толь маленькой лодочкѣ борется съ вѣтромъ и волнами, употребляетъ все свое искуство къ защищенію себя отъ нападающей на него смерти, не столько собственной погибели своей страшась, сколько помня то, что въ его спасеніи заключается спасеніе и тѣхъ нещастныхъ.

Наконецъ присталъ онъ благополучно къ сему въ то самое время, когда оно отъ скрытыхъ подъ водою пагубныхъ камней уже не болѣе какъ на нѣсколько саженъ находилось.

Кто можетъ изобразить радость сихъ бѣдныхъ мореплавателей, когда они сего мужа, какъ бы съ небесь для избавленія ихъ низпосланнаго, увидѣли?

Кто можетъ описать благодарность

ихъ, когда они узнавъ о причинѣ опаснаго пріѣзда его къ нимъ, изъ отчаянія пришли въ надежду?

Они хотѣли всѣ упасть къ его ногамъ, но Бусардъ говорилъ имъ: друзья мои! прежде станемъ править судномъ; я буду поворачивать имъ куда надобно, а вы между тѣмъ управляйтесь съ парусами, и когда войдемъ благополучно въ гавань, тогда предадимся нашей радости.

Онъ не удовольствовался тѣмъ, что спасъ ихъ жизнь и судно ввелъ въ гавань, но изнемогшихъ отъ многихъ трудовъ и голода позвалъ къ себѣ въ теплую избу, и тамъ къ насыщенію ихъ представилъ все, что имѣлъ у себя лучшаго, и что могъ достать у своихъ сосѣдей.

Тогда сей великодушной избавитель посреди спасенныхъ имъ людей, радостными слезами ему благодарность свою изъявляющихъ, вкушалъ небесное удовольствіе.

3. Безъименной.

Въ Италіи находится городъ по имени Верона, а чрезъ него протекаетъ рѣка называемая Эчь. Сія Эчь въ прошлую зиму замерзла.

Внезапно сдѣлалась теплая погода, ледъ вдругъ распустился, и рѣка разлилась широко.

Несомыя быстриною льдины разорвали

мостъ съ обоихъ концовъ; одна средняя часть онаго нѣсколько еще держалась. На ней стоялъ маленькой домикъ, въ которомъ жилъ таможенной приставъ со всею своею семьею.

Вопль сихъ нещастныхъ, молящихъ о помощи, привлекъ великую толпу зрителей; но изъ оныхъ не выискался ни одинъ, которой бы отважился подать имъ помощь.

Между тѣмъ сія остальная часть моста отчасу больше разламывалась; и каждую минуту ожидали совершеннаго ея паденія.

Внезапно явился между толпою сожалѣющихъ зрителей одинъ Графъ, (Сполвериини было его имя) которой держалъ къ верьху мѣшокъ съ деньгами, обѣщая отдать оныя тому, кто спасетъ нещастнаго пристава и его семью.

Однакожъ ни кто не сыскался; ибо опасность жизни, въ какую надлежало вдаться, казалась каждому велика и ужасна.

Напослѣдокъ продрался сквозь толпу одинъ бѣдной земледѣлецъ, о которомъ никто не думалъ, чтобъ онъ былъ такъ великодушенъ.

Сей бросился въ лодку и сталъ грести къ колебающемуся уже остатку моста, не смотря ни на силу льда ни на свирѣпство рѣки.

Объятая смертнымъ страхомъ семья

пристaвова спустилась кое какъ въ его лодку; и онъ выплылъ съ ними благополучно.

Едва вышли они на берегъ, какъ отрывокъ моста и съ маленькимъ ихъ домикомъ обрушился въ рѣку: воздухъ наполненъ былъ веселымъ восклицаніемъ зрителей.

Тогда подошелъ къ нему Графъ съ обѣщанною избавителю наградою.... Но кто бы не удивился, увидя сего бѣднаго земледѣльца, отступившаго назадъ и не хотѣвшаго принять мѣшка!

За деньги, говорилъ онъ, не отважилъ бы я своей жизни. Вотъ нещастная семья, которая теперь всего своего имѣнія лишилась: отдайте ей, что мнѣ назначено было.

Сказавъ сіи слова поворотился онъ и скрылся въ множествѣ народа.

Имя его между людьми не извѣстно; но оно вписано на небесахъ въ книгу вѣчности.

НАУКИ.

Любезные дѣти! молодость и свойственная лѣтамъ вашимъ склонность къ веселію и гульбѣ не позволяютъ вамъ иногда разсуждать здраво о пользѣ ученія.

Часто забавы обманчивою пріятностію своею такъ васъ къ себѣ привлекаютъ, что вы только объ нихъ и думаете, не помышляя ни мало о нужныхъ упражненіяхъ и трудахъ.

Но послушайте! видалиль вы когда весною розу подлѣ куста? прекрасная роза обращаетъ на себя ваши взоры, вы на нее любуетесь, и кустъ съ голыми прутьями своими кажется вамъ ничто предъ нею: вы рады выдернуть его изъ земли и бросить, лишь бы никто не трогалъ нашу розу. Дѣти, вы обманываетесь! чрезъ нѣсколько дней роза увянетъ и превратится въ непригожую завялую травку, а между тѣмъ кустъ раскинется, одѣнется зелеными листками, покроется бѣлыми цвѣточками и премножество будетъ на немъ висѣть сладкой малины.

Точно также обманетесь вы, ежели всю юность проведете въ однѣхъ забавахъ: чрезъ нѣсколько лѣтъ забавы ваши перестанутъ васъ утѣшать, и ежели вы въ юности своей пренебрегли чрезъ полезныя упражненія и труды обогатить умъ свой знаніями, возвышающими душу, приносящими честь и славу, то роза ваша исчезнетъ, а малины вамъ не видать.

И такъ будьте благоразумны, любезные дѣти, веселитесь, играйте, но посреди игры и забавъ своихъ помните о наукахъ, которыя нѣкогда принесутъ вамъ великое утѣшеніе. Послушайте что говоритъ о нихъ сладкорѣчивый нашъ писатель Ломоносовъ:

Науки юношей питают,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ непомѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

НЕВИННОСТЬ.

Васинька читалъ отцу своему книжку; и между прочимъ попалось ему слово *невинность*, при которомъ онъ остановился и сказалъ: не знаю для чего, батюшка, только я отмѣнно это слово люблю, и хотя кажется довольно его понимаю, однакожъ можетъ быть заключаетъ оно въ себѣ нѣчто больше нежели я себѣ представляю, и для того желалъ бы я знать точное его знаменованіе.

Я очень радъ, мой другъ, отвѣчалъ отецъ, что слово это тебѣ нравится; оно дѣйствительно изображаетъ многія добродѣтели: невинность значитъ незлобіе, тихость нрава, добросердечіе. Но чтобъ лучше дать тебѣ почувствовать разумъ и силу этова

слова, што я подарю тебѣ стишки: вотъ они! на прочитай ихъ. Стишки сіи были слѣдующаго содержанія:

Невинность зависти не знаетъ,
Охотно хвалитъ, но не льститъ;
Невинность въ спорѣ уступаетъ,
Обидъ не дѣлаетъ, не мститъ,
Довольна завсегда собою,
Не платитъ за вражду враждою,
Не трубитъ вѣкъ себѣ похвалъ;
Невинность совѣсти послушна,
Трудолюбива, добродушна:
Прещастливъ ею старъ и малъ.

~~~~~~~~~

БОГЪ.

Безначальный, присносущный, безконечный, благій, праведный, всемогущій, Богъ и Господь нашъ есть: люди молитесь ему! сотворшаго небо и землю силы небесныя пойте! первобытному, несозданному, единому, имъ же вся бысть, источнику милосердія, глубинѣ премудрости, жизни и свѣта подателю—тому, твари покланяйтесь! ты, его великій, пространный, прекрасный, преудивительный, міръ, со всѣми твоими огненными шарами—тебя не было! онъ повелѣлъ: и ты сталъ!—духомъ устъ его соз-
~~~~~~~~~

данный сталъ быть, и се нынѣ существуешь, великолѣпный, огромный, пышный, безпредѣльный!—твари, предъ создавшимъ его падите ницъ! сто тысячь пламенныхъ небесныхъ тѣлъ, возсіявшія предъ нимъ, текутъ каждое предписаннымъ ему путемъ! сто тысячь земныхъ шаровъ, волю его исполняющіе, шествуютъ вращаясь на своихъ осяхъ! сто тысячь безплотныхъ ангеловъ и херувимовъ стоятъ въ кругъ его престола!—скудный разумъ нашъ не умѣетъ иначе его уподобить, какъ царю царей сѣдящему на престолѣ, но онъ не царь! не князь! онъ существо превыше всѣхъ существъ! онъ Богъ, вездѣсый, вся исполняяй! престолъ его вселенная? подножіе ногъ его небеса!—твари, молитесь ему! Кто былъ свидѣтелемъ дѣлъ его? кому повелѣлъ онъ притти и видѣть—видѣть, какъ онъ все сіе сотворилъ? Кто бездну премудрости его проникъ? кто знаетъ, како повинуется ему океянъ, повинуется толико, что изъ безчисленной глубины водъ его ни единая капля не смѣетъ выступить изъ предписаннаго ей предѣла? кто знаетъ, како ни къ чему не присоединенная и высоко въ горнемъ воздухѣ плавающая луна, ни упасть, ни отъ пути своего уклониться не дерзаетъ? Ахъ! ни кто, ни кто не можетъ того сказать, какъ онъ все сіе сдѣлалъ! — твари, покланяйтесь ему!

отъ тебя, о ты малый шарикъ, съ котораго мы сто тысячь милiоновъ шаровъ свѣтящихся тамо видимъ, до тебя, о ты великiй солнечный шаръ, и отъ тебя до Сирiуса, въ милiонъ разъ еще и тебя большаго, хотя бѣдному червю земному единою токмо точкою кажущагося! — отъ тебя о ты малѣйшая мошка, до тебя, живая гора, слонъ, и отъ всѣхъ васъ до того, который есть существо всѣхъ существъ, Богъ! — о колико степеней! о коликое неудобьизмѣримое пространство! — а тамо, во всѣхъ сихъ милiонахъ, тамо, во всемъ дышущемъ и не дышущемъ теряется мой умъ! О единственный, всяческая всѣхъ, Богъ и Господь нашъ! твари молитесь ему!

НЕЧАЯННОЕ СВИДАНIЕ.

Англинской купецъ, по прозванiю Эдмундъ, отправился въ Тунисъ.

Съ нимъ поѣхалъ одинъ юноша, лѣтъ около четырнатцати, котораго взялъ онъ къ себѣ вмѣсто сына. Имя ему было Карлъ, а прозвище его не извѣстно.

Этотъ юноша любилъ учиться.

Для того часто хаживалъ онъ вездѣ, и осматривалъ все, что ему въ чужой землѣ примѣчанiя достойнымъ казалось.

И какъ онъ умѣлъ уже рисовать, то ходилъ иногда за городъ, чтобъ снимать виды и положенія прекрасныхъ сторонъ.

Между тѣмъ усыновившій его купецъ надсматривалъ за всѣми его дѣлами.

Однажды, идучи сквозь пріятный лѣсокъ неподалеку отъ моря лежащій, увидѣлъ онъ стараго человѣка, сидящаго печально близъ источника.

Одежда его показывала, что онъ одинъ изъ сихъ нещастныхъ людей, которые въ семъ мѣстѣ, подобно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, носятъ на себѣ имена невольниковъ и съ ними какъ съ безсловесными тварями поступаютъ.

Подлѣ него лежалъ давно уже завялый вѣнокъ, которой онъ отъ времени до времени бралъ въ руки, печально на него смотрѣлъ и проливалъ слезы.

Любопытство и сожалѣніе понудили юнаго Англичанина къ нему приближиться.

Онъ началъ дружелюбно съ нимъ разговаривать, сѣлъ подлѣ него, и спрашивалъ о причинѣ его печали.

Старикъ воздохнулъ, посмотрѣлъ на юнаго чужестранца горестными очами и сказалъ:

Не принуждай меня, о юноша, разсказывать тебѣ о моихъ приключеніяхъ: естьли ты жалостливъ и можешь сочувство-

вать мои нещастія, то я повѣствованіемъ оныхъ возмущу твое спокойствіе.

Юноша, котораго жалость и любопытство симъ паче умножились, пожалъ у него руку, и просилъ неотступно расказать ему о своихъ нещастіяхъ.

Старикъ началъ:

Знай же, добросердечный юноша, что сей холмъ подлѣ котораго мы сидимъ, сокрываетъ въ себѣ тѣло одной изъ добродѣтельнѣйшихъ, изъ вѣрнѣйшихъ женъ, которую нѣкогда я называлъ моею.

Она отважилась ѣхать со мною за море, потому что не могла безъ меня жить.

Жестокая буря принесла насъ къ Африканскимъ берегамъ, гдѣ напали на насъ морскіе разбойники и взяли всѣхъ въ плѣнъ.

Богъ уменьшилъ наше нещастіе тѣмъ, что мы не были разлучены: ибо я съ добродѣтельною моею женою и купно съ груднымъ еще нашимъ младенцомъ, проданы были одному господину.

Возложили на насъ тяжкіе труды, и часто безчеловѣчнымъ образомъ съ нами поступали.

Но мы судьбу свою сносили терпѣливо: любовь въ страданіяхъ нашихъ подавала намъ отраду и утѣшеніе.

Такимъ образомъ жили мы два года, какъ вдругъ угодно стало Богу.....

Тутъ залился старикъ горькими слезами, и рѣчь его въ устахъ пресѣклась.

Что мнѣ тебѣ сказать, о юноша? продолжалъ онъ напослѣдокъ.

Ты видишь холмъ сей, и онъ тебѣ все сказываетъ! въ немъ лежитъ погребено все щастіе и спокойствіе моей жизни!

Нѣчто у меня еще оставалось, которое печальную душу мою прилѣпляло къ свѣту.

То былъ дражайшій залогъ любви нашей, маленькой сынъ мой, отрада и утѣшеніе старости моей, котораго лишился я нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Когда бывало садился я подлѣ сего священнаго для меня холма, дабы пролитіемъ слезъ горестное сердце мое облегчить, тогда невинное сіе дитя лежало спокойно на моихъ колѣняхъ, и обнимая меня ручонками, просило чтобъ я не плакалъ; тогда въ лицѣ его распознавалъ я черты дражайшей его матери, и прижимая его съ горячностію къ моей груди, думалъ въ немъ лобызать образъ возлюбленной моей супруги. О! тогда во умиленіи чувствъ моихъ, горестную сію и купно для меня сладчайшую минуту, не промѣнялъ бы я на обладаніе цѣлаго свѣта!

Однажды какъ я, по обыкновенію моему, въ такоежъ какъ теперь полуденное время, въ которое мнѣ позволяютъ нѣсколько от-

дыхать, сидѣлъ здѣсь и горести моей предавался, любезной малютка мой бѣгалъ и рвалъ цвѣтки, чтобъ сплести вѣнокъ, которой хотѣлось ему повѣсить надъ гробомъ своей матери.

Въ намѣреніи нарвать побольше цвѣтковъ, оставилъ онъ у меня вѣнокъ свой почти уже готовый, и побѣжалъ къ берегу.

Внезапный крикъ, въ которомъ слышился мнѣ голосъ его, возбудилъ меня отъ задумчивости.

Я бросился тотчасъ къ берегу, и — о Боже! увидѣлъ любезнаго сына моего въ рукахъ безчеловѣчныхъ разбойниковъ, отвалившихъ уже отъ берега и распустившихъ парусы свои!

Тщетно призывалъ я на помощь небо и землю, Бога и человѣковъ; тщетно трепещущія руки мои простиралъ къ немилосердымъ хищникамъ, прося ихъ, чтобъ они по крайней мѣрѣ взяли и меня съ собою!

Они были уже такъ далеко, что не могли слышать моего вопля: и сынъ мой, нещастный сынъ.....

Онъ здѣсь въ твоихъ объятіяхъ!—Вскричалъ молодой Англичанинъ, бросясь въ безмѣрномъ восторгѣ къ старику на шею.

Долгое время охватясь руками пребыли они безмолвны, доколѣ наконецъ сильное

движеніе чувствъ изліяніемъ радостныхъ слезъ не укротилось.

Родительское сердце вскорѣ по всѣмъ признакамъ нашло и удостовѣрило щастливаго старика, что онъ не мечтою ослѣпленъ, но подлинно любезнаго сына своего паки обрѣтщагося въ объятіяхъ держитъ.

Когда по укрощеніи первыхъ движеній могли они разговаривать, тогда расказалъ Карлъ, что онъ помнитъ, какъ ходилъ за цвѣтами и какъ увезли его разбойники, но что въ продолженіе времени не могъ онъ упомнить ни имени своего отца, ни той земли, въ которой жилъ съ нимъ во время своего малолѣтства.

Разбойники привезли его тогда въ Америку и продали одному Гишпанцу.

А Гишпанецъ продалъ одному Англинскому купцу, которой вскорѣ полюбилъ его какъ сына, привезъ съ собою въ Англію, и будучи самъ бездѣтенъ, сдѣлалъ его наслѣдникомъ всего своего имѣнія.

И сей-то благодѣтель его вмѣстѣ съ нимъ, какъ мы уже видѣли, по нѣкоторымъ торговымъ дѣламъ пріѣхалъ въ Тунисъ.

Сіе повѣствованіе часто прерываемо было новыми обниманіями и новымъ изъявленіемъ сердечной радости и сына и отца.

Потомъ спѣшилъ обрадованный юноша

сыскать своего благодѣтеля и увѣдомить его о нечаянномъ своемъ щастіи.

Едва старикъ и Эдмундъ успѣли поздороваться, какъ взоры ихъ неподвижно другъ на друга устремились.

Скажи мнѣ, какъ твое прозваніе?—спросилъ купецъ.

Меня называютъ Эдмундъ, сказалъ старикъ, а тебя?—

Меня—твоимъ щастливымъ братомъ! вскричалъ младшій Эдмундъ, и бросился безгласенъ въ объятія удивленному старику.

Молодой Карлъ съ отверстыми устами и уставленными на нихъ глазами стоялъ, подобно окаменѣлому, не говоря ни слова.

Что каждый изъ нихъ въ сіи минуты чувствовалъ, того ни какимъ перомъ описать не можно.

Напослѣдокъ стали разговаривать: и вышло, что младшій Эдмундъ брата своего считалъ мертвымъ, понеже съ самаго отъѣзда его изъ Англіи не было о немъ никакова слуха, и по тому оплакавъ его, взялъ онъ во владѣніе къ себѣ все его въ немаломъ количествѣ состоящее имѣніе.

Также расказывалъ, что молодой Карлъ, когда онъ его купилъ, на природномъ своемъ языкѣ не умѣлъ ничего говорить; и для того не только не могло ему притти въ голову, чтобъ то былъ его племянникъ, но

что онъ не иначе считалъ его, какъ сыномъ какова нибудь Гишпанца.

Послѣ сего младшій Эдмундъ побѣжалъ тотчасъ къ господину своего брата, и понесъ съ собою за него выкупъ.

,,Ты свободенъ, любезнѣйшій братъ! ,,сказалъ онъ возвратившись; и завтра мы ,,поѣдемъ въ Англію.,,

Но къ крайнему сожалѣнію своему услышалъ, что братъ его твердо вознамѣрился остатокъ жизни своей проводить на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ прахъ дражайшей его супруги.

Всѣ уговариванія были тщетны.

И такъ положено было на семъ мѣстѣ построить маленькой доминъ.

Карлъ пожелалъ остаться съ отцомъ своимъ, чтобъ соблюдать при старости покой его въ семъ домикѣ.

Младшій Эдмундъ поѣхалъ въ Англію и распродавъ тамъ всѣ свои товары, возвратился назадъ, чтобъ также быть при своемъ братѣ, пока жизнь его продолжится.

СОЛНЦЕ.

Ты зрѣлъ ли утра мракъ?
Багряну зрѣлъ ли зорю,
Какъ солнца красный всходъ

Она предвозвѣщала?
Что сердце ощущало?
Что мыслилъ ты тогда,
Какъ зрѣлъ сего свѣтила
Великолѣпный видъ?

Любовію и страхомъ,
Зря Божье чудо въ немъ,
Душа моя наполнись,
Благослови Творца!
Тамъ каждый лучь сіяетъ
Его щедроты полнъ:
О люди! всеблагому
Воспойте Богу пѣснь!

Всемощною десницей
Онъ солнце сотворилъ,
Онъ блещущимъ украсилъ
Чело его вѣнцемъ,
Онъ ризой лучезарной
Одѣлъ его вокругъ,
Отъ той во всю вселенну
Да сыплетъ вѣчно свѣтъ!

Се мракомъ окруженно
Является оно:
Да наши не померкнутъ
Отъ блеску очеса,
Да зримъ колико пышно
Течетъ на высоту,

И все, что было тьмою,
Преобращаешь въ свѣтъ!

Творя Господню волю,
Что зришь окрестъ себя,
Во все то жизнь вливаешь
Добротою луча.
Поставленный на тверди
Вселенныя Творцемъ,
Во вѣкъ неистощимый
Источникъ вѣчныхъ благъ!

Смотрите, коль высоко
Стоитъ вознесено!
Кто смертный взявъ рукою
Повергъ его туда?
Который царь уставилъ
Такой ему законъ,
Однимъ да непрестанно
Течетъ всегда путемъ?

Чью волю исполняешь
Спросите у него!
Въ неизмѣримой безднѣ
Безмолствуя грядешъ,
И славословишь Бога,
Егоже славы всѣ
Вселенныя предѣлы
Въ себѣ не умѣстятъ!

Когдажъ лице скрываешь
Отъ насъ оно свое,

Багровый свѣтъ играетъ
Тогда вокругъ его.
Въ величествѣ садится,
Въ другой отходитъ край;
Не зная вѣкъ покоя,
Даетъ намъ всѣмъ покой.

ПТИЧКА И ПТИЦЕЛОВЪ.

Птицеловъ поймалъ птичку; птичка говорила ему: посмотри, какая я маленькая! на что я тебѣ гожусь? пусти меня опять въ лѣсъ; изъ благодарности я тебѣ скажу нѣсколько прекрасныхъ стишковъ.

Изрядно! сказалъ птицеловъ, посмотримъ, какимъ стишкамъ можетъ научить меня чижикъ.

Птичка обрадовалась и сказала птицелову: вотъ мои стишки:

,,Разумной можетъ заблуждаться,
,,Равно какъ человѣкъ простой;
,,Однако же спѣшитъ хвататься
,,Онъ паки за разсудокъ свой,
,,И тѣмъ себя во вѣкъ не станетъ мучить злобно,
,,Чему событься не удобно.

Хороши стишки! сказалъ птицеловъ, каждой робенокъ это знаетъ. — Но добро! быть такъ, я тебя пущу.

Птичка взлетѣвъ на вѣтку ближняго дерева размышляла: посмотримъ, человѣкъ этотъ, которой стишки мои такъ уничтожаетъ, выдержитъ ли надъ собою опытъ!

О глупинькой! сказала она птицелову, чижикъ тебя обманулъ! знай что внутри меня есть драгоцѣнный камень: двѣ бочки золота стоитъ онъ, а ты меня упустилъ!

Сказавъ сіе птичка улетѣла, а птицеловъ—впалъ въ превеликую печаль.

ШЕРСТОВОЙ АНДРЕЙ.

Андрей, веселый шерстобой,
Доволенъ будучи собой,
Съ великою всегда охотой,
Въ гульбѣ и за работой,
Хоть хлѣба чуть кусокъ имѣлъ,
Но цѣлый день все пѣсни пѣлъ.
Всякъ стройной звонкости дивился,
Съ какою гласъ его носился;
Мужъ говоритъ женѣ своей:
Чу, слышишь ли поетъ Андрей!
Съ нимъ рядомъ жилъ богачъ спѣсивый,
Изнѣженный, празднолюбивый,
Кой ночью пироватъ охочъ,
Изъ дня частенько дѣлалъ ночь.
Но долгимъ бдѣньемъ изнуренны,

Свои зѣницы утомленны
Едва онъ закрывать начнетъ,
Какъ вдругъ Андрей нашъ запоетъ!
Чортъ побери твою работу,
И злую горло драть охоту,
О ты проклятой шерстобой!
Ворчитъ богачъ сердяся мой.
Коль сонъ какъ шолкъ бы продавался,
Отъ пѣсенъ ябъ не просыпался.
Проходятъ утро и обѣдъ,
Богачъ пѣвца къ себѣ зоветъ,
И говоритъ: Андрей веселый,
Въ трудахъ проводишь ты день цѣлый,
Скажи, какой своимъ ты въ годъ
Достанешь ремесломъ доходъ?
На вашу рѣчь, сударь, я эту
Дать право не могу отвѣту,
Сказалъ Андрей; какъ можно намъ
Щитать доходы по годамъ?
А вотъ: что добылъ ввечеру,
То съѣлъ севодня по утру;
И такъ доходъ мой въ сущемъ дѣлѣ
Семь пообѣдать разъ въ недѣлѣ.—
„Однакожe безъ всякой лжи
По скольку, право, въ день? скажи."—
Въ васъ видно любопытство бродитъ.
День на день, сударь, не приходитъ,
А какъ случится, такъ и есть;
Кусокъ мясца всегда мнѣ въ честь;
Вотъ праздники меня съѣдаютъ,

А особливо как бывают
Дни по два или по три в рядъ,
Ну тутъ ужъ я и хлѣбцу радъ!
Богачъ для своего покоя
Узнавши что отъ терстобоя,
Что онъ хотя большой пѣвецъ,
Но очень голый молодецъ,
Пошелъ какъ будто для прогулки,
И вынялъ изъ своей шкатулки
Сотъ съ пять серебряныхъ рублей,
Принесъ и говоритъ: Андрей!
Возми ты эту денегъ груду,
Но долженъ ты мнѣ слово дать,
Во вѣки пѣсенъ не орать,
Доколь я жить на свѣтѣ буду.
Пѣвецъ то слыша задрожалъ,
Ему казалось что мечтою:
Онъ столько денегъ предъ собою
Ниже во снѣ когда видалъ.
Отъ радости въ немъ сердце таетъ;
Онъ съ деньгами мѣшокъ хватаетъ,
Отвѣся богачу поклонъ,
Давъ клятву соблюдать законъ,
Что впредь ужè не токмо громко,
Ушамъ богатаго грубя,
Пѣть пѣсни онъ, ниже тихонько
Мурлычать будетъ про себя.
Съ мѣшкомъ веселый терстобой
Въ восторгѣ побѣжалъ домой;
Прещастливымъ себя считаетъ,

Не можетъ щоту деньгамъ дать,
Все съ нова хочется считать;
Мѣшокъ цалуетъ, обнимаетъ;
Не можетъ досыть наглядѣться,
Не вѣдаетъ куда съ нимъ дѣться,
Въ коробку прячетъ, въ сундучокъ,
Боится что собьютъ замокъ,
Несетъ ихъ въ новые затворы,
Но мнитъ: и тамъ украдутъ воры.
Всю въ страхѣ ночь безъ сна лежитъ;
Собака чуть пошевелится,
Иль кошка мимо пробѣжитъ,
Онъ вскочетъ и ему ужъ мнится,
Что нѣтъ сокровища его;
Вдругъ вора бить спѣшитъ къ полѣну,
Но часто бьется лбомъ объ стѣну,
Въ потьмахъ не видя ничего.
Впослѣдокъ онъ примѣтилъ ясно,
Что льстился щастіемъ напрасно,
Что щастіе не въ барышахъ,
Но въ кроткихъ царствуетъ душахъ,
Что выгоды его суть плохи:
Онъ пѣсни промѣнялъ на вздохи,
И что лишась веселыхъ дней
Онъ нынѣ скучный сталъ Андрей.
Однакожъ вскорѣ онъ очнулся.
Въ немъ прежній духъ встрепенулся,
Бѣжитъ проворно къ богачу
И говоритъ: нѣтъ, не хочу,
Для всѣхъ сокровищей я болѣ,

Въ такой жестокой быть неволѣ,
Чтобъ вмѣсто пѣть и ухъ и ахъ,
Стоять у денегъ на часахъ!
Не прочны ваши мнѣ совѣты.
Извольте взять свои монеты
Обратно, баринъ, отъ меня;
Боюсь я этова огня;
Онъ все спокойствіе снѣдаетъ,
Желаньи вѣчны въ насъ рождаетъ.
Пускай завидуетъ вамъ всякъ,
Я вашимъ щастьемъ не плѣняюсь,
На вашу пышну жизнь никакъ
Своею скудной не мѣняюсь,
И быть хочу, любя покой,
Андрей, веселый шерстобой.

ГНѢВЪ.

Тимоша былъ добрый мальчикъ; не проходило дня, чтобъ онъ чему не научился, или бы не поправилъ себя въ своихъ погрѣшностяхъ.

Отъ однаго только порока долго не могъ онъ отстать, и чуть было не довелъ себя чрезъ то до страшнаго раскаянія.

А именно: онъ былъ очень вспыльчивъ, и тотчасъ осердится, коли кто изъ товарищей нечаянно ему досадитъ.

Начнетъ толкаться, весь покраснѣетъ,

насилу можешъ говоришь, и словомъ появятся въ немъ всѣ знаки бѣснующагося и разумомъ своимъ не владѣющаго человѣка. Учители сколько ни старались, не могли его воздержать отъ сего порока.

Случилось однажды, что одинъ изъ его товарищей показывалъ ему нѣчто такое, что онъ самъ у своего учителя перенялъ.

Тимошино любопытство такъ было велико, что онъ все свое вниманіе обратилъ на то, чтобъ слушать.

Къ нещастію прибѣжалъ маленькой Ѳедюша и дернулъ его раза два за полу, зовя играть съ собою въ садъ.

Тимоша вдругъ осердился, толкнулъ его отъ себя, и такъ крѣпко, что бѣдной Ѳединька не устоялъ на ногахъ и треснулся головою о камень.

Онъ растянулся тутъ на мѣстѣ безъ чувствъ—И какъ у камня былъ острой уголъ, о которой онъ ударился, то кровь изъ головы у него потекла ручьями.

О Боже! какая минута для нещастнаго Тимоши, которой любилъ Ѳединьку и отнюдь не былъ въ намѣреніи сдѣлать ему какое либо зло!

Онъ упалъ на него и кричалъ громко:— ахъ умеръ! умеръ! — я убилъ Ѳединьку! — и вмѣсто чтобъ помышлять о способѣ помочь ему, онъ лежалъ подлѣ него и рыдалъ.

По щастію одинъ изъ учишелей сидя подлѣ окошка услышалъ эшошъ крикъ.

Онъ шошчасъ выбѣжалъ, взялъ не говоря ни слова маленькаго Ѳедюшу, ошнесъ его на посшелю, и прыснувъ на него холодною водою, привелъ его чрезъ нѣсколько минушъ въ чувсшво.

Тимошу нѣсколько сіе ушѣшило, однакожъ онъ былъ въ чрезвычайномъ сшрахѣ о его жизни.

Рану освидѣшельсшвовали и нашли, чшо она была не смершельна.

Позвали лѣкаря, кошорой ее перевязалъ. Къ Ѳедюшѣ присшала горячка: онъ началъ бредишь.

Тимоша день и ночь безошлучно сидѣлъ у его посшели, какъ на смершь осужденный, безмолвенъ и въ крайнемъ уныніи. Никшо не говорилъ съ нимъ ни слова! ибо никшо ушѣшишь его не могъ, а упрекашь ему въ семъ случаѣ было бы жесшокосердо.

Лишь Ѳединька часшо ему въ бреду кричалъ: — ,,Любезной Тимоша! — чшо я шебѣ ,,сдѣлалъ, чшо шы меня шакъ больно убилъ?— ,,Виновашъ! виновашъ! впредь я шебя ни ,,чѣмъ не огорчу!“

Сіи слова до шого умножили Тимошину горесшь, чшо онъ былъ въ жалчайшемъ сосшояніи нежели самъ больной.

Напослѣдокъ далъ Богъ, чшо горячка

прошла, рана стала заживать, и чрезъ нѣсколько дней Ѳедюша могъ уже сидѣть на постелѣ.

Кто можетъ изобразить радость Тимошину? Тотъ развѣ, кто бы могъ чувствовать страхъ его во время опасности Ѳедюшиной.

Радость его была несказанна, однакожъ смѣшена съ такимъ раскаяніемъ и съ такимъ твердымъ намѣреніемъ впредь отъ сего порока воздержаться, что она была въ немъ почти не примѣтна.

Когда Ѳединька совершенно выздоровѣлъ, тогда Тимоша сталъ по прежнему веселъ; онъ сдержалъ данное себѣ слово, и ужъ товарищи его никогда не имѣли причины жаловаться на его вспыльчивость.

Онъ былъ щасливъ, что заплатилъ въ семъ случаѣ недорого за избавленіе себя отъ толь опаснаго порока: ибо у Ѳединьки рана зажила, и только остался маленькой рубчикъ на вискѣ, котораго Тимоша не могъ никогда безъ жалости видѣть, и часто цаловалъ его, благодаря провидѣніе.

Выжъ, любезные дѣти, естьли кто изъ васъ подверженъ пороку гнѣва, подумайте, не лучше ли заблаговременно себя исправить, чѣмъ приключить самому себѣ или другому смертную опасность?

УТРЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Братцы вставайте! день разсвѣтаетъ,
Солнце высоко входитъ на верьхъ;
Нѣгу оставьте; блескомъ пріятнымъ
Свѣтлый насъ будитъ солнечный лучь.

Пышно, прекрасно, тамъ надъ зеленымъ
Рдѣясь сіяетъ лугомъ оно.
Путь простирая свѣтитъ полъ свѣту,
Сладкой полъ свѣта тѣнью хладитъ.

Свѣтъ и веселье сыплетъ на землю,
Сонъ прерывая жизнью даритъ,
Знойными поле грѣя лучами
Плодъ производитъ красенъ и зрѣлъ

Се, добродѣтель, образъ твой точный!
Естьли и скроетъ облакъ его,
Мрачныя тучи сквозь проницая
Къ намъ низсылаетъ щедрость свою.

Божья премудрость съ тѣмъ сотворила
Солнце и мѣсяцъ, землю и твердь,
Воздухъ и воды, насъ человѣковъ,
Всяко дыханье, всякую тварь,

Кийждо да будетъ крайнею силой
Свѣту полезно въ званьи своемъ.
Мыжъ человѣки Богу подобны,
Намъ ли пристойно свѣтъ тяготить?

Правда, мы малы, ахъ, неспособны
Дѣлать большія въ мірѣ дѣла!
Даромъ! мы можемъ многимъ ученьемъ
Умъ пригошовишь къ важнымъ дѣламъ.

Эй посмошрише! солнце высоко:
Вся веселишся здѣшня страна,
Часъ возвращенья всякъ поздравляя
Гласомъ усерднымъ славишъ Творца.

Брашцы вспавайше! пѣснь благодарну
Вышнему Богу мы принесемъ;
Въ общемъ весельѣ слышенъ да будешъ
Также и дѣшскій нѣжный нашъ гласъ.

САМОЕ ТЯЖЕЛОЕ И САМОЕ ЛЕГКОЕ.

Изъ семи разумныхъ Греческихъ мужей, кошорыхъ семью мудрецами называюшъ, одинъ именовался Өалесъ. Сего нѣкогда спросили: чшо всего шяжелѣе, и чшо всего легче?

Всего шяжелѣе, ошвѣчалъ онъ, знашь самаго себя и свои пороки: всего легче знашь пороки другихъ людей.

Тошъ же Өалесъ поклонился однажды встрѣшившемуся съ нимъ челокѣку весьма учшиво, но человѣкъ эшошъ не ошкланялся ему и прошелъ гордо мимо его.

Пріяшели Өалесовы думали, чшо онъ за

это осердится, и что ему, как мужу знаменитому, должно быть обидно, для чего тот ему не откланялся.

Но Θалесъ говорилъ имъ: развѣ это мнѣ обидно, что я его учтивѣе?

ЕЗОПЪ.

Прохожій усмотря Езопа на пути,
Спросилъ: какъ скоро я могу дойти
Отседь до перваго ночлега?
Поди: сказалъ Езопъ.—
Прохожій повторилъ я знаю самъ конечно,
Что естьли не пойду, такъ тамъ не буду вѣчно;
Но ты мнѣ объяви, во сколько я часовъ....
Такъ инъ поди! сказалъ опять Езопъ.
Прохожій про себя ворчитъ и разсуждаетъ:
Я толку отъ него какъ видно не добьюсь,
Отъ сумасшедшаго скорѣе отвяжусь;
Зачѣмъ правительство такихъ не запираетъ?
И больше не спросивъ Езопа ни о чемъ,
Поворотяся онъ пошелъ своимъ путемъ.
Гей! гей! вскричалъ Езопъ, чрезъ два часа иль менѣ.
Ты будешь тамъ, повѣрь;
Прохожій удивясь такой въ немъ перемѣнѣ,
А почемужъ, спросилъ, ты знаешь то теперь?

*

Я зналъ, сказалъ Езопъ, далеколь до ночлега,
Но скороль ты придешь, того узнать не
могъ,
Не видя бѣга
Твоихъ я ногъ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ.

Ученики Сократа приносили иногда къ нему подарки, каждый по своей возможности. Одинъ только Эсхинъ былъ изъ нихъ такъ бѣденъ, что ничего ему принесть не могъ.

Я ничего такова не имѣю, говорилъ онъ Сократу, чѣмъ бы я тебя подарить могъ, и для того только и сожалѣю о моей бѣдности. Однакожъ я все тебѣ даю, что имѣю— самого себя. Не отвергай сего малаго подарка, и помни, что другіе хотя много тебѣ дали, но еще больше у себя оставили.

Сократъ отвѣтствовалъ:

Ты не малой мнѣ даешь подарокъ, Эсхинъ, хотя не ставишь себя за велико. Я всѣ силы употреблю возвратить тебя самому тебѣ назадъ гораздо въ лучшемъ состояніи, нежели въ какомъ тебя получаю.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

Ослу лисица говоритъ:
Признаться надлежитъ,
Что конь прекрасная скотина:
Какой предлинной хвостъ!
Какія ноги, грива, поступь, мина!
Какой высокой ростъ!
Смотри, какъ этотъ важно выступаетъ!
Какъ грозенъ и спѣсивъ!
А тотъ, что на лугу играетъ,
Какъ рѣзовъ и красивъ!
Давно позорища не зрѣла я такова.—
Куда же ты оселъ? посмотримъ на часокъ,
„Чево смотрѣть пустова:
„Я мастеръ прыгать самъ,
„И лучшему коню не уступлю ни
мало.—
Ты прыгать, ты? такова чуда не бывало.—
„Такъ вѣрь же ты своимъ глазамъ.—
По сихъ словахъ пошла потѣха:
Оселъ сталъ бодро выступать,
И прыгать и скакать:
Лисица чуть не умерла отъ смѣха.

КЪ УВЯДШЕЙ РОЗѢ.

Не давно, нѣжна роза, ты
Гордилась въ пышности собою;

Теперь лишенна красоты
Стоишь блѣдна передо мною.

Тебѣ подобна буду я,
Мнѣ часто батюшка вѣщаетъ,
Минется молодость моя,
Котора нынѣ всѣхъ прельщаетъ.

Коль правилами дѣлъ благихъ
Душа не будетъ украшенна,
Лишася прелестей своихъ
Я буду такъ какъ ты презрѣнна.

СТРАННАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Нѣкто богатый и знатный Китаецъ гордился тѣмъ, что носилъ на себѣ платье, усаженное драгоцѣнными каменьями. Старый и худо одѣтый Бонза (такъ называютъ духовныхъ людей въ Китаѣ) ходилъ за нимъ по всѣмъ улицамъ и кланяяся низко благодарилъ его неоднократно за бриліанты.

Другъ мой, сказалъ однажды богатой, не знаю, за что ты меня благодаришь, я никогда тебѣ бриліантовъ моихъ не давалъ.

Это правда, отвѣтствовалъ Бонза; но вы всегда подаете мнѣ случай ихъ видѣть а другова изъ нихъ употребленія и сами вы

сдѣлашь не можеше. И шакъ нѣшъ между нами иной разносши, кромѣ чшо вы имѣеше шрудъ носишь ихъ и беречь а я никакова о нихъ попеченія не имѣя, сшолькожъ какъ вы ими наслаждаюсь.

~~~~~~~~~~~~

РОСА НА РОЗОВОМЪ ЛИСТКѢ.

Взгляни на эшу перлу,
Какъ въ солнечныхъ лучахъ
Она блисшаешъ свѣшло
На розовомъ лисшкѣ!

Вчера во время грому
Я видѣлъ сей цвѣшокъ;
Въ него ревѣла буря
И сильной дожжикъ лилъ:

Казалось разлешяшся
Всѣ врознь его лисшки;
Но буря миновала,
Умолкъ и вѣшръ и громъ.

Се въ солнечномъ сіяньи
Румянецъ умножая,
По прежнему гордишся
Лисшочками она.

Невинносши есшь образъ
Сей розовой цвѣшокъ.
~~~~~~~~~~~~

Не рѣдко въ жизни бури
Намъ пагубой грозятъ.

Въ бѣдахъ не будь отчаянъ,
И въ щастьи не взносись:
Ихъ случаи приносятъ
И случаи берутъ.

Но добродѣтель твердо
Храни всегда въ груди;
Она узда во щастьи
Она въ нещастьи щитъ.

ДѢЯНІЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Весьма ошибаются, ежели думаютъ, что одни знатные люди удобны дѣлать и мыслить благо. Часто въ покрытой соломою хижинѣ больше скрывается добродѣтели, нежели въ огромныхъ палатахъ! послушайте, что недавно сдѣлалъ одинъ мужичокъ, живущій въ окружности города Цириха.

Онъ трудами своими и бережливостію собралъ себѣ небольшое имѣньице. Предъ недавнымъ временемъ почувствовавъ слабость здоровья захотѣлъ онъ распорядить свои вещи.

Такимъ образомъ роясь нѣкогда въ старыхъ бумагахъ нашелъ онъ давно уже заплаченной щотъ одного плотника, которой

ему изъ своего лѣсу строилъ домъ и со всѣми нужными къ тому пристройками.

При первомъ взглядѣ показалось ему, что сумма подведенная въ семъ щетѣ мала въ разсужденіи верхнихъ числъ; и такъ начавши повѣрять нашелъ онъ, что плотникъ ошибся въ сложеніи, и взялъ съ него пятью-десятью талерами меньше, нежелибъ надлежало.

„Ахъ, Боже мой! говорилъ онъ самъ себѣ, какую ошибку одѣлалъ этотъ доброй человѣкъ! Какъ мнѣ жаль, что я по незнанію моему такъ много ему не доплатилъ, и сію ошибку теперь лишь, спустя тритцать лѣтъ послѣ его смерти, примѣчаю!

Однакожъ я могу ее поправить: послѣ него живутъ дѣти и внучата, имъ деньги сіи должны быть отданы.“

Сказалъ и сдѣлалъ. Не могши самъ выходить изъ дому просилъ онъ одного изъ своихъ пріятелей, чтобъ тотъ сіе число денегъ доставилъ плотниковымъ наслѣдникамъ. Сей самый пріятель его насъ о семъ увѣдомилъ: а честной этотъ мужичокъ самъ ни кому о томъ не сказываетъ.

Дѣти! разсуждая по надлежащему, дѣло сіе можетъ назваться просто *справедливостію*, а не *благодѣяніемъ* и не *великодушіемъ*. Но естьли бы всякой человѣкъ былъ

только такъ справедливъ, какъ бы хорошо было жить въ обществѣ съ людьми!

ПѢСНЯ

юнаго мореплавателя по утишеніи бури.

Море гладко и сіяетъ
Фебовъ ясный лучь въ сей часъ,
Рыба рѣзвая играетъ
Цѣлымъ стадомъ вокругъ насъ.

Всѣ спокойны, всѣ смѣются;
Весело, какъ дома, намъ,
И далеко раздаются
Наши пѣсни по водамъ.

Буря страшная ревѣла,
Нѣсколько тому часовъ;
Бездна поглотить хотѣла
Насъ трепещущихъ пловцовъ.

Вѣтеръ вылъ, стонало море,
Всюду тьма была и мракъ,
Душу всю снѣдало горе,
Молнія слѣпила зракъ.

Разсыпаяся надъ нами
Ударялъ сердито громъ:

На колѣни со слезами
Всѣ мы пали предъ Творцомъ.

Наши прозьбы досязаютъ
До жилищъ, гдѣ вѣчный день:
Вѣтръ и буря умолкаютъ,
Исчезаетъ ночь и тѣнь.

Милость Божья несказанна:
Звѣздъ число не мѣра ей,
Ни же неба твердь пространна;
Ни же глубина морей.

Радуйся корабль стремяся,
Воду на двое дѣля:
Скоро съ мачты веселяся
Закричитъ матрозъ: земля!

СМѢШНОЙ ЛОВЪ ОБЕЗЬЯНЪ.

При рѣкѣ Ореноко въ Америкѣ употребляютъ странной способъ ловить обезьянъ. Вотъ описаніе онаго:

Обезьяны находятъ нѣкоторой особливой вкусъ въ Индѣйскомъ пшенѣ, называемомъ маисъ.

Положатъ сего пшена нѣсколько въ сосудъ, къ которому придѣлана узкая трубочка, такъ чтобъ обезьяна могла только про-

сунушь лапу. Сосудъ этошъ ставяшъ подъ дерево, на кошоромъ увидяшъ сидящую обезьяну, и пойдушъ отшуда прочь.

Обезьяна какъ скоро сіе примѣтишъ, тотчасъ сойдешъ съ дерева, просунешъ лапу сквозь трубочку, и захвашишъ цѣлую горсть пшена въ сосудѣ.

Послѣ сего она выдернушь уже не можешъ, а пшена не хочешъ выпусшишь чего бы ей шо ни стоило.

Такимъ образомъ начинаешъ изо всей силы кричашь, словно какъ бы она была въ превеликой бѣдѣ, хошя совершенно въ ея волѣ состоишъ освободишься.

Жадность ея шакъ велика, что она лучше умрешъ, нежели выпусшишъ изъ лапы пшено.

Охотники увѣряютъ, что имъ не случилось еще ни одной шакой обезьяны видѣть, которая бы выбросила пшеницу изъ лапы и ушла.

Сія чудная глупость обезьянъ подала причину къ выдумкѣ слѣдующаго разговора:

ОБЕЗЬЯНА И НЕВОЛЬНИКЪ.

Невольникъ.

Меня дожидаешься? о безумная!

Обезьяна.

Чево ты хочешь?

Невольникъ

Хочу тебя убить.

Обезьяна.

Меня убить? за горсточку пшеницы? и! братъ человѣкъ, какой ты скупецъ!

Невольникъ.

Я не для себя это дѣлаю, исполняю волю господина моего.

Обезьяна.

По этому господинъ твой самой лютой звѣрь, а ты невольникъ его, самая подлая тварь.

Невольникъ.

Вотъ я тебѣ дамъ лаяться! —

Обезьяна.

Увы! что дѣлать? мое нещастіе велитъ мнѣ умереть. Но ты признайся по крайней мѣрѣ, что стыдно быть невольникомъ, и исполнять по принужденію волю другаго; я хотя обезьяна, однакожъ я свободна.

Невольникъ.

Добро ужъ, быть такъ: на этотъ разъ я тебя пощажу. Ступай убирайся куда хочешь.

Обезьяна.

Ахъ! ты видишь, что я этова сдѣлать не могу.

Невольникъ.

Розожми лапу!

Обезьяна.

Не льзя:, пшеница высыплится!

Невольникъ.

О! шакъ и между звѣрями есть невольники! надо мною господствуетъ бѣлой человѣкъ, а надъ шобою горсточка пшена. Умри невольница! я долженъ волю господина своего исполнять шакже, какъ шы своего исполняешь.

НАГРАЖДЕННОЕ СОСТРАДАНІЕ.

Маленькая Аннушка была очень жалостлива и сострадательна къ людямъ и скотамъ. Лишь увидитъ нещастнаго, то и спѣшитъ ему помочь, чѣмъ только можетъ.

Однажды ѣхала она домой, и подъѣзжая къ мосту увидѣла множество ребятишекъ, которые навязавъ бѣдной собакѣ пѣтлю на шею, тащили ее утопить въ рѣкѣ. Собака эта вся была въ грязи и собою очень дурна.

Постой! закричала Аннушка кучеру, и кучеръ остановился.

Тутъ она спросила у ребятишекъ, не хотятъ ли они продать собаку?—Пожалуй купи отвѣчали они. Она дала имъ серебряной рубль, велѣла собаку вымыть и посадила ее съ собой въ коляску.

Нянюшки ея находили, что собака очень дурна, и совѣтовали ей выбросить ее назадъ, однако Аннушка сказала имъ: я не смотрю на то, худа ли она, хороша ли; она бѣднинькая въ жалкомъ состояніи, и это побуждаетъ меня взять ее подъ мое попеченіе. Я помню, гдѣ то въ Священномъ Писаніи сказано: *блаженъ иже и скоты милуетъ*.

Дома всѣ смѣялись надъ ея *постельною* собачкою, называя такъ ее въ насмѣшку; но Аннушка на то не смотрѣла. Она всякой день сама ее кормила, и собака такъ привыкла къ ней, что ни на минуту не отходила отъ нее прочь.

Однажды когда Аннушка въ вечеру легла спать, и заснула уже, собака вскочила вдругъ на постелю къ ней, схватила ее зубами за рукавъ, трясла головою и выла такъ громко, что Аннушка проснулась. Она испугалась, и какъ собака не переставала ворчать и лаять, и все смотрѣла подъ кровать, то напослѣдокъ она принуждена была встать и кликнуть людей.

Люди прибѣжали и нашли подъ кроватью—ково бы вы думали?—вора, которой повинился, что онъ хотѣлъ Аннушку убить и обокрасть.

И такъ спасеніемъ своимъ обязана была она состраданію, какое имѣла нѣкогда къ бѣдной собакѣ.

УГОРЬ И ЗМѢЯ.

Главу имѣя гордо вознесенну,
Вѣщала угрю такъ змѣя:
Взгляники угрь, не чудналь красота моя?
Видалъ ли кожу ты толико изпещренну?
Твоя хотя гладка,
Однако отъ моей гораздо далека,
Моя прекрасна и гладка,
Сосѣдка, отвѣчалъ ей угрь, конечно
Прекрасна ты, я худъ и не пригожъ;
Да отъ чегожъ,
Позволь спросить тебя чистосердечно,
Всѣмъ сносенъ образъ мой,
А ты съ твоею красотой
Страшнѣе всякаго урода,
Гнушается тобой природа,
И пеструю твою кто лишь увидитъ кожу,
Во всю тотъ мочь?
Бѣжитъ скорѣе прочь,
Отворотивши рожу?
То правда, говоритъ змѣя,
Но для чего бѣгутъ, сама не знаю я;
А угорь ей: загадочку такую,

Коль хочешь, я шебѣ, сосѣдка, расшолкую:
Прекрасна шы на взглядъ,
Да въ сердцѣ у шебя и желчь и ядъ.

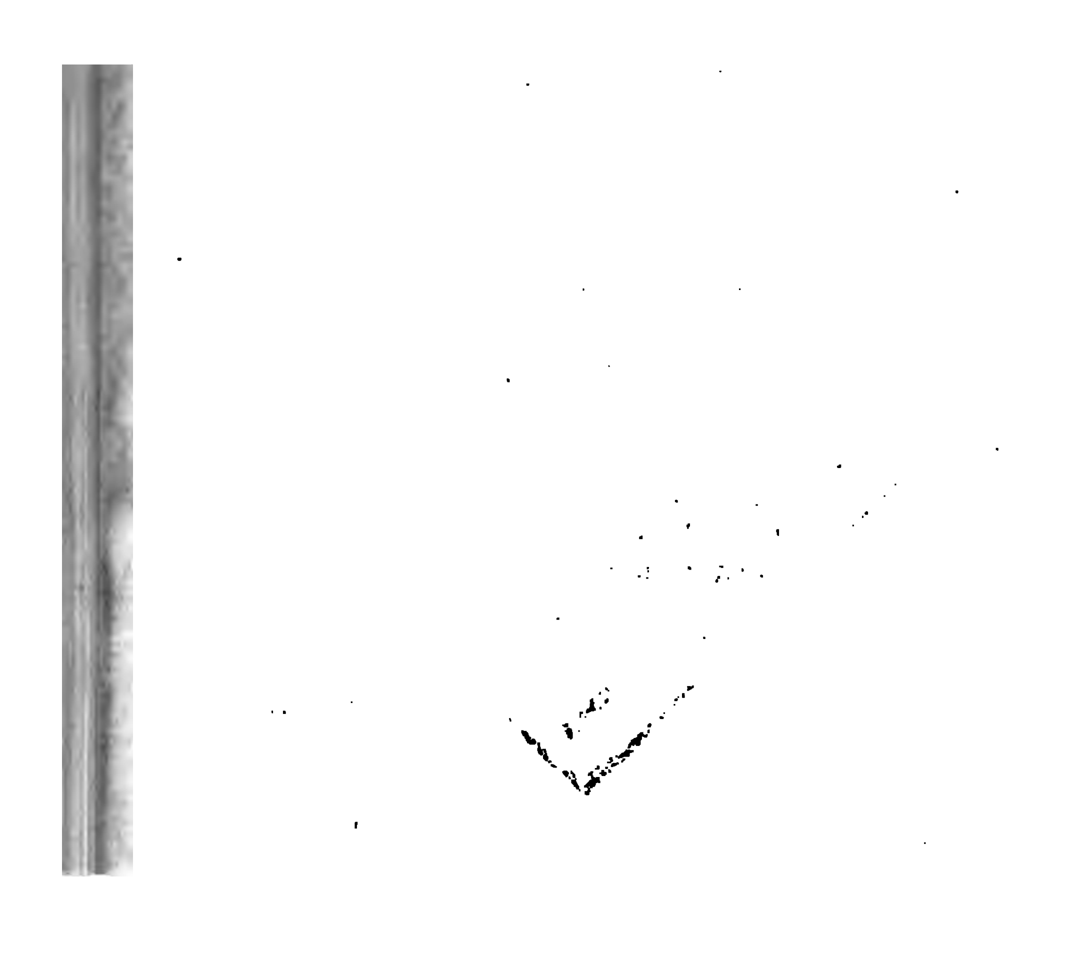
БУРЯ.

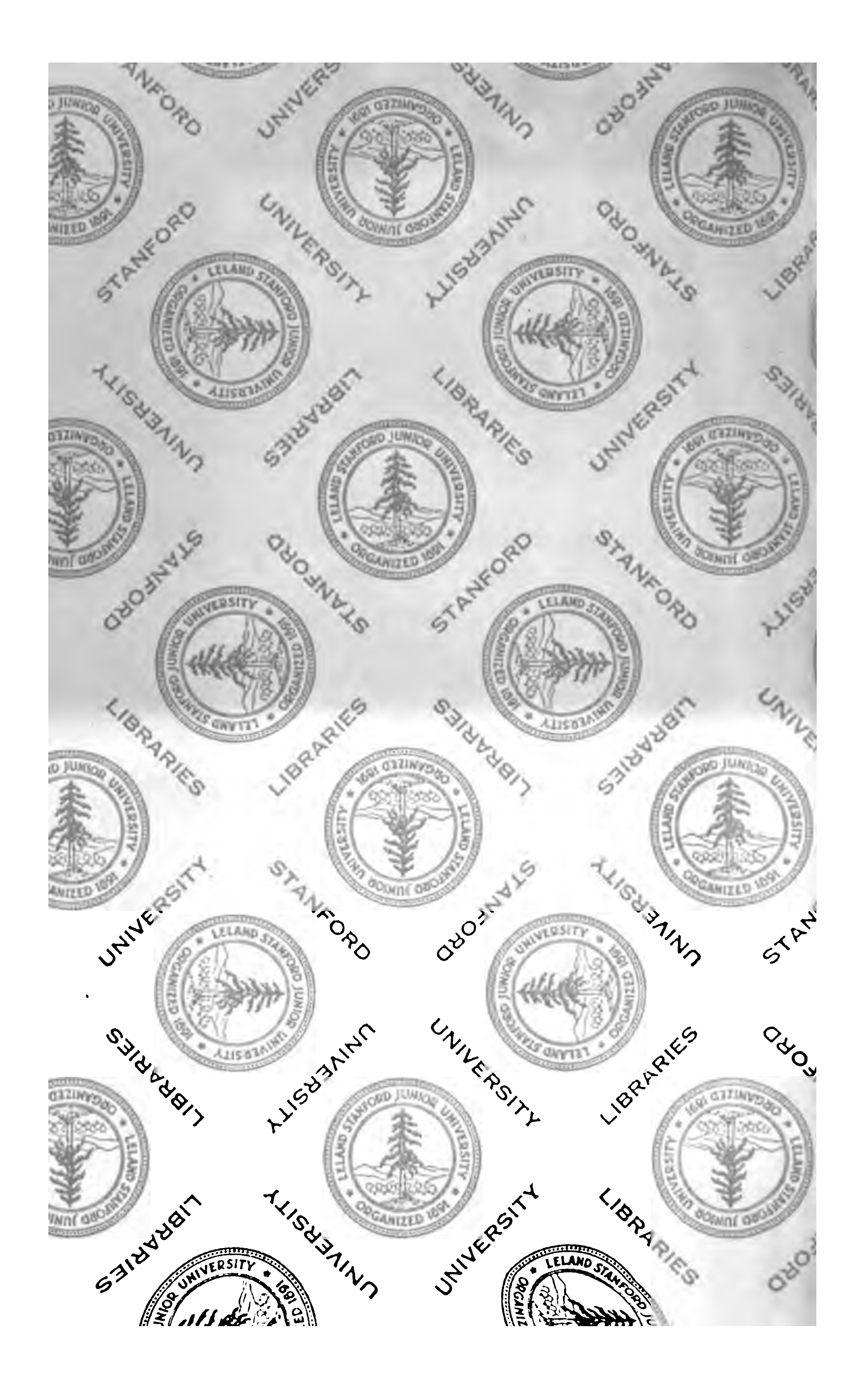
Съ какою люшосшью, чело свое нахмуря,
На крилахъ пламенныхъ несешся грозна буря!
Предъ нею сшрахъ лешишъ, и дымъ и пыль
сшолпомъ;
Въ ея ушробѣ вихрь и молнія и громъ.
Что всшрѣшишъ на пуши, все ломишъ, низ-
вергаешъ:
Се кедръ высокій ей прошивусшашь дерзаешъ;
Но крѣпкій силами, сшоящій много лѣшъ,
Исшоржснъ изъ земли со шрепешомъ падешъ.
Воззри на глубину, какъ шамъ смяшенья
полны,
Тѣсняшся, мечушся, другъ друга давяшъ
волны,
Уподобляяся шо безднѣ шо горамъ,
Изъ пропасши корабль кидаюшъ къ облакамъ.
Се свѣшлый день она въ нощъ шемну пре-
вращаешъ,
Жизнь изливающій лучъ солнца погашаешъ,
И мглою черною покрывъ небесный сводъ,
Съ багровыхъ крилъ своихъ сшрясаешъ мо-
ре водъ,

Текущихъ потопитъ въ садахъ цвѣтущи
                    крины,
Разрушитъ хижины, опустошитъ долины,
Изъ тварей дышущихъ исторгнутъ робкій
                    духъ:
Се плаваютъ уже и стадо и пастухъ!
Убійца лютая! доколѣ будешь злиться?
Ахъ! вскорѣ вся земля въ пустыню превра-
                    тится.
Внидь въ сожалѣніе, отвергни злость свою,
Дай солнечнымъ лучамъ проникнуть ночь сію,
Мы погибаемъ всѣ.—Но кто сей бурѣ темной
Изъити повелѣлъ изъ храмины подземной?
Кто тяжкія ея оковы разрѣшилъ?
Царь неба и земли, властитель горнихъ силъ.
Тебѣ ль, живущему среди надежды, страха,
Тебѣ ли, о червь! имъ созданный изъ праха,
Тебѣ ли, человѣкъ, дѣла его судить?
Твой долгъ есть ницъ лежать, святую волю
                    чтить,
И зря на чудное подсолнечной строенье,
Премудрость познавать и почерпать сми-
                    ренье;
Твой разумъ данъ тебѣ отъ щедраго Творца
На то, чтобъ ты въ немъ зрѣлъ, и Бога и отца.
Во славѣ страшенъ онъ: перунъ въ его дес-
                    ницѣ!
Но съ кротостью сѣдящъ во свѣтлой ба-
                    гряницѣ,
Отъ преисполненныхъ любви его очей

Ліется щастіе и радость твари всей.
Когда онъ росу къ намъ, иль дождь низпо-
сылаетъ,
Иль землю солнечнымъ лучемъ обогрѣваетъ,
Иль легкимъ душъ велитъ съ прохладой вѣ-
теркамъ,
Чтобъ дать нагимъ въ лѣсахъ раскинутся
древамъ,
Чтобъ тьмой обогатить поля произрастеній,
Не вѣстники ли то его благотвореній?
Но что же бури суть? тѣжъ вѣстники щед-
ротъ,
Тѣжъ проповѣдники всевышняго добротъ.
И мразы зимніе, и теплый солнца лучъ,
И ясность свѣтлыхъ дней, и мраки темныхъ
тучъ,
И бури и зефиръ и молніи и грады,
Употребляетъ онъ для общей всѣхъ отрады.
Господь нашъ праведенъ: страшиться намъ
чего?
Спокойно жребій свой возвержемъ на него,
И потуша въ себѣ уныніе душевно,
Увѣримся изъ благъ ліющихся вседневно,
Что Богъ, и въ радостный и въ страшный
самый часъ,
Всегда есть Богъ благій, пекущійся объ насъ.

Конецъ первой части.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

